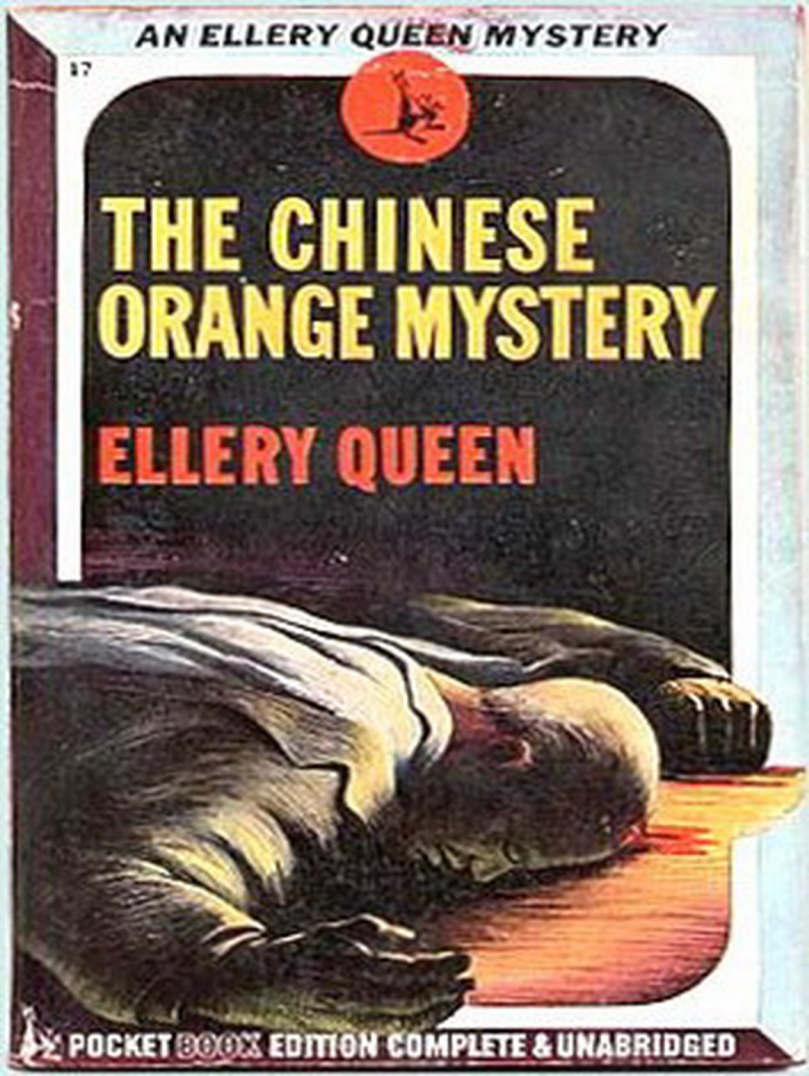
AN ELLERY QUEEN MYSTERY

17

THE CHINESE ORANGE MYSTERY

ELLERY QUEEN



POCKET BOOK EDITION COMPLETE & UNABRIDGED

Тайна китайского апельсина

Эллери Квин

Аннотация
Эллери Квин. «Тайна китайского апельсина»
Предисловие
Глава 1. ИДИЛЛИЯ МИСС ДИВЕРСИ
Глава 2. СТРАННАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ
Глава 3. УБИЙСТВО ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ
Глава 4. МИСТЕР НИКТО ИЗ НИОТКУДА
Глава 5. МАНДАРИНЫ И ДОГАДКИ
Глава 6. УЖИН НА ВОСЕМЬ ПЕРСОН
Глава 7. МАНДАРИН
Глава 8. СТРАНА НАОБОРОТ
Глава 9. ИСПОРЧЕННАЯ «ФУЧЖОУ»
Глава 10. СТРАННЫЙ ПОХИТИТЕЛЬ
Глава 11. УРАВНЕНИЕ С НЕИЗВЕСТНЫМИ
Глава 12. КАМНИ В ПОДАРОК
Глава 13. СЦЕНА В БУДУАРЕ
Глава 14. ЧЕЛОВЕК ИЗ ПАРИЖА
Глава 15. ЛОВУШКА
Глава 16. ЭКСПЕРИМЕНТ
Глава 17. ВЗГЛЯД НАЗАД

Аннотация

Эллери Квин — псевдоним двух кузенов: Фредерика Дэнни (1905–1982) и Манфреда Ли (1905–1971). Их перу принадлежат около 30 детективов, которые объединяет общий герой, сыщик и автор криминальных романов Эллери Квин, чья известность под стать популярности Шерлока Холмса и Эркюля Пуаро. Творчество братьев-соавторов в основном укладывается в русло классического детектива, где достаточно запутанных логических ходов, ложных следов, хитроумных ловушек.

Эллери Квин — не только псевдоним двух писателей, но и действующее лицо их многих произведений — профессиональный сочинитель детективных историй и сыщик-любитель, приходящий на помощь своему отцу, инспектору полиции Ричарду Квину, когда очередной криминальный орешек оказывается тому не по зубам.

Эллери Квин
«Тайна китайского апельсина»

Для расследования — или, точнее, разгадки — преступления необходимо сочетать качества ученого и провидца, которые находят свое законченное воплощение в личности детектива. Гений, позволяющий извлекать пророчества из уже известных событий, — это совершенно особой дар природы, и в своей высшей форме он дается очень немногим… Я хотел перефразировать интересное выражение Шлегеля из его «Атенеума», где он говорит: «Der Historiker ist ein rückwarts gekehrter Prophet»,[1] и сказать: «Детектив — это пророк, который смотрит в прошлое». Карлайл, соглашаясь с этим, тонко замечает, что процесс расследования (в противовес истории) представляет собой «процеживание слухов».

---

[1] ПРИМЕЧАНИЯ: 1

Историк — это пророк, который смотрит в прошлое» (нем.) (Здесь и далее примеч. пер.)

Фрагмент из анонимной статьи в «Эзотерической Америке», авторство которой приписывают Мацоюме Тахуки, известному японскому специалисту по восточной культуре

Предисловие

Вряд ли кого-то удивит, что я пристрастно отношусь к моему другу мистеру Эллери Квину — дружба враждебна критике, тем более если она делает тебя причастным к славе. Во всяком случае, я не могу припомнить, чтобы с тех давних пор, когда мне впервые удалось уговорить Эллери придать его запискам художественную форму, — это был его первый опыт, после чего последовало множество других волнующих произведений, — какая-либо из его работ производила на меня более глубокое впечатление, чем рукопись «Тайна китайского апельсина».

К этой книге, вероятно, подошел бы подзаголовок: «Преступление шиворот-навыворот» с нижеследующей пометкой: «Самое поразительное убийство нашего времени». Однако, как я уже сказал, мое отношение пристрастно, и, возможно, я слегка преувеличиваю. Дело не только в преступлении — хотя само по себе оно экстраординарно, — но и в том, что ум, трудившийся над ним, обладал невероятной силой. Даже теперь, зная ответ, я настроен немного недоверчиво. С другой стороны, все кажется таким простым,

таким естественным… Проблема в том — и на это часто указывает Эллери, — что загадки кажутся обескураживающе сложными до тех пор, пока ты не узнаешь правду, а потом остается только удивляться, почему ты не догадался обо всем с самого начала. Но я не вполне согласен с этой точкой зрения: нужен гений, чтобы раскрыть преступление, совершенное «шиворот-навыворот», и я готов отстаивать это мнение, даже если само небо обрушится мне на голову или если от меня откажется мой собственный друг, что совсем не исключено.

Бывают моменты, когда я втайне радуюсь тому, что никак не был связан с этим делом. В определенном смысле Эллери — это мыслящая машина, и он не испытывает никакого уважения к дружбе, когда логика выносит свой обвинительный приговор. Вполне возможно, что, если бы я оказался замешан в деле — скажем, в качестве адвоката Дональда Керка, — Эллери убедил бы доброго сержанта Вели защелкнуть на моих руках наручники. В конце концов, во время учебы в колледже я снискал более или менее преходящую известность сразу в двух видах спортивных соревнований — как чемпион своего класса по плаванию на спине и в качестве ведущего гребца

в лодочной команде.

Каким образом эти невинные обстоятельства могли сделать меня потенциальным — или скорее чрезвычайно активным — подозреваемым в деле об убийстве, которому посвящены нижеследующие страницы, я предоставляю узнать самому читателю и надеюсь, что он получит от этого истинное удовольствие.

Дж. Дж. Мак-К.

Нью-Йорк

Глава 1
ИДИЛЛИЯ МИСС ДИВЕРСИ

Мисс Диверси вылетела из кабинета доктора Керка под его разъяренные вопли. Некоторое время она стояла за дверью с пылающими щеками, прижав широкую ладонь к своему возмущенно вздымающемуся накрахмаленному бюсту, и слышала, как престарелый джентльмен разгневанно метался по комнате в своей инвалидной коляске, словно галапагосская черепаха, обрушивая на ее белый чепец ужасные проклятия на немыслимой смеси из древнееврейского, классического греческого, французского и английского языков.

«Старая развалина, — в ярости подумала мисс Диверси. — Это… это все равно что жить с ходячей энциклопедией!»

Доктор Керк разразился из-за двери небесными громами:

— И больше сюда не возвращайтесь, слышите?

В придачу к этому он пророкотал кое-что еще на особом жаргоне из тех причудливых языков, которые переполняли его ученый мозг. Эти слова наверняка задели бы мисс Диверси, если бы она

обладала сомнительным преимуществом иметь высшее научное образование.

— Чушь! — выкрикнула она, с вызовом глядя на дверь.

Ответа не последовало — по крайней мере, ничего такого, что можно было бы счесть за него. Разумеется, подумала она в мрачном унынии, что можно возразить на смех привидения или на шелест пыльной книги, которую выкопали из чьей-нибудь могилы? Он самый несносный старый… Мисс Диверси почти произнесла эту фразу вслух. Слова так и дрожали у нее на кончике языка. Но добрая сторона ее натуры победила, и она только сурово сжала бледные губы. Пусть одевается сам, если ему хочется. Если уж на то пошло, она всегда терпеть не могла одевать стариков… Минуту мисс Диверси стояла в нерешительности, потом, все еще с красным щеками, двинулась по коридору тверды ми и неспешными шагами профессиональной сиделки.

На двадцать втором этаже отеля «Чэнселор», согласно строгим правилам, стояла монастырская тишина. Мирная атмосфера успокоила возбужденные нервы мисс Диверси. Есть два преимущества, подумала она, которые способны компенсировать работу с этим дряхлым, вздор-

ным и крикливым старикашкой, страдающим — видит Бог, есть на небе справедливость! — от подагры и хронического ревматизма. Во-первых, приличное жалованье, которое молодой Дональд Керк платит ей за нелегкую задачу заботиться об его отце; во-вторых — то, что mènage[2] Керка находился в респектабельном отеле в самом центре Нью-Йорк-Сити. Деньги и местоположение, подумала она с угрюмым удовлетворением, вот вознаграждение за массу неудобств. До «Мэйси», «Джимбел» и других магазинов отсюда всего нескольких минут ходьбы; театры, кино, множество других волнующих вещей ждут буквально за порогом… Да, она согласна все терпеть. Жизнь трудна, но во всяком положении есть свои преимущества.

Конечно, иногда ей бывает очень трудно. Бог знает, сколько раз на дню приходится угождать прихотям всяких несносных типов. А этот старикашка Керк хуже всех: ему ничем не угодишь. Можно же, в конце концов, рассчитывать, что к тебе хоть раз отнесутся по-доброму, по-человечески, что тебя хоть когда-нибудь поблагодарят, скажут «пожалуйста» или «спасибо». Но только

---

[2] ПРИМЕЧАНИЯ: 2
Домашнее хозяйство (фр.).

не этот старый Вельзевул. Тиран, худший из тиранов. От одного его взгляда ее начинает трясти; даже волосы у него на голове стоят торчком, словно мечтают сбежать от него подальше. Он не хочет есть, когда его просят. Отказывается от массажа и расшвыривает ботинки. Носится по всему номеру, когда доктор Анджини говорит, что ему нельзя двигаться, и не в силах и пальцем пошевельнуть, если доктор Анджини предписывает ему упражнения. У него есть только одно положительное качество: когда он уткнет в книгу свой старый красный нос, то, по крайней мере, сидит спокойно.

И потом, есть еще Марселла. Марселла! Вздорная маленькая пустышка, больше ничего; годам к пятидесяти она станет женской копией своего отца. Конечно, и у нее есть свои хорошие стороны, нехотя признала мисс Диверси, но они есть у всех, даже у преступников. Если из ее хорошего вычесть все плохое, то мало что останется. Правда, подумала мисс Диверси, обладавшая сильным чувством справедливости, нельзя сказать, чтобы она совсем никуда не годилась; иначе как объяснить, почему по ней сохнет этот симпатичный розовощекий мистер Макгауэн? Как будто он не мог найти себе кого-нибудь получше! Впрочем,

мисс Диверси не сомневалась, что, не будь мистер Макгауэн другом мистера Дональда Керка, ни о какой помолвке между мистером Макгауэном и младшей сестрой мистера Керка не могло бы быть и речи. Вот что значит иметь брата и большую кучу денег, хмуро подумала мисс Диверси. Другим приходится из кожи вон лезть, чтобы найти себе подходящую партию и устроиться в приличном обществе, — мисс Диверси внимательно читала колонку светских сплетен. Что ж, может быть, когда они поженятся, он изменит свое мнение. Так обычно и бывает после женитьбы, подумала мисс Диверси, которая, помимо своих прочих замечательных качеств, обладала еще и изрядной долей цинизма. Каких только историй не читала она об этих светских людях!.. Что же касается Дональда Керка, то он в своем роде совсем не плох; однако это не тот «род», который устраивает мисс Диверси. Он — сноб. А это означает, что он обращается к мисс Диверси с благодушием и терпимым безразличием.

Похоже, размышляла далее мисс Диверси, шагая по коридору, самый легкий способ похоронить в себе женщину — это устроиться на работу сиделкой. Взять, например, ее. Ей тридцать два года… нет, надо быть честной с самой

собой — уже почти тридцать три, а какие у нее перспективы? Так сказать, в романтическом плане? Никаких, абсолютно никаких. Мужчины, которых она встречала по роду своей профессии, делились на две категории: тех, кто не обращал на нее никакого внимания, и тех, кто, наоборот, обращал его слишком много. В первую категорию входили доктора и мужские родственники богатых пациентов; вторая состояла из практикантов-медиков и мужской прислуги богатых пациентов. Первая категория мужчин вообще не видела в ней женщину, только рабочую машину; Дональд Керк принадлежал именно к ним. А вторая… вторая беззастенчиво тянула к ней свои грязные руки, чтобы посмотреть, как она на это отреагирует. Скажем, этот подхалим, коротышка Хаббл, подумала она с кривой усмешкой, — дворецкий мистера Керка, его камердинер, лакей и бог знает кто еще. В присутствии хозяина он сама скромность, сама честность; но не далее как сегодня утром ей пришлось залепить пощечину этому отвратительному типу. Пациенты, естественно, не в счет. О каком флирте может идти речь, когда меняешь им судно и все в таком роде. Но вот мистер Осборн — особый случай…

Суровые черты лица мисс Диверси слегка раз-

гладились, на ее губах появилась почти детская улыбка. Мысль о мистере Осборне — к чему это отрицать? — доставляла ей удовольствие. Прежде всего он джентльмен; это вам не пошлые шуточки Хаббла! Пожалуй, его можно отнести к третьей категории, в которую входит только он один. Не богач, но и не слуга. В качестве доверенного помощника мистера Керка он находился где-то посередине. Можно сказать, почти член семьи, но при этом работает за жалованье, как и она сама. Эта мысль почему-то была очень приятна мисс Диверси… Она спрашивала себя, не преступила ли она некоторым образом границы приличий в тот день, когда — это случилось много недель назад — впервые встретила мистера Осборна? Каким образом — ее щеки слегка зарделись, — каким образом разговор между ними зашел о браке? О, разумеется, ничего личного; она только сказала, что ни за что не выйдет замуж за человека, который не сможет обеспечить ей высокий — и весьма высокий — уровень жизни. О нет! Она видела множество браков, которые рухнули из-за денег; вернее, из-за их отсутствия. И у мистера Осборна при этом был такой подавленный вид, словно это его задело лично. Интересно, что бы это значило? Неужели он мог подумать…

Мисс Диверси спохватилась, что ее мысли зашли слишком далеко. Быстрыми шагами она устремилась к двери, расположенной в конце коридора напротив номера мистера Керка. Это была последняя дверь в стене, дальше начинался другой коридор, который вел от апартаментов Керка к лифтам. Самая обычная дверь, скромный представитель в дверном семействе; однако ее вид вызвал на щеках мисс Диверси легкий румянец, немного отличающийся от того, что вспыхнул на ее лице от громовых проклятий доктора Керка. Она потрогала ручку, и та подалась.

«Ничего страшного, если я загляну», — подумала она. Если в приемной комнате кто-нибудь есть, значит, он… значит, мистер Осборн, судя по всему, очень занят. А если в приемной никакого нет, то не будет большого вреда, если она… учитывая обстоятельства… В конце концов, этот старый болван не имеет права говорить с ней в таком тоне!.. Она тоже человек, разве нет?

Мисс Диверси открыла дверь. Приемная комната — вот удача! — оказалась пуста. Напротив нее находилась другая дверь, которая вела в кабинет, и она была закрыта. За этой дверью… Мисс Диверси вздохнула и повернулась, чтобы уйти. Но тут лицо ее прояснилось, и она торопливо вошла

в приемную. На журнальном столике между двух окон с манящим видом стояла ваза, полная свежих фруктов. Как мило со стороны мистера Керка заботиться о других людях, даже незнакомых! Бог знает сколько приходит их сюда и сидит в этой маленькой приемной, украшенной симпатичной мебелью из английского дуба, книгами, лампами, коврами, цветами и всякой всячиной.

Она перебрала фрукты, не зная, что лучше выбрать. Может быть, один из этих крупных сочных персиков? Должно быть, только что из оранжереи. Нет, пожалуй, не стоит, скоро уже обед. Или яблоко?.. О, мандарины! Если подумать, это ее любимые фрукты. Лучше, чем апельсины, потому что их легче чистить. И они так легко делятся на дольки!

Она с ловкостью белки очистила мандарин от кожуры и стала жевать сладкие вкусные кусочки крепкими зубами. Косточки мисс Диверси осторожно сплевывала на ладонь.

Покончив с этим, она огляделась по сторонам и, решив, что комната и столик слишком чистые, аккуратные и опрятные, чтобы засорять их косточками и кожурой, бодро выбросила остатки через окно во двор, образованный выступом здания четырьмя этажами ниже. Проходя мимо

столика, она заколебалась. Может быть, еще один? В вазе лежало еще два пухлых и аппетитных мандарина… Но она решительно покачала головой и вышла в коридор, закрыв за собой дверь.

Чувствуя себя немного лучше, мисс Диверси свернула за угол в соседний коридор. Куда ей теперь пойти? Если она вернется в номер, этот вздорный старикан выгонит ее вон, а к себе идти не хочется… Ее лицо снова прояснилось. В дальнем конце коридора, напротив лифтов, за столом сидела полная женщина средних лет, вся в черном, с седыми волосами, собранными в строгую прическу. Это была миссис Шэйн, дежурная по двадцать второму этажу.

Мисс Диверси закрыла глаза, проходя мимо двери справа, двери, за которой — она снова вспыхнула — находился офис мистера Дональда Керка, соединяющийся с приемной. В этом офисе работал любезный мистер Осборн, который… Она вздохнула и прошла мимо.

— Здравствуйте, миссис Шэйн, — весело обратилась она к полной женщине. — Как ваша спина?

Миссис Шэйн улыбнулась. Она предусмотрительно оглядела весь коридор, скосила взгляд, на

двери лифтов и воскликнула:

— Ах, это вы, мисс Диверси! Я уже боялась, мисс Диверси, что никогда вас больше не увижу! Неужели этот старый пройдоха не дает вам ни минутки отдыха?

— Чтоб его черти взяли, — беззлобно ответила мисс Диверси. — Это сам дьявол во плоти, миссис Шэйн. Буквально только что он вышвырнул меня из комнаты. Представляете? — Миссис Шэйн в ужасе заквохтала. — Мистер Берн, партнер мистера Керка, вернулся недавно из Европы — или еще откуда-то, точно не знаю, — и мистер Керк устраивает ужин в его честь. Разумеется, моему старикану тоже приспичило туда пойти. И что вы думаете? Он решил сменить к обеду платье, и вот…

— Платье? — невинно переспросила миссис Шэйн. — Он что, трансвестит?

Мисс Диверси рассмеялась:

— Я имею в виду смокинг и все остальное. Так вот, он не может переодеться сам. Он и на ногах-то едва стоит, у него все суставы перекручены ревматизмом. В конце концов, ему почти семьдесят пять! Но что вы думаете? Он не позволил себя переодеть. И просто выгнал меня из комнаты!

— Надо же, — отозвалась миссис Шэйн. — Муж-

чины порой ведут себя очень странно. Помню, как однажды моему Дэнни — да упокоит Господь его душу! — прострелило спину и мне пришлось… — Она резко остановилась и замерла, увидев, что из открывшегося лифта вышла женщина.

Однако приехавшую леди, похоже, мало волновало поведение гостиничных служащих. Она прошла мимо стола, источая слабый запах алкоголя, и, пошатываясь, направилась по коридору в противоположный конец этажа.

— Видели эту штучку? — прошипела миссис Шэйн, перегнувшись через стол. Мисс Диверси кивнула. — Я могу вам о ней такое порассказать! Девушки, которые убирают в номерах, говорили мне, что находили в ее комнате просто ужасные вещи. На прошлой неделе они нашли у нее на полу…

— Мне пора идти, — торопливо проговорила мисс Диверси. — А что, в офисе мистера Керка… я хочу сказать — у мистера Керка…

Миссис Шэйн расслабилась и бросила на мисс Диверси пронизывающий взгляд.

— Вы хотите спросить: есть ли кто-нибудь у мистера Осборна?

Мисс Диверси покраснела:

— Я не об этом спрашивала…

— Я знаю, милочка. Он там. В этом благословенном офисе уже больше часа не было ни души.

— Вы уверены? — выдохнула мисс Диверси и начала поправлять рыжеватые волосы под своим чепцом.

— Конечно уверена! После обеда я не сходила с этого места, и если бы в офис кто-нибудь вошел, то обязательно заметила бы.

— Ну что ж, — беспечно заявила мисс Диверси, — думаю, раз уж я здесь, почему бы мне не заглянуть к нему на минутку. В конце концов, мне все равно дольше нечем заняться. Я ужасно скучаю, миссис Шэйн! Кроме того, мне жалко этого беднягу мистера Осборна: он целыми днями сидит у себя в кабинете, и ему не с кем даже словом перекинуться.

— Ну, я бы так не сказала, — возразила миссис Шэйн с демонической усмешкой. — Как раз сегодня утром у него была одна совершенно потрясающая дама. Что-то насчет публикации книги мистера Керка — наверное, автор. Она очень долго пробыла у мистера Осборна…

— Почему бы и нет? — пробормотала мисс Диверси. — Честно говоря, миссис Шэйн, мне до этого нет никакого дела. В конце концов, это его работа, разве нет? Кроме того, мистер Осборн не

такой человек, чтобы… Ладно, до свидания.

— До свидания, — мягко ответила миссис Шэйн.

Мисс Диверси двинулась в обратном направлении, и ее шаги становились все короче и короче по мере приближения к зачарованной зоне возле кабинета мистера Керка. Наконец она остановилась — и каким-то чудом как раз напротив двери. Щеки у нее горели, и она оглянулась через плечо на миссис Шэйн. Почтенная дама, весьма комфортно чувствующая себя в роли толстого Эроса средних лет, расплылась в широкой улыбке. Мисс Диверси ответила ей довольно глупой улыбкой и, отбросив всякое притворство, постучала в дверь.

* * *

Джеймс Осборн произнес: «Войдите»; у него был отсутствующий тон, и он даже не поднял бледного лица, когда мисс Диверси с сильно бьющимся сердцем проскользнула в кабинет. Осборн сидел на вращающемся стуле и с молчаливой сосредоточенностью трудился над какой-то странной папкой с вкладными листами, каждый из которых был разлинован прорезями и содержал маленькие квадратики разноцветной бумаги. Это был худощавый мужчина, сорока пяти лет

с волосами неопределенного цвета, уже поседевшими на висках, острым чеканным носом и усталыми глазами, смотрящими из глубоких морщин. Он с неослабным вниманием работал над кусочками раскрашенной бумаги, держа их перед собой маленькими никелевыми щипцами с ловкостью, приобретенной долгой практикой.

Мисс Диверси кашлянула.

Осборн развернулся на стуле, поднял голову.

— Ах, это вы, мисс Диверси! — воскликнул он, уронив щипцы и вскочив с места. — Входите, прошу вас. Мне очень жаль… я так увлекся и… — На его плоских морщинистых щеках выступила краска.

— Не буду отвлекать вас от работы, — пробормотала мисс Диверси. — Я просто решила заглянуть, но раз вы заняты…

— Нет. Нет-нет, мисс Диверси, ни в коем случае. Садитесь. Я не видел вас уже два дня. Наверно, у вас было много работы с доктором Керком?

Мисс Диверси присела, расправив накрахмаленные юбки.

— О, ничего особенного, мистер Осборн, я уже привыкла. Он немного чудаковат, но это весьма достойный старый джентльмен.

— Вполне с вами согласен. Вполне, — под-

держал ее мистер Осборн. — Это выдающийся ученый, мисс Диверси. Он внес огромный вклад в развитие современной филологии. Да, великий ученый.

Мисс Диверси что-то пробормотала. Осборн стоял перед ней, напряженно вытянувшись и склонив голову. В комнате было очень тихо и тепло. Она скорее походила на маленький салон, чем кабинет, к тому же обставленный весьма разборчивой рукой. На окнах, выходящих во двор за выступом дома, висели мягкие прозрачные занавески и портьеры из коричневого бархата. В углу стоял стол мистера Керка, заваленный альбомами и книгами.

Внезапно они оба почувствовали, что находятся в комнате одни.

— Я вижу, вы опять занимаетесь почтовыми марками, — произнесла мисс Диверси напряженным голосом.

— Да. Да, в самом деле.

— Не понимаю, что вы, мужчины, находите в этих старых марках?! Скажите, неужели вы иногда не чувствуете себя немного глупо, мистер Осборн? Взрослый мужчина! Я всегда думала, что подобными вещами занимаются одни мальчишки.

— Нет, что вы, — запротестовал мистер Осборн. — Так думают только дилетанты. На самом деле филателией увлекаются миллионы людей во всем мире. Это универсальное хобби, мисс Диверси. Вы знаете, что существует марка, которая по каталогу стоит пятьдесят тысяч долларов?

Мисс Диверси округлила глаза.

— Нет!

— Уверяю вас. Это маленький кусочек бумаги, на который вы не обратили бы никакого внимания. Я видел ее фотографию. — Усталые глаза Осборна оживились. — Она из Британской Гвианы. Во всем мире существует только один экземпляр. Эта марка находится в коллекции покойного Артура Хинда, из рода Рочестеров. Король Георг мечтает пополнить ею свою коллекцию британских колоний…

— Вы хотите сказать, — изумилась мисс Диверси, — что король Георг коллекционирует марки?

— Разумеется. Как и многие известные люди. Мистер Рузвельт, например, или Ага-хан…

— Подумать только!

— Или, скажем, возьмите мистера Керка. Я имею в виду — Дональда Керка. Он один из самых известных коллекционеров китайских марок в мире. Это его специализация. Мистер

Макгауэн собирает «местные серии» — марки, которые были выпущены отдельными штатами или сообществами штатов до введения единой национальной почты.

Мисс Диверси вздохнула:

— Надо же, как интересно. Но, мне кажется, мистер Керк собирает и другие вещи?

— О да. Драгоценности. Но я этим не занимаюсь. Он хранит их в банковском сейфе. Большую часть времени я трачу на то, чтобы содержать в образцовом порядке его коллекцию почтовых марок, а также оказываю мистеру Керку кое-какие конфиденциальные услуги по поводу работы в «Мандарин пресс».

— О, как интересно!

— Не правда ли?

— Очень интересно, — подтвердила мисс Диверси. Какого черта, подумала она в ярости, неужели мы только об этом и будем говорить? — Я однажды читала книгу, напечатанную в издательстве «Мандарин».

— В самом деле?

— «Смерть повстанца», автор какой-то иностранец.

— А! Мережинский. Русский писатель, одно из открытий Феликса Берна. Он всегда носится

по всей Европе в поисках заграничных авторов — я хочу сказать, мистер Берн. Вот так. — Осборн замолчал.

— Понятно, — протянула мисс Диверси и тоже замолчала.

Осборн погладил подбородок. Мисс Диверси поправила волосы.

— В самом деле, — немного нервно продолжила мисс Диверси, — они выпускают очень изысканные книги, не правда ли?

— О, разумеется! — воскликнул Осборн. — Я не сомневаюсь, что мистер Берн вернется с целым чемоданом новых рукописей. Так всегда бывает.

— Подумать только, — вздохнула мисс Диверси; разговор становился все хуже и хуже. Осборн созерцал ее накрахмаленную чистоту восхищенным и почтительным взглядом. Потом мисс Диверси осенило. — Полагаю, мистер Берн не знает о мисс Темпл, не так ли?

— Что? — удивился Осборн. — А, о мисс Темпл. Да, кажется, мистер Керк писал ему о ее новой книге. Мисс Темпл очень приятная женщина.

— Вы так думаете? Я с вами согласна. — Мисс Диверси пожала широкими плечами. — Ну что ж, пожалуй…

— Надеюсь, вы не уйдете так скоро? — спросил

Осборн упавшим голосом.

— Боюсь, мне пора, — пробормотала мисс Диверси, вставая. — Наверно, доктор Керк уже готов. Думаю, ему пришлось немало потрудиться! А впрочем… было очень приятно с вами побеседовать, мистер Осборн.

Она направилась к двери. Осборн проглотил слюну.

— Э-э… мисс Диверси…

Он сделал к ней робкий шаг, и она, мгновенно остановившись, повернулась к нему с участившимся дыханием.

— Да, мистер Осборн? В чем дело?

— Вы не могли бы… если я… то есть, если мы…

— Вы о чем, мистер Осборн? — лукаво улыбнулась мисс Диверси.

— Вы чем-нибудь заняты сегодня вечером?

— О! Кажется, нет, мистер Осборн.

— В таком случае, может быть, вы… сегодня сходите со мной в кино?

— О, — повторила мисс Диверси, — с удовольствием.

— В «Радио-Сити» идет новая картина с Бэрримором, — торопливо добавил Осборн. — Я слышал, это очень хороший фильм. Ему дают четыре звездочки.

— С Джоном или Лайонелом? — поинтересовалась мисс Диверси, нахмурив брови.

Осборн несколько растерялся:

— С Джоном.

— Тем лучше! — воскликнула мисс Диверси. — Джон всегда был моим любимчиком. Лайонел мне тоже нравится, но Джон… — Она в восторге подняла глаза к потолку.

— Не знаю, — неуверенно заметил Осборн. — Мне показалась, что в последних лентах он выглядел немного староватым. Возраст, знаете ли, не красит, мисс Диверси.

— Что вы такое говорите, мистер Осборн? — удивилась мисс Диверси. — Неужели вы ревнуете?

— Ревную? Я? Нет, я…

— Мне кажется, он просто божественен, — заявила мисс Диверси, улыбнувшись. — И очень мило с вашей стороны, что вы позвали меня на этот фильм, мистер Осборн. Я уверена, он доставит мне большое удовольствие.

— Благодарю вас, — хмуро ответил Осборн. — Я хотел спросить… Впрочем, это не важно, мисс Диверси. Сейчас примерно без четверти шесть…

— Пять сорок три, — машинально уточнила мисс Диверси, с профессиональной быстротой сверившись с наручными часами. — Допустим,

это будет, — она интимно понизила голос, — в четверть восьмого. Вас устроит?

— Вполне, — тихо ответил Осборн.

Их взгляды встретились, и оба быстро отвели глаза. Мисс Диверси почувствовала, как под ее накрахмаленным передником поднимается жаркая волна. Ее грубоватые пальцы машинально потянулись к волосам.

* * *

Позже в своих доверительных беседах мистер Эллери Квин неоднократно замечал, что одной из самых любопытных особенностей этого дела было то, как исподволь и незаметно само отсутствие жертвы влияло на маленькие судьбы маленьких людей. Казалось, все было как всегда. Мисс Диверси наслаждалась беседой с мистером Осборном в уютном офисе Керка. Дональд Керк куда-то ушел. Джози Темпл надевала новое черное платье в одной из комнат для гостей, принадлежавших апартаментам Керка. Острый нос доктора Керка торчал в древнем раввинском манускрипте четырнадцатого века. Хаббл находился в комнате Керка и готовил вечерний костюм своего хозяина. Гленн Макгауэн быстро шагал в сторону Бродвея. Феликс Берн целовал женщину с иностранной

внешностью в своей холостяцкой квартирке где-то на шестидесятых улицах, в восточной части города. Ирен Левис нагишом стояла в своей спальне в отеле «Чэнселор» и разглядывала в зеркале свою восхитительную фигуру.

А миссис Шэйн, только что изображавшая из себя Купидона, неожиданно была призвана к исполнению новой роли — Пролога к Трагедии о китайском апельсине.

Глава 2
СТРАННАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

Ровно в 5.44 по часам миссис Шэйн двери одного из лифтов напротив ее поста раскрылись, и в холле появился упитанный немолодой мужчина с ничем не примечательным лицом. Вообще, в его внешности не было ничего, что могло бы заинтересовать или порадовать посторонний взгляд. Это была просто некая персона средних лет, облаченная в невыразительную одежду, состоявшую из темно-зеленой фетровой шляпы, блестящего черного плаща и шерстяного шарфа, накрученного вокруг толстой шеи во избежание простуды на уличном ветру. Руки у него были пухлые и безволосые, в обыкновенных перчатках из овчинной кожи. От макушки его дешевой шляпы и до подошв черных бульдожьих ботинок он представлял собой абсолютное ничто, человека-невидимку, одного из представителей армии посредственностей, которые наполняют этот серый повседневный мир.

— Да? — сухо спросила миссис Шэйн, смерив его пристальным взглядом и заметив его колеб-

лющийся вид. Он явно не был постояльцем отеля «Чэнселор» с его номерами по десять долларов за сутки.

— Вы не могли бы мне подсказать, где находится личный кабинет мистера Дональда Керка? — робко поинтересовался упитанный мужчина. Голос у него оказался мягким и немного приторным, но скорее приятным.

— А, — откликнулась миссис Шэйн.

Этот вопрос ей все объяснил. Кабинет Дональда Керка на двадцать втором этаже посещало множество самых странных джентльменов. Керк нарочно устроил в отеле этот офис, чтобы иметь тихое местечко для встреч с ювелирными торговцами и филателистами, а также для того, чтобы заниматься сугубо конфиденциальными делами издательского бизнеса, не подвергая их огласке в слишком публичной атмосфере штаб-квартиры «Мандарин пресс». Для миссис Шэйн не были новостью визиты таких необычных посетителей. Поэтому она коротко ответила:

— Комната 2210, прямо по коридору, — и вернулась к рассматриванию нудистского журнала, который искусно прикрывала полуоткрытым ящиком стола.

Упитанный мужчина поблагодарил ее слаща-

вым голосом и направился по коридору к той самой двери, в которую несколько минут назад вошла мисс Диверси. Он сложил пальцы в пухлый кулак и постучал в дверь.

Наступила продолжительная пауза; потом из комнаты донесся странно задыхающийся голос Осборна, отозвавшийся:

— Войдите!

Упитанный мужчина просиял и открыл дверь. Осборн, мигающий и бледный, возвышался возле своего стола, а мисс Диверси с пылающими щеками стояла возле двери. Кожа на ее правой руке в том месте, где мгновение назад к ней прикоснулась мужская ладонь, пылала.

— Мистер Керк? — вежливо спросил незнакомец.

— Мистера Керка сейчас нет, — с трудом проговорил Осборн. — Могу я…

— Пожалуй, я пойду, — каким-то надтреснутым голосом произнесла мисс Диверси.

— О, что вы, совсем не стоит! — воскликнул посетитель. — Уверяю вас, я могу и подождать. Я совсем не хотел прерывать… — Его взгляд скользнул по ее униформе.

— Я уже ухожу, — пробормотала мисс Диверси и в следующее мгновение выскочила из комнаты,

прижав ладони к щекам.

Дверь захлопнулась.

Осборн вздохнул и опустил голову:

— Итак… чем я могу вам помочь?

— Честно говоря, — заявил незнакомец, сняв шляпу и обнажив голый розоватый череп, обрамленный седыми волосами, — на самом деле я ищу мистера Керка, мистера Дональда Керка. Мне очень нужно с ним увидеться.

— Я помощник мистера Керка, Джеймс Осборн. Зачем вы хотите увидеть мистера Керка?

Незнакомец заколебался.

— Что-нибудь связанное с издательским бизнесом?

Мужчина упрямо поджал губы.

— У меня к нему личное дело, мистер Осборн.

В глазах Осборна появился стальной блеск.

— Могу вас заверить, мистер Керк поручает мне самые конфиденциальные дела. Вы можете доверить мне любую информацию…

Бесцветные глаза упитанного мужчины остановились на альбоме с марками, лежащем на столе Осборна. Внезапно он спросил:

— Это что, марки?

— Да. Так чем я… Посетитель покачал головой:

— Нет, я подожду. Скоро ли вернется мистер

Керк?

— Точно не знаю. Думаю, что довольно скоро.

— Прекрасно, замечательно. Могу ли я… — Он бросил взгляд на одно из кресел.

— Если вы хотите подождать, то прошу сюда, — пригласил Осборн.

Он подошел к другой двери и открыл ее в комнату, которую уже наполнил вечерний сумрак. Там щелкнул выключателем над книжным шкафом, чуть правее двери, и осветил ту самую приемную, где мисс Диверси стянула мандарин.

— Чувствуйте себя как дома, — сказал Осборн упитанному коротышке. — Сигареты и сигары в хьюмидоре[3] на столе; есть сладости, журналы, фрукты. Как только появится мистер Керк, я вам сообщу.

— Благодарю вас, — пробормотал незнакомец. — Вы очень любезны. Здесь в самом деле уютно. — Не снимая шарфа, он уселся в одно из кресел у стола. — Прямо как в клубе, — кивнул он удовлетворенно. — Очень мило. И столько книг!

Три стены в комнате были уставлены открытыми книжными полками, разделенными только двумя дверями в противоположных стенах и

---

[3] ПРИМЕЧАНИЯ: 3

Хьюмидор — специальная коробка для сигар с увлажнителем воздуха.

искусственным камином, над которым висели две скрещенные африканские пики и боевой щит племени импи. Четвертую стену занимали два окна и журнальный столик. Перед книжным шкафом, как часовые, стояли глубокие кресла.

— Неужели? — сухо произнес Осборн и вернулся обратно в кабинет, закрыв дверь за упитанным мужчиной, который удобно устроился в кресле и взял в руки журнал.

Осборн подошел к телефону на своем столе и набрал номер апартаментов Керка.

— Алло! Хаббл! — раздраженно крикнул он в трубку. — Мистер Керк у себя?

В телефоне послышался жалобный голос Хаббла, говорящего с английским акцентом:

— Нет, сэр.

— Когда он должен вернуться? Здесь его ждут.

— Мистер Керк только что звонил, сэр, и сказал, что опоздает на ужин и что ему не понадобится его вечерний костюм. — Голос Хаббла стал еще жалобнее. — Это вполне в духе мистера Керка! От него никогда не знаешь, чего ожидать, если мне будет позволено так выразиться, сэр. Теперь он говорит, что будет без четверти семь и я должен приготовить место для «неожиданного гостя», какого-то мистера Кинга, или Квина, или как там

его еще, и вот…

— Хватит, ради бога, — бросил Осборн и повесил трубку. Затем сел, глядя перед собой отсутствующим взглядом.

* * *

В двадцать пять минут седьмого дверь кабинета открылась, и в нее торопливо вошел Гленн Макгауэн. Он был в смокинге, с плащом и шляпой в руках. В зубах у него раздраженно пыхтела длинная сигара, а живые и ясные глаза выражали озабоченность.

— Как всегда, трудитесь над марками? — спросил он густым голосом, во весь рост вытянувшись в кресле. — Старый верный Оззи. Где Дон?

Осборн, погрузившись в свой альбом, вздрогнул и поднял голову.

— А, мистер Макгауэн! Я… я не знаю, сэр. Он здесь не появлялся.

— Черт. — Макгауэн погрыз кончик ногтя. — Его поведение так же трудно предсказать, как победителя следующего дерби. Как-то я поспорил с ним на тысячу долларов, что он не сможет прийти вовремя на назначенную встречу, и, клянусь святым Георгом, выиграл пари! Видели Марселлу?

— Нет, сэр. Она здесь редко появляется, и я…

— Послушайте, Оззи. — Макгауэн нервно затянулся сигарой. Его длинное и огромное тело с избытком заполняло кресло. Над широкими плечами помещались худощавое лицо и высокий бледный лоб. — Мне надо срочно поговорить с Доном. Вы уверены…

Осборн был удивлен.

— Но разве вы не увидитесь с ним сегодня вечером на ужине, сэр?

— Да-да, но я хочу поговорить с ним до ужина. Вы уверены, что не знаете, где он? — нетерпеливо спросил Макгауэн.

— Мне очень жаль, сэр. Он рано ушел и не сказал, куда отправится.

Макгауэн нахмурился:

— Дайте мне бумагу и карандаш.

Он что-то быстро написал на листочке, который торопливо принес ему Осборн, убрал его в конверт, запечатал и бросил на стол Керка. — Проследите за тем, чтобы он прочитал его до ужина, Оззи. Это очень важно… и конфиденциально.

— Разумеется. — Осборн спрятал конверт в один из своих карманов. — Кстати, сэр, я хотел вам кое-что показать, если у вас есть свободная минута.

Макгауэн задержался у двери:

— Я тороплюсь, старина.

— Уверен, что вы захотите на это взглянуть, мистер Макгауэн.

Осборн подошел к стенному сейфу и вынул из него большую, похожую на гроссбух книгу в кожаном переплете. Затем перенес ее на стол и открыл; внутри было полно почтовых марок.

— Что-нибудь новенькое? — заинтересовался Макгауэн.

— Да, есть один новый экземпляр, сэр. — Осборн указал на марку и подал Макгауэну маленькое увеличительное стекло, взяв его из разбросанных по столу инструментов филателиста.

— Нанкинская серия с драконами, если не ошибаюсь? — пробормотал Макгауэн, наведя увеличительное стекло на зелено-розовую марку. — Постойте, я вижу какой-то изъян в надпечатке. Ба, да здесь опущен нижний иероглиф!

— Совершенно верно, сэр, — с энергичным кивком подтвердил Осборн. — На вертикальной надпечатке должно быть написано «Chung Hua Ming Kuo», то есть — «Срединное цветущее народное государство». Но на этой марке последний иероглиф по каким-то причинам выпал, и слово «государство» исчезло. Проблема с китайскими

раритетами, особенно с надпечатками, заключается в том, что надо очень хорошо разбираться в идеограммах, иначе не заметишь ошибки. Это еще довольно легкий случай; хотя сам я не отличу китайского от древнегреческого. Но старый доктор Керк прочитал мне надпись. Интересно, не правда ли, сэр?

— Чертовски. Где Дон ее раскопал?

— На аукционе. Недели три назад. Правда, ее доставили нам только вчера, не знаю почему. Может быть, хотели удостоверить ее подлинность.

— Вечно ему везет, черт бы его побрал, — проворчал Макгауэн, откладывая лупу. — Я уже не помню, когда встречал что-нибудь действительно стоящее из «местной» серии. — Он пожал плечами, потом спросил странно безразличным тоном: — Любопытно, во сколько ему обошлась эта нанкинская серия, Оззи?

Губы Осборна сжались, а в глазах появился холодок.

— Боюсь, я не могу вам этого сказать, сэр.

Макгауэн взглянул на него и вдруг хлопнул ладонью по его худой спине:

— Ладно-ладно, старый верный простофиля. Не забудьте про мою записку. Передайте Дону, что я нарочно заглянул к нему пораньше. К ужину я

вернусь. Хочу спуститься вниз и сделать несколько звонков.

— Да, мистер Макгауэн, — с улыбкой ответил Осборн и вернулся к своему столу.

* * *

Просто удивительно, как все складывалось в тот вечер. События были тщательно подогнаны друг к другу, как новые женские перчатки. Одно происшествие неизбежно следовало за другим. И все обрушивалось на голову бедного Осборна, скромного сотрудника, занятого своей работой.

Все это время дверь в приемную была закрыта, и оттуда не доносилось ни звука.

Например, на часах было ровно 6.35, когда дверь кабинета снова отворилась и это заставило Осборна резко поднять голову. В проеме двери эффектно стояла высокая очаровательная женщина с улыбкой на алых губах. Осборн в явном замешательстве вскочил на ноги.

— О, — произнесла женщина, и ее улыбка исчезла. Это выглядело так, словно номер с ее появлением закончился. — Мистера Керка нет?

— Нет, мисс Левис.

— Разве это не возмутительно? — Она небрежно прислонилась к дверному косяку, оглядев

комнату зелеными глазами. На ней было что-то обтягивающее и блестящее. Короткая накидка из меха горностая не скрывала голых рук. Глубокая ложбинка в полуоткрытом бюсте стягивалась и раскрывалась в такт ее дыханию. — Я хотела с ним поговорить.

— Мне очень жаль, мисс Левис, — произнес Осборн. В его глазах мисс Диверси выглядела гораздо более привлекательно, хотя и не обладала таким очарованием. Эта женщина казалась нереальной, как Грета Гарбо на киноэкране. На таких можно смотреть, но до них нельзя дотронуться.

— Хм… спасибо. — Голос у нее тоже звучал не совсем реально, низкий и немного хриплый, полный теплой глубины.

Осборн как зачарованный стоял и смотрел в ее зеленые глаза. Она одарила его улыбкой и исчезла.

* * *

Две женщины встретились у двери кабинета под бдительным взором миссис Шэйн, которая видела, слышала и знала абсолютно все. Меховая накидка Ирен Левис задела руку маленькой женщины в черном вечернем платье, которая только что вышла из апартаментов Керка. Обе

женщины остановились, словно замороженные холодом взаимной неприязни. Миссис Шэйн не сводила с них блестящих глаз.

Не двигаясь, они смотрели друг на друга добрых пятнадцать секунд: высокая женщина слегка наклонилась вперед, а маленькая жгла ее немигающим взглядом. Никто не сказал ни слова. Потом мисс Левис направилась в поперечный коридор, и в ее зеленых глазах блеснула вспышка насмешливого торжества. Она шла так, словно это доставляло ей чувственное удовольствие — медленно и плавно покачивая бедрами.

Джози Темпл смотрела ей вслед, стиснув маленькие кулачки. В покачивании бедер мисс Левис было явно что-то вызывающее.

— Ты прекрасно знаешь, что в этом я не могу с тобой тягаться, хитрая чертовка, — пробормотала себе под нос мисс Темпл. — Ты и твои сексапильные штучки… потаскушка!

Потом она пожала плечами, улыбнулась и вошла в офис.

* * *

Осборн снова оторвался от своей работы, почти не скрывая раздражения. Он встал и произнес: «Мистер Керк еще не пришел, мисс Темпл», — та-

ким тоном, словно хотел поскорей избавиться от посетительницы.

— Надо же, мистер Осборн, — пробормотала мисс Темпл. — Похоже, вы стали ясновидцем. Как вы догадались, что я ищу Дональда?

На губах Осборна появилась невольная улыбка.

— Вы уже четвертая за этот вечер, мисс Темпл. Сегодня у мистера Керка был бы очень оживленный день, если бы он так удачно от него не избавился.

— По-вашему, мистер Керк и от меня удачно избавился? — спросила мисс Темпл, продемонстрировав ямочки на щеках.

— Конечно нет, мисс Темпл.

— Ну, вы из вежливости это говорите. Господи, мне так хотелось поговорить с ним, прежде чем… Какая жалость! Ну что ж, спасибо, мистер Осборн. Полагаю, тут ничего нельзя поделать.

— Мне очень жаль. Если я могу чем-нибудь помочь…

— Нет, ничего не нужно. Она улыбнулась и вышла.

Не успел Осборн со вздохом облегчения сесть на место, как зазвонил телефон. Он в ярости схватил трубку и крикнул:

— Да?

— Дональд. Это Феликс. Прости, что я…

— А, — откликнулся Осборн. — Это Осборн, мистер Берн. Здравствуйте, сэр. С возвращением. Как добрались через океан?

Берн сухо ответил:

— Превосходно. — В его голосе слышался неуловимый заграничный привкус. — Керк на месте?

— Я жду его с минуты на минуту, мистер Берн.

— Ладно, передайте ему, что я опоздаю на ужин, Осборн. Неожиданная задержка.

— Да, сэр, — вежливо произнес Осборн. В следующий момент его терпение лопнуло, и он завопил с давно сдерживаемой злостью: — Почему вы не позвонили в его апартаменты, черт возьми?

Но к этому времени мистер Берн уже повесил трубку.

* * *

Потом, точно в 6.45, из лифта появился Дональд Керк вместе с высоким молодым человеком, одетым в вечерний костюм и с пенсне на носу.

Во внешности Керка не было ничего, что могло бы выдать в нем молодого миллионера, светского льва, владельца «Мандарин пресс» и одного из

самых желанных холостяков во всем Нью-Йорке. Он был одет в неброский твидовый костюм, его пальто выглядело невзрачно, на носу темнел след от чернил, плечи были сутулыми, а свою фетровую шляпу он смял и засунул в карман пальто. У него был изнуренный вид, какого никак не ожидаешь увидеть у миллионера, а запах его трубки заставил поморщиться миссис Шэйн.

— Добрый вечер, миссис Шэйн. Проходите, Квин. Как хорошо, что я столкнулся с вами в холле. Вы не против, если я загляну в офис? Это займет одну секунду.

— Разумеется, — протянул в ответ Квин. — Я только винтик в вашей машине. Командуйте. Кстати, что тут у вас вообще творится, старина?

Но Керк уже вошел в офис. Эллери не спеша последовал за ним и оперся плечом на дверной косяк.

Хмурое лицо Осборна мгновенно расцвело улыбкой.

— Мистер Керк! Слава богу, вы вернулись. Я уже схожу с ума. Это самый беспокойный вечер…

— Подождите, Оззи. — Керк метнулся к столу и стал рыться в куче открытых писем. — Есть что-нибудь важное? Ах да, простите. Квин, познакомьтесь с Джимми Осборном, моей правой

рукой. Мистер Эллери Квин, Оззи.

— Как поживаете, мистер Квин?.. Честно говоря, не знаю, мистер Керк. Буквально несколько минут назад сюда заходила мисс Левис…

— Ирен? — Бумаги выскользнули из рук Керка. — А ей-то что здесь было нужно? — спросил он недоуменным тоном.

Осборн пожал плечами:

— Она не говорила. Наверно, ничего особенного. Потом заглянула мисс Темпл.

— В самом деле?

— Да. Она только сказала, что хотела поговорить с вами перед ужином.

Керк нахмурился:

— Хорошо, Оззи. Что-нибудь еще? Сейчас я освобожусь, Квин.

— Можете не торопиться.

Осборн почесал свою песочно-рыжую голову.

— Ах да! Минут двадцать назад здесь был мистер Макгауэн.

— Гленн? — Керка это искренне удивило. — Он что, решил пораньше прийти на ужин?

— Нет, сэр. Он сказал, что у него к вам что-то срочное. Кстати, он оставил вам записку. — Осборн вынул из кармана конверт.

— Простите, Квин. Я никак не думал…

Керк разорвал конверт и вытащил бумагу. Затем быстро развернул листок и пробежал глазами записку. Пока он читал, на его лице возникло весьма необычное выражение, но исчезло так же быстро, как и появилось. Керк нахмурился и, скомкав бумагу в шарик, сунул его в левый карман пиджака.

— Что-то не так, Керк? — промычал Эллери.

— А? Нет-нет. Просто я… — Он не закончил фразу. — Ладно, Оззи. Закрывайте лавочку и ступайте домой.

— Да, сэр. Чуть не забыл. Несколько минут назад звонил мистер Берн и просил вам передать, что немного опоздает. Он сказал — неожиданная задержка.

— Опоздать на собственную вечеринку, — криво улыбнулся Керк. — В этом весь Феликс. Ладно, Оззи. Идемте, Квин. Простите, что заставил вас ждать.

Они уже вышли в коридор, когда их остановил возглас Осборна. Керк резко обернулся:

— В чем дело, черт возьми?

У Осборна был смущенный вид.

— Простите. Просто выскочило из головы. В приемной вас ждет один человек, он сидит там уже бог знает сколько времени, мистер Керк.

Пришел примерно час назад. Этот человек не сообщил мне, кто он такой и что ему нужно, поэтому я попросил его подождать в той комнате.

— Это еще кто? — нетерпеливо спросил Керк.

Эллери вернулся в кабинет вместе со своим другом.

Осборн поднял руки:

— Понятия не имею. Никогда не видел его прежде. По крайней мере, в этом кабинете. Нем как рыба. Говорит, по личному делу.

— Как его зовут? Черт возьми, это совсем не вовремя. Кто он?

— Он не сказал.

Минуту Керк стоял, покусывая губу. Потом вздохнул:

— Ладно, я быстро от него избавлюсь. Простите меня, Квин, старина. Может быть, вам пройти в мои апартаменты…

Эллери улыбнулся:

— Я не спешу. Кроме того, я безнадежно робок. Лучше я подожду.

— Меня всегда кто-нибудь ждет, — проворчал Керк, направляясь к двери, которая вела в приемную и под которой в широкой щели был виден свет. — Если он пришел не из-за книг, значит, из-за марок или драгоценностей… В чем дело, Оззи?

Дверь закрыта? — Он раздраженно обернулся; дверь не поддавалась.

— Закрыта? — переспросил Осборн. — Этого не может быть, мистер Керк.

— Однако это так. Наверное, тот болван, кто бы он ни был, запер ее изнутри.

Осборн поспешил к двери и подергал ее за ручку.

— Странно, — пробормотал он. — Вы сами знаете, мистер Керк, что я никогда не запираю эту дверь. У меня даже нет ключа. Она закрыта с той стороны… Я не понимаю, зачем ему понадобилось ее запирать?

— Там есть что-нибудь ценное, Керк? — полюбопытствовал Эллери, подходя к двери.

Керк обернулся:

— Ценное? Вы думаете…

— Это очень похоже на обычное ограбление.

— Ограбление?! — воскликнул Осборн. — Но там нет ничего такого, что могло бы…

— Дайте-ка взглянуть.

Эллери бросил шляпу, плащ и трость на соседнее кресло и, прильнув к двери, встал одним коленом на тонкий, как бумага, индийский коврик. Прищурив один глаз, он заглянул в замочную скважину. Потом быстро встал:

— Это единственная дверь в приемную?

— Нет, сэр. Есть еще одна, в коридоре за углом, напротив номера мистера Керка. Там что-нибудь не так?

— Пока не знаю, — ответил Эллери, нахмурившись. — Хотя все это выглядит чертовски странно… Пойдемте, Керк. Посмотрим с другой стороны.

Трое мужчин вышли из офиса и, к изумлению миссис Шэйн, торопливо двинулись по коридору. За углом они повернули налево и остановились у первой двери, расположенной напротив апартаментов Керка, той самой, в которую больше часа назад входила мисс Диверси.

Эллери взялся за ручку и повернул. Она поддалась, и он нажал плечом; дверь оказалась не заперта и медленно отворилась.

* * *

Эллери стоял неподвижно, оцепенев от шока. За его спиной конвульсивно дергались лица Дональда Керка и Джеймса Осборна.

Наконец Керк пробормотал сдавленным голосом:

— Боже милосердный, Эллери.

Комната выглядела так, словно чья-то ги-

гантская рука буквально вырвала ее из здания, встряхнула, как стакан с игральными костями, а потом вставила обратно. Все было в полном беспорядке и не на своем месте. Картины боком висели на стене. Ковер выглядел очень странно. Стол, кресла, каждая деталь мебели…

Даже вытаращив глаза от страха, человек способен одномоментно увидеть только какую-то часть разрушения. Перед ними была картина безжалостного разгрома и яростного опустошения. Но и это было еще не все.

Их глаза заметили какой-то предмет, лежащий на полу перед закрытой дверью, ведущей в кабинет.

Там было неподвижное тело немолодого упитанного мужчины с лысым черепом, уже не розовым, а белым и забрызганным кармином, с потеками желеобразной массы, радиально тянувшейся от темной вмятины на макушке. Он лежал лицом вниз, подмяв под себя короткие пухлые руки. У основания шеи из его пиджака торчали, как рога, два невероятных металлических предмета.

Глава 3
УБИЙСТВО ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ

— Мертв? — прошептал Керк.

Эллери шевельнулся.

— А вы как думаете? — резко спросил он и шагнул вперед. Потом остановился, оглядывая разные части комнаты, словно не в силах поверить тому, что предстало его глазам.

— Значит, это убийство, — пробормотал Осборн слабым голосом, в котором прозвучал оттенок вопроса.

Эллери слышал, как он часто и бессознательно сглатывает за его спиной.

— Человек не станет бить сам себя кочергой по голове, Осборн, — пояснил Эллери, не двигаясь с места.

Все трое в оцепенении посмотрели на названный им предмет: тяжелая медная кочерга, которую, судя по всему, вытащили из подставки перед камином, лежала на ковре в нескольких футах от тела. Она была испачкана той же красной студенистой жидкостью, что и череп толстого коротышки.

Потом Эллери двинулся вперед, ступая так легко, словно боялся потревожить даже молекулы в воздухе этой комнаты. Он опустился на колени перед распростертой фигурой. Надо было многое увидеть, еще больше запомнить и усвоить… Стараясь не обращать внимания на странный беспорядок в одежде мужчины, Эллери пытался нащупать его пульс. Но его пальцы не смогли найти пульсирующей артерии. Протянув руку, он приложил холодную ладонь к бледному лицу мужчины. Оно ответило ему ледяным холодом смерти.

На коже убитого виднелись какие-то подозрительные пурпурные пятна. Эллери взял мертвеца за подбородок и запрокинул ему голову. Да, на его левой щеке и левой стороне носа и рта оказалось несколько багровых синяков. Он упал, как камень, приняв от пола прощальный поцелуй левой стороной лица.

Эллери встал и молча вернулся на прежнее место у двери.

— Все дело в перспективе, — пояснил он себе, не отводя глаз от мертвого мужчины. — Вблизи мало что увидишь. Любопытно…

Его захлестнула новая волна удивления. За эти годы ему приходилось видеть немало мертвых

тел на местах преступлений, но он еще ни разу не встречал ничего столь необычного, как этот труп и все те вещи, которые были объединены с ним и с окружавшей его обстановкой. В этом было что-то жуткое и сверхъестественное. Трезвый ум отказывался это воспринять. Словно здесь произошло что-то богохульное, нечестивое…

Никто из них не знал, сколько времени они провели в комнате. В коридоре за спиной стояла глубокая тишина. Иногда они слышали шум открывающегося лифта и веселый голос миссис Шэйн. С улицы двадцатью двумя этажами ниже смутно доносился шум дорожного движения, проникавший через раздуваемые ветром шторы на одном из окон. В какой-то безумный момент всем троим вдруг показалось, что толстый коротышка вовсе не убит, а просто в шутку пристроился отдохнуть на полу, выбрав для этого такую странную позу и заодно, по какой-то необъяснимой причуде, устроив в комнате страшный кавардак. Эту мысль вызывала благожелательная улыбка, застывшая на губах мертвеца, который лежал, повернувшись к ним лицом. Потом это впечатление исчезло, и Эллери с шумом прочистил горло, как бы для того, чтобы ухватиться за что-то реальное, даже если это был всего лишь звук.

— Керк, вы когда-нибудь видели прежде этого парня?

Высокий молодой человек, стоящий позади Эллери, со свистом выпустил воздух из ноздрей.

— Квин, клянусь, я никогда его не видел. Вы должны мне поверить! — Он судорожно схватил Эллери за руку. — Квин! Это ужасная ошибка, поверьте мне. Ко мне часто приходят незнакомые люди. Я никогда не…

— Тише, — пробормотал Эллери, — постарайтесь взять себя в руки, Керк. — Не оборачиваясь, он похлопал по похолодевшей руке Керка. — Осборн.

Осборн с трудом проговорил:

— Я могу это подтвердить, мистер Квин. Он никогда здесь не появлялся. Мы видим его в первый раз. Мистер Керк не знает…

— Да-да, Осборн. Помимо всех прочих скверных обстоятельство этого дела, я вполне могу поверить… — Эллери оторвал взгляд от распростертой фигуры и, обернувшись, заговорил деловым тоном: — Осборн, вернитесь в кабинет и вызовите по телефону врача, менеджера и детектива этого отеля. Потом позвоните в полицию. Соединитесь с Сентр-стрит, поговорите с инспектором Ричардом Квином. Скажите ему, что я здесь и что он

должен поторопиться.

— Да, сэр, — пролепетал Осборн и ушел.

— А теперь закройте дверь, Керк. Мы ведь не хотим, чтобы кто-нибудь увидел…

— Дон, — произнес женский голос в коридоре.

Оба мужчины мгновенно развернулись, закрывая обзор комнаты. Она смотрела на них — высокая девушка ростом с Керка, с тонкой неразвитой фигуркой и огромными карими глазами.

— Дон, что случилось? Я видела, как выбежал Оззи… Что случилось? Что здесь происходит?

Керк ответил быстрым хриплым голосом:

— Ничего, Селла, совсем ничего, — и, выскочив в коридор, положил руку на полуголое плечо сестры. — Просто несчастный случай. Возвращайся в номер…

Но она увидела мертвеца, лежащего на полу в приемной. Кровь отхлынула от ее лица, глаза округлились, как у умирающей лани. Девушка испустила пронзительный крик и рухнула на пол, словно тряпичная кукла.

И тут же, словно ее крик послужил сигналом, вокруг поднялся настоящий бедлам. Двери напротив распахнулись настежь, и оттуда вывалилась целая толпа с вытаращенными глазами и разину-

тыми ртами. Мисс Диверси бежала по коридору в съехавшем набок чепце. Позади нее маячила длинная, тощая и чахлая фигура доктора Хьюго Керка, быстро мчавшегося в своем инвалидном кресле. На нем не было ни воротничка, ни пиджака, только накрахмаленная сорочка, распахнутая на седоволосой груди. Мисс Темпл, маленькая дама в черном платье, возникла из ниоткуда и упала на колени рядом с лежащей в обмороке девушкой. Из-за угла доносился визгливый голос миссис Шэйн. Коридорный проскочил мимо нее, дико оглядываясь по сторонам. Маленький костлявый мужчина, смахивающий на англичанина, в форме дворецкого, с бледным лицом выглядывал в одну из дверей апартаментов Керка, в то время как все остальные, натыкаясь друг на друга, суетились вокруг упавшей девушки.

Эллери, не сдвинувшись с места посреди этой суматохи, вздохнул и отступил в приемную, закрыв за собой дверь. Звуки превратились в глухое эхо. Он стоял на страже, повернувшись спиной к двери, и только переводил взгляд с мертвого тела на обстановку комнаты и обратно. Он не делал никаких движений и не пытался ничего трогать.

* * *

Гостиничный доктор, плечистый коротышка с холодными глазами, поднялся на ноги с каменным лицом, выражающим глубокое изумление. Най, менеджер отеля, элегантный мужчина с гарденией в петлице — вид у нее был такой же вялый, как у ее хозяина, — кусая губы, стоял у двери рядом с Эллери. Крепыш Брюммер, местный детектив, с несколько растерянным видом устроился возле открытого окна и потирал свой сизый подбородок.

— Ну что, доктор? — резко спросил Эллери.

Доктор вскинул голову:

— Ах да, простите… Очевидно, вы хотите знать, когда он умер? Полагаю, смерть наступила около шести часов — то есть приблизительно час с небольшим назад.

— Вследствие удара по голове?

— Несомненно. Кочерга пробила череп, вызвав мгновенную смерть.

— Понятно, — кивнул Эллери. — А поскольку это наиболее важный жизненный орган…

— По большей части, — криво усмехнулся доктор.

— Ха-ха. Значит, у вас нет никаких сомнений,

что смерть наступила мгновенно?

— Разумеется, сэр!

— Я прошу прощения, но мы должны быть уверены. А как насчет синяков на лице?

— Они вызваны падением, мистер Квин. Он был уже мертв, когда ударился об пол. — Глаза Эллери блеснули, и доктор направился к двери. — Разумеется, я буду рад повторить мое заключение вашему судебно-медицинскому эксперту.

— Вряд ли это понадобится. Кстати, как вы думаете, не могла ли смерть быть вызвана какой-нибудь другой причиной?

— Чепуха, — сурово возразил доктор. — Я не могу сказать наверняка без физического анализа и вскрытия, но смерть наступила из-за повреждения черепа, можете поверить мне на слово. Все внешние признаки… — В его холодных глазах что-то блеснуло. — Постойте-ка, вы хотите сказать, что удар по черепу мог быть нанесен уже после того, как он умер от какой-то другой причины?

— Да, у меня в голове промелькнула такая дурацкая мысль, — пробормотал Эллери.

— Тогда поскорее выбросите ее оттуда. — Доктор заколебался, борясь с привычкой к профессиональной сдержанности. Потом пожал плечами:

— Я не детектив, мистер Квин, и эта сторона дела меня не касается. Но если вы ищете какие-то необычные вещи, то, может быть, мне стоит обратить ваше внимание на состояние его одежды?

— Одежды? Ах да, конечно, разумеется. Наверное, в сложившейся ситуации мне не стоит пренебрегать даже мнением непрофессионала.

Доктор смерил его взглядом.

— Разумеется, — произнес он колючим голосом, — при вашем опыте — а я кое-что о вас слышал, Квин, — от вас не могли ускользнуть ни состояние одежды убитого, ни потенциальная значимость этого факта. Но на мой дилетантский взгляд это выглядит в высшей степени примечательно — вся его одежда надета задом наперед!

— Задом наперед? — простонал Най. — Боже милосердный!

— Разве вы не заметили, Най? — проворчал Брюммер, нахмурив брови. — Это самая дьявольская чертовщина, которую я когда-либо видел.

— Прошу вас, джентльмены, — пробормотал Эллери. — А если конкретнее, доктор?

— Пиджак надет на нем так, словно он надел его наоборот, — как будто кто-то держал его перед ним раскрытым, и он сначала влез в рукава, а потом застегнул его у себя на спине.

— Блестяще! Хотя, возможно, это еще не окончательный диагноз. Продолжайте, сэр.

Брюммер раздраженно спросил:

— Какого черта ему понадобилось надевать пиджак задом наперед? Это нелепо.

— Сильное слово, Брюммер, но неподходящее. Точнее было бы сказать — невероятно. Вы когда-нибудь пытались надеть пиджак задом наперед?

— А при чем тут… — агрессивно начал Брюммер.

— Думаю, что нет. Я должен заметить, что невероятность этого факта заключается не в том, как он надел пиджак, а в том, как он его застегнул.

— Почему это?

— По-вашему, вы смогли бы надеть пиджак задом наперед и потом застегнуть его самостоятельно — при том, что пуговицы впиваются вам в позвонки, вытянувшись вдоль спинного хребта? А как насчет рукавов, которые кое-как сидят у вас на руках и даже не дают как следует ими двигать?

— Ясно. Конечно, я смог бы это сделать.

— Ну что ж, возможно, — вздохнул Эллери. — Продолжайте, доктор. Простите за отступление.

— Извините, но мне пора, — резко ответил доктор. — Я просто хотел обратить ваше внимание…

— Но, уверяю вас, доктор…

— Если я понадоблюсь полиции, — продолжил доктор с легким ударением на слове «я», — вы найдете меня в моем кабинете. Всего доброго! — И он вышел мимо Эллери из комнаты.

— Типичный случай фрустрационного психоза, — заметил Эллери. — Болван!

Дверь за доктором закрылась, и в комнате наступило гнетущее молчание. Все смотрели на труп с разным выражением лиц: Най остекленевшим взглядом, Брюммер мрачно, а Эллери — нахмурив брови. Ощущение нереальности происходящего не исчезало. Не только пиджак, но и брюки мертвеца были надеты наоборот и застегнуты сзади. То же самое относилось к его белой в полосочку хлопчатобумажной рубашке и жилету. Узкий и жесткий воротничок тоже сидел задом наперед и был застегнут под затылком золотой запонкой. Его нижнее белье, очевидно, также следовало этому загадочному правилу. Из всей одежды только ботинки остались в нормальном положении.

Его плащ, шляпа, перчатки и шерстяной шарф были свалены в одну кучу на кресле у стола. Эллери осторожно подошел к креслу и взял шарф. В средней части у самого края темнело несколь-

ко пятен крови. Небольшое пятно, засохшее и покрывшееся корочкой, оказалось также на плаще с обратной стороны воротника. Эллери, нахмурившись, отложил одежду и наклонился, разглядывая пол. Он ничего не обнаружил. Хотя… у кромки ковра виднелись брызги, которые на твердой поверхности пола могла оставить кровь. Возле кресла… Он быстро перешел в другой конец комнаты и склонился над мертвецом. Пол вокруг него был чистым. Эллери выпрямился и отступил назад, под хмурыми взглядами двух мужчин. Мертвое тело лежало параллельно порогу двери, приблизительно посередине между двумя книжными шкафами, обрамляющими дверной проем. С левой стороны, если стоять лицом к двери, шкаф был немного сдвинут относительно своего прежнего положения — вплотную к двери — и повернут так, что левым концом касался дверных петель, а правым торчал, образуя острый угол с плоскостью двери. Тело лежало примерно на полпути к нему. Правый шкаф был немного сдвинут вправо.

— Что вы обо всем этом думаете, Брюммер? — спросил Эллери, внезапно обернувшись. В его голосе не было иронии.

— Я уже сказал вам — нелепость! — взорвался

Брюммер. — Никогда в жизни не видел ничего подобного — и, бьюсь об заклад, мистер Квин, что и ваш отец, когда он был капитаном полиции, тоже не видал таких вещей. Кто бы это ни сделал, его надо упрятать в сумасшедший дом.

— В самом деле? — задумчиво отозвался Эллери. — Пожалуй, я с вами согласился бы, если бы не одно весьма примечательное обстоятельство… Кстати, как насчет рогов джентльмена? Их вы тоже спишете на безумие убийцы?

— Рога?

Эллери указал на два железных острия, торчавших из пиджака на спине трупа. Это были широкие плоские лезвия африканских копий. Поскольку в данный момент мужчина лежал лицом вниз, очертания рукояток бугрились под его одеждой. Судя по всему, копья вонзили в его брюки с задней стороны ноги, по одному на каждую ногу, потом они проткнули одежду в области поясницы и прошли под одетым наоборот пиджаком, пока не вылезли наружу из V-образного разреза лацканов. Толстые концы копий находились вровень с подошвами мертвеца. Каждая из пик имела не меньше шести футов в длину, и их острия торчали высоко над лысым окровавленным черепом. Длинные копья под туго

застегнутыми брюками и пиджаком придавали мертвецу странный вид: он был похож на убитое животное, которое связали и подвесили на двух жердях.

Брюммер сплюнул в окно:

— Ну и ну! Прямо мурашки по коже. Пики… Нет, мистер Квин, вы должны признать, что это сумасшедший.

— Хватит, Брюммер, — поморщился Эллери, — сколько можно повторять одно и то же. Я согласен, что копья запутывают дело. Однако уверен, что на этом свете нет ничего, что нельзя было бы объяснить. Стоит только как следует об этом задуматься, и еще неплохо, если вам немного повезет. Скажите, мистер Най, эти африканские копья являются собственностью гостиницы? Я не знал, что наши лучшие отели любят примитивное искусство.

— Господи, мистер Квин, конечно нет, — поспешно ответил менеджер. — Они принадлежат мистеру Керку.

— Ну, разумеется, какой я болван! — Эллери взглянул на стену над камином. Африканский щит висел теперь лицом к стене. Четыре светлых следа, оставшиеся на более темной поверхности, образовывали букву X повыше перевернутого

щита. Несомненно, раньше на этом месте висели копья, и убийца сорвал их со стены.

— Если бы у меня были сомнения, что этот парень сумасшедший, — упрямо заметил Брюммер, — они улетучились бы при одном взгляде на мебель, мистер Квин. Тут вы ничего не возразите, верно? Только псих мог перевернуть вверх дном всю эту ценную и дорогую обстановку. И для чего, я вас спрашиваю? Как говорится, ни рифмы, ни смысла. Нет, что ни говорите, а он спятил.

— Брюммер прав, — снова простонал Най. — Это работа сумасшедшего.

Эллери с искренним восхищением посмотрел на гостиничного детектива.

— Брюммер, вы попали своим толстым пальцем в самую точку. Рифма и смысл. Вот именно. — Он начал расхаживать взад и вперед по комнате. — В этом все и дело. Вот что поразило меня в первый же момент, когда я увидел эту фантастическую сцену. Рифма! — Он снял с переносицы пенсне и стал размахивать им с таким видом, словно хотел убедить скорее самого себя, чем Брюммера и Ная. — Рифма! Да, во всем этом присутствует рифма, которая поражает воображение и бросает вызов нашим аналитическим способностям. Не будь рифмы, я был бы рад, очень рад. Но рифма

здесь, она повсюду, столь полная и столь совершенная, что я сомневаюсь, существовал ли за всю историю логики еще один столь же поразительный пример.

Най пришел в замешательство.

— Рифма? — тупо переспросил он. — Не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы имеете в виду мебель, мистер Квин? — уточнил Брюммер, напряженно нахмурив брови. — На мой взгляд, здесь просто… жуткий беспорядок, вот и все. Какой-то псих приложил немало сил, чтобы устроить хаос в этой комнате. И я не понимаю…

— О господи, — воскликнул Эллери, — да вы просто слепые, вы оба. Что вы называете «жутким беспорядком», Брюммер?

— Разве вы сами не видите? Все переставлено, перевернуто вверх дном.

— И только? О боже. Вы видите здесь хоть одну сломанную вещь? Разбитую? Испорченную?

Брюммер кашлянул.

— Пожалуй, нет, сэр.

— Конечно нет! Потому что никто не собирался устраивать здесь хаос. Это работа человека, который имел определенную цель, и его цель была бесконечно далека от бессмысленного раз-

рушения. Вы по-прежнему ничего не видите, Брюммер?

У детектива был несчастный вид.

— Нет, сэр.

Эллери вздохнул и снова водрузил пенсне на переносицу.

— В некотором смысле, — пробормотал он себе под нос, — это будет полезным упражнением. Видит бог, я нуждаюсь… Послушайте, Брюммер, старина. Скажите мне, что в положении этих книжных шкафов кажется вам похожим на… э-э… жуткий беспорядок?

— Книжных шкафов?

Детектив с сомнением оглядел приемную. Шкафы представляли собой набор отдельных секций из нешлифованного дуба; странность заключалась в том, что все они более или менее аккуратно стояли вдоль стены, повернутые к комнате задней стороной.

— Я вижу, что они развернуты лицом к стене, мистер Квин.

— Превосходно, Брюммер. Это касается, — Эллери чуть озадаченно сдвинул брови, — и тех двух секций по обеим сторонам двери, которая ведет в офис; кроме того, следует заметить, что секция слева была придвинута к двери и повер-

нута под небольшим углом внутрь комнаты. А та, что справа, немного сдвинута в правую сторону. Прекрасно. Как насчет ковра?

— Он перевернут обратной стороной, мистер Квин.

— Вот именно. Вы смотрите на его изнанку. А картины на стене?

Лицо Брюммера приобрело кирпично-красный цвет, и он угрюмо пробурчал:

— К чему вы клоните, черт побери?

— А у вас есть какие-нибудь соображения, мистер Най? — поинтересовался Эллери.

Менеджер выпрямил опущенные плечи.

— Боюсь, я плохо разбираюсь в таких вещах, мистер Квин, — ответил он тусклым голосом. — Все, о чем я могу сейчас думать, это ужасный скандал, подорванная репутация отеля, и… и…

— Хм. Ладно, Брюммер, поскольку все это превратилось в нечто вроде демонстрации, позвольте мне исполнить гимн во славу рифмы. — Он достал сигарету и задумчиво закурил. — Книжные шкафы повернуты лицом к стене. Картины тоже повернуты лицом к стене. Ковер на полу перевернули лицевой стороной вниз. Стол, у которого, кстати, есть ящичек — это можно заметить по двум щелям с задней стороны, — также

повернули лицом к стене. И старые часы на камине удостоились той же участи. Даже эти весьма удобные кресла развернули так, чтобы они стояли задом наперед и смотрели в стену. Напольную лампу в виде моста повернули кругом, и ее абажур смотрит на стену. Большую лампу и две настольные поставили с ног на голову, так что теперь они очень забавно стоят на своих колпаках и торчат подставками в воздух. Все повернуто, все перевернуто! — Он выдохнул в сторону детектива густое облако дыма. — Итак, Брюммер, что все это значит, так сказать, в общих чертах? Сложите все факты вместе, и они скажут нам — о чем?

Брюммер смотрел на него растерянным взглядом.

— О рифме, Брюммер, о рифме! Все повторяется, как куплеты в песне. Монотонное однообразие одной и той же рифмы — вот что приводит меня в изумление. Разве вы не видите, что не только одежда убитого надета на нем наоборот, но и мебель, и все остальные передвигаемые предметы в этой комнате перевернуты задом наперед?

Оба мужчины уставились на него.

— Разрази меня бог, мистер Квин, — воскликнул Брюммер, — прямо в яблочко!

— Разрази меня бог, мистер Брюммер, — сурово ответил Эллери, — если это дело не войдет в историю детективных расследований, когда — и если — оно будет раскрыто. Все задом наперед. Решительно все. Не один предмет, не две или три вещи, — абсолютно все. Вот вам ваша рифма. А теперь, — пробормотал он, снова начиная ходить по комнате, — как насчет смысла? Зачем кому-то понадобилось все переставить задом наперед? На что это должно намекать, если это вообще должно на что-то намекать? А, Брюммер?

— Не знаю, — пробормотал детектив хриплым голосом. — Не знаю, мистер Квин.

Эллери посмотрел на него, остановившись посередине комнаты. Най стоял у двери с совершенно обескураженным видом.

— Я тоже, Брюммер, — процедил Эллери сквозь стиснутые зубы. — Пока.

Глава 4
МИСТЕР НИКТО ИЗ НИОТКУДА

Инспектор Квин здорово смахивал на птицу — маленькую, уже немолодую, с серым пухом на голове, немигающим зорким взглядом и седой щетиной под небольшим клювом, который казался выточенным из кости. Кроме того, он владел свойственной птицам способностью застывать на месте, когда этого требовали обстоятельства, и быстрым семенящим шагом, похожим на скачки птицы, если надо было переходить к действию. В тех случаях, когда он подавал голос, из его рта вылетало не рычание, а писк. Однако самое нежное чириканье в его устах приводило в трепет многих дюжих и крепких молодцов, поскольку в его птичьем облике чувствовалось что-то грозное и даже жутковатое; детективы, работающие под его крылом, боялись его не меньше, чем любили.

В данный момент страх явно преобладал над любовью — вместо щебета на них извергалось раздраженное карканье. В том, что во время расследования убийства его люди носились по комнате, как свора гончих псов, не было ниче-

го необычного; возмущала и выводила из себя оскорбительная загадочность этого преступления шиворот-навыворот. Он чувствовал непривычную беспомощность.

Подчиненными инспектор Квин управлял с отсутствующим видом, по привычке; и пока специалисты по дактилоскопии опрыскивали комнату, полицейский фотограф снимал тело и место преступления, помощник судмедэксперта Праути стоял на коленях возле трупа, а команда из отдела по расследованию убийств Главного полицейского управления под началом сержанта Вели собирала имена и показания, старый джентльмен размышлял о том, каким образом, черт возьми, обычный коп может найти разумные причины для вопиюще неразумных обстоятельств этого странного убийства. Он был слишком осторожен, чтобы с ходу приписать все эти «перевернутые» улики нелепым причудам расстроенного ума. Но что еще, скажите на милость, можно об этом думать?

— А ты что думаешь, сынок? — обратился он к Эллери, перекрывая гомон своих людей, наполнявших комнату.

— Пока я вообще ничего не думаю, — раздраженно ответил Эллери. Он мрачно смотрел на

свою сигарету, присев на подоконник открытого окна. — Нет, пожалуй, не так. Я думаю о куче разных вещей, но большинство из них настолько странны и нелепы, что я не уверен, стоит ли вообще над ними работать.

— Нелепостей тут и без того хватает, — проворчал инспектор. — Я намерен забыть про все эти перевернутые вверх тормашками предметы. Это слишком сложно для моего простого ума. Я буду работать, как обычно, — установление личности, связи, мотивы, алиби, орудие убийства, возможные свидетели.

— Желаю удачи, — пробормотал Эллери. — Это вполне разумно. Но если от тебя требуется как можно скорее поймать парня, сделавшего этот потрясающий трюк, то я хочу просто понять, что стоит за его абсурдной идеей все перевернуть с ног на голову.

— Так же, как я и мое начальство, — хмуро ответил инспектор. — А, Томас. Что ты узнал от этих людей?

Перед ними появился сержант Вели.

— Да уж, — протянул он глухим голосом, в котором звучала нотка удивления, — дельце то еще.

— Ну?

— Этот парень Най, местный менеджер, нико-

гда не видел убитого — так он говорит. Другие служащие тоже. Ясно, что он не был постояльцем «Чэнселора». Один из лифтеров вспомнил, как подвозил его около шести, а эта старая дама миссис Шэйн, дежурная на этаже, направила его в офис Керка. Он спрашивал его по имени — Дональд Керк, так он сказал.

— Керк часто принимает незнакомцев, — задумчиво произнес Эллери. — Он использует две эти комнаты в качестве вспомогательного офиса. Кстати, папа, он собирает почтовые марки и драгоценные камни.

— Один из этих, — фыркнул инспектор. — Издатель, если не ошибаюсь?

— «Мандарин пресс» был основан его отцом — тем старым крикливым петухом с хроническим ревматизмом, — но старик уже давно в отставке. Теперь издательством управляют Керк и Феликс Берн, который стал компаньоном доктора Керка незадолго до конца его правления. Все частные дела, касающиеся «Мандарина», Дон обделывает прямо здесь.

— Миленький наборчик! Книги, марки, безделушки… Я слушаю, Томас, чего ты ждешь?

— Так вот, — заторопился великан-сержант, — миссис Шэйн объяснила этому типу, куда идти,

и он пошел. Мисс Диверси, сиделка доктора Керка, в это время находилась в кабинете вместе с Осборном, помощником Керка. Она услышала, как тот парень спросил про Керка, и удалилась. Толстяк не стал объяснять, что ему нужно, поэтому Осборн проводил его сюда через внутреннюю дверь офиса и оставил его в одиночестве, закрыв за ним дверь. Больше толстяка никто живым не видел.

— Остальное ты знаешь, папа, — напомнил Эллери, подтвердив сказанное сумрачным кивком. — Попытавшись войти сюда со стороны офиса, мы обнаружили, что дверь заперта. Закрыта на задвижку со стороны приемной, как ты видишь.

Инспектор смерил взглядом другую дверь, выходящую в коридор, и заглянул через плечо Эллери.

— Окна можно исключить, — пробормотал он. — Только муха могла бы забраться со двора в комнату, а мухи в этом сезоне пока что никого не убивали. Тут даже выступа нет. Значит, остается дверь из коридора. Ты хорошо рассмотрел эту задвижку, Томас?

— Конечно. Хорошо смазана и двигается без шума. Неудивительно, что Осборн не услышал,

как ее закрыли. Он очень прилежный паренек и, по его словам, все это время занимался марками Керка, поэтому ничего не слышал.

— Мог бы и услышать, — заметил инспектор, — когда всю мебель за дверью переворачивали вверх дном!

— Брось, папа, — устало возразил Эллери, — мы с тобой знаем этот тип людей. Если Осборн занимался чем-нибудь в момент убийства, можешь не сомневаться, что все это время он был слепым, глухим и немым. Он верен Керку, как влюбленная женщина, и фанатично предан его интересам.

— Ладно-ладно, значит, это была дверь из коридора, — заключил инспектор. — Что ты узнал насчет пожарной лестницы, Томас?

— Она находится в конце коридора. Там, где заканчиваются апартаменты Керка. Можно сказать, что дверь на лестницу расположена напротив спальни старого Керка. Кто угодно мог подняться или спуститься по этой лестнице, зайти в коридор, проскользнуть мимо комнат Керка в эту дверь, сделать свое дело и вернуться тем же путем.

— И миссис Шэйн, сидя возле лифтов, никого бы при этом не заметила, верно? Поперечный коридор находится вне поля ее зрения, не считая

того места, где они пересекаются, так?

— Совершенно верно. В любом случае она говорит, что никого не видела на этаже после того, как появился толстяк, кроме сиделки, мисс Темпл, — сержант справился с блокнотом, — женщины по имени Ирен Левис — они обе здесь гостят — и мистера Гленна Макгауэна, приятеля мистера Керка. Все они заглядывали в офис, болтали с Осборном и потом выходили в коридор. Макгауэн поехал вниз на лифте. Левис направилась к апартаментам Керка; однако она туда не вошла и, возможно, спустилась вниз по лестнице — ее комнаты этажом ниже. Мисс Темпл вернулась в номер Керка — она у него гостит. То же самое сделала сиделка. Похоже, мисс Диверси заглядывала в приемную перед тем, как вошла в офис: она говорит, что там был полный порядок. Пожалуй, все, инспектор. Больше здесь никого не было. Кажется, кто-то провернул это дело, воспользовавшись лестницей и не выходя в соседний коридор, поэтому та дамочка, миссис Шэйн, его не видела.

— Если только не предположить, — ядовито заметил инспектор, — что этот «кто-то» вышел из апартаментов Керка.

— Я тоже об этом подумал, — пробурчал сержант, нахмурившись. — И полагаю, что убийца

закрыл дверь в офис, чтобы Осборн или кто-нибудь еще не помешал ему проделать этот фокус с переворачиванием мебели.

— А заодно и дверь в коридор, по тем же причинам, — кивнул инспектор, — хотя о последнем мы можем только догадываться. Покончив со своим делом, он вышел тем же путем, оставив дверь закрытой, но не запертой, как мы ее нашли. Он не стал отпирать дверь в офис. Может быть, подумал, что это даст ему больше времени, чтобы ретироваться. Ну что ж! — Он вздохнул. — Что-нибудь еще?

Эллери закурил шестую сигарету. Он слушал все очень внимательно, несмотря на свой отсутствующий вид. Его взгляд был прикован к фигуре доктора Праути, помощника судмедэксперта, который стоял на коленях возле трупа.

— Да, сэр. Осборн и миссис Шэйн рассказали мне обо всех, кто входил и выходил из офиса. Кроме того, миссис Шэйн подтвердила слова Осборна, который сказал, что с того момента, когда появился толстяк, и до той минуты, когда пришли мистер Керк и мистер Квин, он — то есть Оззи, как они его зовут, — ни разу не выходил из кабинета. Так что…

— Да-да, — пробормотал Эллери. — Совершенно

ясно, что убийца вошел в приемную и вышел из нее через дверь в коридоре. — В его голосе звучала нотка нетерпения. — А как насчет личности убитого, Вели? Вы что-нибудь у него нашли? Я почти не притрагивался к его одежде.

— Ха! — произнес Вели вулканическим басом. — Тут мы имеем еще одну странность в этом преступлении, мистер Квин.

— Да? — насторожился Эллери. — В чем дело, Томас?

— Никаких удостоверений личности.

— Что?!

— Ровным счетом ничего, мистер Квин. Ни клочка бумаги. Только свалявшиеся комочки ткани — мусор, который обычно скапливается в карманах. Парни хотят взять их на анализ, но вряд ли это им поможет. Табачных крошек тоже нет — похоже, он не курил. Вообще ничего.

— Почистили карманы, будь я проклят, — пробормотал Эллери. — Странно! Я думал…

— Я сам хочу взглянуть на его пожитки, — проворчал инспектор, подавшись вперед. — Есть ярлычки…

Сержант Вели остановил его своей медвежьей лапой.

— Бесполезно, инспектор, — проговорил он

сочувственным гоном. — Никаких ярлычков и меток. — Инспектор уставился на него. — Уверяю вас! Их все срезали.

— Черт меня возьми!

Эллери задумчиво заметил:

— Весьма странно. Я начинаю чувствовать большое уважение к нашему милому убийце. Аккуратен, не правда ли? Вели, вы хотите сказать, что у вас ничего, ни одной зацепки? Как насчет белья?

— Самое обычное, из двух предметов. Ярлычков нет.

— Туфли?

— Все цифры затерты и замазаны чернилами, вернее, тушью. Знаете, такая несмываемая тушь, кажется, она стояла на столе.

— Поразительно! Воротничок?

— То же самое. Никаких меток из прачечной. И на рубашке тоже. — Вели пожал гигантскими плечами. — Говорю вам, мистер Квин, тут сам черт ногу сломит. Никогда не видел ничего подобного.

— Он сделал все, чтобы жертву нельзя было опознать, — пробормотал Эллери. — И еще эти копья. Зачем он их сюда приплел? Срезал все ярлычки, замазал метки на белье и обуви, вытащил

содержимое карманов…

— Если в них вообще что-то было, — вставил инспектор.

— Согласен. Вся одежда выглядит новой и дешевой. Может быть, в этом ключ… Эй! Смотрите-ка!

Все удивленно взглянули на него. Эллери, сняв свое пенсне, с недоверием смотрел на мертвеца.

— Его галстук — он исчез!

— А, это, — пожал плечами Вели. — Ну да. Мы заметили. А вы разве нет?

— Нет. Я только сейчас обратил внимание. Это важно, чрезвычайно важно!

— Пожалуй что так, — согласился инспектор, нахмурив брови. — Раз галстук исчез, значит, этот псих, маньяк или гений — или кто он там еще — забрал его с собой. Только на кой черт ему это понадобилось?

— Провалиться мне на этом месте, — растерянно буркнул сержант Вели. — Что ни шаг, то новая причуда. Господи, дайте мне самое простое, заурядное, обыкновенное убийство!

— Нет-нет, — раздраженно возразил Эллери, — вы идете ложным курсом, Вели. В этом преступлении нет ничего безумного, оно очень умно. Во всем имеется свой смысл. Зачем он забрал галстук? Вот в чем вопрос. — Он яростно

забормотал себе под нос: — Скорее всего, потому, что, даже если бы он удалил все ярлычки — и не оставил никаких следов, — его все-таки можно было проследить!

— Каким образом? — фыркнул инспектор. — Не вижу в этом никакого смысла. Как можно проследить дешевый галстук?

— Может быть, он был сделан из какого-то особого материала, — с надеждой предположил сержант, — и поэтому его легко было опознать.

— Из особого материала? Тогда он стоил бы больших денег. — Инспектор покачал головой. — Трудно представить, чтобы этот коротышка в своем дешевом наряде носил дорогой галстук. Нет, дело не в этом. — Он вскинул руки. — Я понятия не имею, что тут можно сделать. Мы увязли в этом деле… Да, Хессе?

Детектив что-то пробурчал, и инспектор направился к нему. Эллери и сержант ждали, не говоря ни слова. Инспектор вернулся с взволнованным видом.

— Представьте, его ударили вовсе не у двери! — воскликнул он. — Мы нашли кровь на полу возле кресла. — Он ткнул пальцем в кресло, стоящее у столика возле стены. — Похоже, его стукнули тут, рядом с креслом.

— А, значит, вы все-таки заметили? — спросил Эллери. — Любопытно, не правда ли. Тогда какого дьявола он делал у двери в офис за этим передвинутым шкафом?

— Чертовщина! — прорычал инспектор. — С каждой минутой это дело становится все безумнее. Посмотрим, что нам скажет доктор Праути.

Доктор Праути встал и отряхнул колени. Шляпа с залихватским видом съехала набок на его голом черепе, а на лбу блестела легкая испарина. Инспектор подскочил к нему, и между ними завязалась оживленная беседа. Сержант Вели отошел в сторону, чтобы поговорить с детективом, стоящим у двери в коридор.

Эллери слез с подоконника, задумчиво наморщив лоб. Некоторое время он стоял неподвижно. Потом с недоумением хлопнул себя ладонью по правому виску и направился к отцу и доктору. Но на середине пути вдруг остановился. Его взгляд уловил какой-то блеск. Осколки чего-то мелкого и блестящего на столе… Эллери подошел к столу. Ваза с фруктами, как и все предметы на крышке из неполированного дерева, была перевернута вверх дном. Рядом с вазой лежали кусочки разорванной мандариновой кожуры и несколько сухих зерен. Он смутно вспомнил, что уже видел

их раньше… Поднял перевернутую вазу и начал изучать рассыпанные фрукты. Персики, яблоки, виноград… Потом, не оборачиваясь, позвал:

— Сержант!

Сержант Вели вразвалку подошел сзади.

— Кажется, вы говорили, что сиделка, мисс Диверси, заглядывала в приемную незадолго до появления этого… убитого человека?

— Ну да.

— Приведите-ка ее сюда, только очень вежливо, без шума. Я хочу ее кое о чем спросить.

— Конечно, мистер Квин.

Эллери терпеливо ждал. Через минуту сержант Вели вернулся, приведя с собой рослую сиделку с совершенно бледным лицом. Она поспешно отвела глаза от трупа.

— Вот она, мистер Квин.

— А, мисс Диверси. — Эллери повернулся к ней. — Насколько я понимаю, вы были в этой комнате сегодня вечером, примерно в половине шестого?

— Да, сэр, — ответила она нервно.

— Вы, случайно, не заметили на столе эту вазу с фруктами?

В ее глазах мелькнуло что-то похожее на испуг.

— С фруктами? Но… да, сэр. Честно говоря, я… я попробовала одну штучку.

— Великолепно! — улыбнулся Эллери. — Я даже не надеялся на такую удачу. А вы обратили внимание на мандарины?

— На мандарины? — Теперь она была действительно напугана. — Я… съела один из них.

— О… — На его лице появилось разочарование. — Значит, это вы оставили кожуру? — Он показал на остатки мандарина.

Мисс Диверси взглянула на стол:

— О нет, сэр. Кожуру я выбросила, вместе с косточками, вон в то открытое окно.

— А! — Разочарование на его лице исчезло и сменилось нетерпением. — Вы заметили, сколько мандаринов осталось в вазе после того, как вы съели один?

— Да, сэр. Два.

— Это все, мисс Диверси, — пробормотал Эллери. — Вы нам очень помогли. Проводите ее, сержант.

Вели туманно улыбнулся и повел сиделку к выходу.

Эллери повернулся и с глубоким интересом посмотрел на кучку нетронутых фруктов, лежащих на столе. Среди них был только один мандарин.

Глава 5
МАНДАРИНЫ И ДОГАДКИ

Доктор Праути говорил, не вынимая изо рта вонючей черной сигары: «Больше мне нечего вам сказать, инспектор. Ничего, кроме того, что уже сказал этот гостиничный доктор», — когда Эллери потихоньку подошел к ним и обратился к отцу через плечо помощника судмедэксперта:

— Папа, мне нужно, чтобы все немного помолчали.

Старик уставился на него.

— Что еще взбрело тебе в башку? — Он повысил голос. — Эй, ребята, помолчите минуту.

Наступила тишина.

— Господа, — негромко произнес Эллери, — я хочу задать вам один глупый вопрос. Однако мне нужно, чтобы вы на него ответили. Кто-нибудь из вас брал фрукты из этой вазы на столе?

Все молча смотрели на него. Никто не отвечал. Инспектор подошел к столу и окинул взглядом оранжевую кожуру и сухие зернышки.

— Никто не брал мандарин?

Все энергично покачали головами.

— Все понятно, — пробормотал Эллери. Он подозвал отца и доктора Праути поближе. — Я узнал, что буквально за несколько минут до того, как жертва появилась в этой комнате, в вазе лежало два мандарина. А теперь остался только один. Довольно странно, верно?

Доктор Праути вынул изо рта потухшую сигару.

— Странно? Что тут странного, Квин? — Его глаза блеснули. — А! Вы думаете — яд?

— Господи, конечно нет. Я не имел в виду ничего outre.[4] Меня вполне устраивает ваше заключение, что наш добрый приятель мистер Неизвестный умер от удара по голове. Но пропажа мандарина выглядит довольно странной — если учесть другие сопутствующие факты.

— Какие, например?

Эллери пожал плечами:

— Пока еще рано строить версии. Однако мне кажется, что на эту кожуру стоит обратить внимание.

— С какой стати, черт побери? — фыркнул инспектор. — По-твоему, убийца решил немного перекусить после того, как проломил череп на-

---

[4] ПРИМЕЧАНИЯ: 4
Чрезмерное, излишнее (фр.).

шему приятелю?

— Возможно, — пробормотал Эллери. — Хотя гораздо более вероятно, что это наш приятель решил перекусить незадолго до того, как убийца проломил ему череп.

— Это легко проверить, — заявил доктор Праути, потянувшись к своей сумке. — Я быстренько вскрою вам труп. Если он съел этот мандарин, мы найдем его у него в животике — весьма упитанном животике, надо заметить, джентльмены! Давно я не видел такого аппетитного брюшка… Вот ордер, инспектор. Думаю, автобус из морга прибудет сразу же, как только ваши ребята закончат свои дела. — Он отдал инспектору официальный бланк и быстрым шагом вышел в коридор. Но за дверью его, похоже, осенила какая-то мысль, и, обернувшись, он крикнул в комнату: — Насчет яда я его тоже проверю, Квин! — после чего, посмеиваясь, зашагал дальше.

* * *

Эллери подошел к трупу и внимательно осмотрел тело. После энергичного обследования доктора Праути одежда толстяка находилась в беспорядке. Его перевернули на спину, и теперь он лежал, мирно глядя в потолок. Один из

дактилоскопистов обогнул труп, посыпая пол в приемной серым порошком.

— Если бы ты только мог заговорить, бедняга, — вздохнул Эллери. — Может быть, ты пролил бы немного света на весь этот фантастический криминальный эксгибиционизм… Есть какие-нибудь отпечатки, приятель? — спросил он у дактилоскописта.

— Пока нет, мистер Квин. Но они должны быть, если парень, который это сделал, брался за задвижку с правой стороны двери. Она вся гладкая и маслянистая, на такой поверхности получаются отличные отпечатки… Черт, ничего! Все стерто. Ни одного пальчика.

— А в других местах?

— Не знаю, как у Келли, а у меня ничего.

Келли, работавший неподалеку, поднял свою ирландскую голову и печально пожал плечами:

— И у меня тоже, мистер Квин. Вместо того чтобы зря здесь болтаться, я бы лучше в кино сходил.

Эллери рассеянно кивнул. Из задумчивости его вывел голос Дональда Керка, доносящийся от двери.

— Говорю вам, я его не знаю! — кричал Керк инспектору. Сержант Вели с видом гигантской

Немезиды топтался сзади. — Я уже сказал об этом мистеру Квину. Могу вам поклясться. Я ни разу в жизни…

— Хорошо, — ответил инспектор мягким голосом, — но не будет ничего дурного в том, чтобы взглянуть на него еще один разок, не правда ли, мистер Керк? Не волнуйтесь. Никто вас ни в чем не обвиняет. Просто один внимательный взгляд.

— Квин! — Керк бросился к нему. — Ради бога, Квин, я больше не могу это выносить. Вы же знаете, я никогда его не видел! Я вам говорил. Я…

— Тише, тише, — пробормотал Эллери, — у вас очень плохо с нервами, Керк. Нет никаких оснований для паники, и, разумеется, против вас не выдвигают никаких обвинений. Возьмите себя в руки.

Керк сжал кулаки и проглотил слюну.

— Ладно, — промычал он. — Потом медленно прошел вперед и заставил себя посмотреть вниз. Инспектор не спускал с него жесткого инквизиторского взгляда. Мертвец глядел вверх с благожелательной улыбкой на лице. Керк снова проглотил слюну и сказал более твердым голосом: — Нет.

— Прекрасно, прекрасно, — быстро отозвался инспектор. — Еще один момент, мистер Керк.

Этот человек спрашивал вас по имени, словно хорошо вас знал. Как вы это объясните?

— Я уже сто раз объяснял все вашему сержанту, — ответил Керк усталым голосом, — пока меня не начало тошнить. В этот офис ко мне постоянно ходят всякие незнакомцы. Я собираю драгоценные камни, я известен в кругах филателистов; кроме того, я принимаю массу людей по конфиденциальным вопросам, связанным с «Мандарином». Только этим я могу объяснить, почему тот парень спрашивал меня по имени.

— Значит, вы думаете, что он был дилером или агентом по продаже драгоценных камней или почтовых марок?

Издатель пожал широкими плечами:

— Вполне может быть. Вряд ли это связано с издательским бизнесом. Обычно по таким вопросам приходят только авторы или их агенты. Насколько я знаю, этот человек не был ни тем ни другим.

— Марки и камни. — Инспектор покусывал кончики своих усов. — Что ж, это лучше, чем ничего. Томас!

Сержант выступил вперед.

— Проверьте эту версию. Быстро распечатайте снимки с физиономией нашего парня и распро-

страните их по всем местам, где торгуют марками и камешками. Мне почему-то кажется, что его трудно будет опознать.

Вели удалился.

— Вы знаете, мистер Керк, — продолжал инспектор, прищурив глаза на издателя, — кто-то вычистил у парня все карманы и срезал или замазал все торговые ярлычки и метки на его одежде.

Керк посмотрел на него с удивлением:

— Зачем?

— Преступник хотел, чтобы мы не могли опознать жертву. Я в первый раз встречаюсь с таким фокусом. Обычно убийца прилагает все усилия к тому, чтобы сохранить в тайне собственную личность. Но этот убийца, кажется, особенной породы… Ладно, джентльмены, похоже, здесь наши дела уже закончены. Мистер Керк, давайте отправимся к вам в апартаменты и немного поболтаем с вашей семьей.

— Как хотите. — У Керка был безжизненный голос. — Хотя я могу вас заверить, что между этим преступлением и моими родственниками не может быть никакой… Это невозможно.

— Невозможно, мистер Керк? Это слишком сильно сказано. Кстати, мне это кое о чем напомнило. Задержимся еще на пару минут. — Инспек-

тор повысил голос: — Пигготт!

Один из детективов подошел ближе.

— Возьмите у горничных простыню или что-нибудь в этом роде и накройте тело. Лицо оставьте открытым.

Детектив исчез. Керк побледнел:

— Надеюсь, вы не собираетесь…

— Почему бы и нет? — спросил инспектор с обезоруживающей улыбкой. — Убийство — нелегкое дело, мистер Керк, а его расследование — еще труднее. Здесь приходится сталкиваться с неприглядной правдой реальной жизни. Или смерти. Это вам не коллекционирование марок, бриллиантов и прочего… А, Пигги! Хорошая работа. Как на фото — одно лицо. Отлично! Томас, приведи сюда всех из апартаментов Керка.

* * *

Они входили медленно и тихо, нервно оглядываясь по сторонам. Самым невозмутимым выглядел доктор Керк. Теперь он был полностью одет; накрахмаленная грудь его рубашки сердито сверкала из инвалидной коляски, которую толкала подавленная мисс Диверси. У него был жутко истощенный вид; он походил на костлявый сосуд, полный ярости.

— Что это за безобразие с убийством? — ревел доктор Керк, размахивая длинными тощими руками. — В конце концов, это просто неприлично. Дональд! Почему ты позволил им втянуть нас в это дело?

— Не надо скандалить, отец, — устало ответил Керк. — Эти джентльмены из полиции.

Седые усы доктора Керка поднялись торчком.

— Полиция! Как будто это и так не ясно всякому, у кого есть пара глаз и ушей. Особенно ушей. Я еще не встречал полицейского, который умел бы правильно произносить простейшее причастие прошедшего времени! — Он смерил инспектора ледяным взглядом. — Вы здесь главный?

— Я, — отрезал инспектор, а про себя подумал: «Посмотрим, как ты будешь произносить у нас свои причастия». Вслух же добавил с ядовитой улыбкой: — Буду очень признателен вам, сэр, если вы прекратите весь этот гам.

— Гам? Гам? Отвратительное слово. Кто здесь поднимает гам, я вас спрашиваю? — прорычал доктор Керк. — Что вы от нас хотите? Отвечайте немедленно.

— Папа, — обратилась к нему Марселла Керк, нахмурив брови. Все случившееся произвело на нее глубокое впечатление; ее овальное лицо

было мертвенно-бледным.

— Помолчи, Марселла. Итак, сэр?

Эллери, Керк и детектив Пигготт плечом к плечу, словно трое выстроенных в плотный ряд солдат, стояли возле двери в офис, закрывая собою труп. Фотографы и дактилоскописты исчезли. Все люди из Главного управления — кроме сержанта Вели, детектива Пигготта и еще одного офицера — освободили комнату; большинство из них сержант отправил с разными поручениями. В наружном коридоре, под присмотром двух парней в штатском, стояла кучка людей — Най, Брюммер, миссис Шэйн и несколько других, — которых окружала шумная толпа репортеров.

Сержант Вели захлопнул у них перед носом дверь.

Инспектор внимательно оглядел свою аудиторию. Марселла Керк стояла возле кресла отца, напряженно положив руку на его плечо. Мисс Диверси поникла сзади. Маленькая женщина в черном платье, мисс Темпл, не сводила глаз с Дональда Керка, что выглядело довольно странно; но он, казалось, не замечал ее пристального взгляда и смотрел прямо перед собой. Гленн Макгауэн с гримасой отвращения возвышался за спиной Марселлы. Чуть в стороне, в облегающем

блестящем платье и с совершенно бездонными глазами, стояла Ирен Левис; она тоже внимательно разглядывала Дональда Керка. Наконец, позади всех держались дворецкий Хаббл и Осборн, который изо всех сил старался не смотреть на мисс Диверси.

Инспектор вытащил потертую табакерку и засунул по щепотке табака в каждую ноздрю. Потом удовлетворенно отложил табакерку в сторону.

— Дамы и господа, — начал он задушевным тоном, — в этой комнате произошло убийство. Тело лежит за мистером Керком, мистером Квином и детективом Пигготтом.

Все вздрогнули и замигали.

— Доктор Керк, минуту назад вы сказали, что не хотите поднимать шума. Мы тоже. Поэтому я прошу того, кто совершил это убийство, сделать шаг вперед.

Кто-то судорожно вздохнул, и Эллери со своей удобной позиции быстро пробежал взглядом по лицам. Но все словно окаменели. Доктор Керк, опершись одной рукой на подлокотник, приподнялся в своем кресле и пробормотал:

— Вы хотите сказать… вы обвиняете одного из нас… Господи, какая гнусность!

— Конечно, — улыбнулся инспектор. — Это

чертовски гнусное убийство. Итак?

Все опустили глаза. Инспектор вздохнул:

— Ну что ж, прекрасно. Расступитесь, ребята.

Керк, Эллери и Пигготт молча повиновались.

Мгновение все зачарованно смотрели на лицо улыбавшегося им мертвеца. Потом кто-то начал шевелиться. Марселла Керк судорожно сглотнула слюну и пошатнулась, словно собираясь упасть. Макгауэн положил свою большую смуглую ладонь на ее голую руку, и она выпрямилась. Мисс Темпл вдруг задрожала и отвела глаза; она больше не смотрела на Дональда Керка. Только Ирен Левис не сделала ни одного движения; если бы не ее бледное лицо, можно было бы подумать, что она смотрит на упавшую восковую фигуру.

— Ладно, Пигготт, прикройте его, — резко потребовал инспектор. Детектив наклонился, и улыбающееся лицо покойника исчезло. — Итак, леди и джентльмены, что вы можете мне сообщить?

Никто не ответил.

— Доктор Керк! — произнес инспектор.

Старик посмотрел на него, дернув головой.

— Кто этот человек?

Доктор Керк сделал гримасу:

— Понятия не имею.

— Мисс Керк?

Марселла сглотнула:

— Н-не знаю. Это ужасно!

— Мисс Левис?

Женщина пожала великолепными плечами:

— Не знаю.

— Мистер Макгауэн?

— Простите, инспектор. Я никогда не видел его раньше.

— Кстати, мистер Макгауэн, мне говорили, что вы тоже собираете марки, верно?

Макгауэн оживился:

— Совершенно верно. А что?

— Вы когда-нибудь видели этого человека в среде филателистов? Подумайте хорошенько, может быть, вспомните.

— Никогда. Но какое это имеет…

Инспектор махнул рукой.

— Эй, там, — бросил он резко. — Дворецкий! Как вас зовут?

Хаббл вздрогнул. Его мучнистое лицо приобрело оттенок мокрого песка.

— Х-Хаббл, сэр.

— Как давно вы работаете у мистера Керка?

— Не… не очень долго, сэр.

Дональд Керк вздохнул:

— Он работает у меня чуть больше года.

— Минутку. Хаббл, вы когда-нибудь видели раньше этого человека?

— Нет, сэр! Нет, сэр!

— Вы уверены?

— Да, сэр!

— Хмм. Остальные уже дали показания. — Инспектор задумчиво потер подбородок. — Думаю, вы понимаете мое положение. У меня на руках убийство человека, которого, похоже, никто из вас не знает. Несмотря на это, он является сюда и спрашивает мистера Керка, хотя тот утверждает, что видит его первый раз в жизни. Однако кто-то должен был знать, что он находится в этой комнате, и этот кто-то убил его здесь. Дверь в коридор была открыта, так что любой мог войти в приемную, обнаружить посетителя и сделать свое дело. Возможно, этот человек даже знал, что жертва собирается прийти сюда, и спланировал все заранее. Преступления такого рода редко совершаются против незнакомцев. Существует какая-то связь между убийцей и его жертвой… Полагаю, вы догадываетесь, к чему я клоню.

— Послушайте, инспектор, — неожиданно заметил Гленн Макгауэн глубоким голосом. — Мне кажется, вы слишком преувеличиваете возмож-

ность нашего участия в этом деле.

— Что вы имеете в виду, мистер Макгауэн? — пробормотал Эллери.

— Я хочу сказать, что кто угодно мог попасть в эту комнату, пройдя по коридору со стороны пожарной лестницы. Убийцей может быть любой из семи миллионов жителей Нью-Йорка! Почему вы подозреваете именно нас?

— Хм-м, — протянул Эллери. — Конечно, такая возможность тоже существует. С другой стороны, вам не приходило в голову, что, если мистер Керк действительно никогда не видел этого человека, значит, убийца — один из стоящих здесь людей — сам подсказал жертве мысль обратиться к Керку, с явным намерением вмешать его в это дело?

Молодой издатель испуганно посмотрел на Эллери:

— Но, Квин… Ради бога, этого не может быть!

— У вас есть враги, старина? — спросил Эллери.

Глаза Керка говорили лучше всяких слов.

— Враги? Я не знаю ни одного.

— Чепуха, — резко вмешался доктор Керк. — Все это чушь, Дональд. У тебя нет врагов — ты слишком глуп, чтобы их иметь, — поэтому кому, черт возьми, могло понадобиться вмешивать

тебя в дело об убийстве?

— Никому, — хмуро ответил Керк.

— Отлично! — улыбнулся инспектор. — Это снимает с вас все подозрения, мистер Керк, даже если они были. Где вы были сегодня в шесть часов вечера?

Керк очень медленно ответил:

— Не здесь.

— О, — откликнулся инспектор. — Понятно. А где?

Керк молчал.

— Дональд! — проревел доктор Керк. — Где ты был, мой мальчик? Не стой здесь с таким дурацким видом!

Наступило зловещее молчание. Его нарушил Макгауэн, который быстро выступил вперед и настойчиво спросил:

— Дон, старина, где ты был? Расскажи нам. Это не выйдет за пределы комнаты…

— Дональд! — крикнула Марселла. — Дон, прошу тебя! Почему ты…

— После обеда я все время гулял, — ответил Керк сквозь стиснутые зубы.

— С кем? — поинтересовался инспектор.

— Ни с кем.

— Где вы были?

— Я… на Бродвее. На Пятой авеню, в районе парка.

— Между прочим, — мягко заметил Эллери посреди наступившего молчания, — я столкнулся с Керком в вестибюле этого отеля. Было совершено очевидно, что он только что вошел с улицы. Верно, Керк?

— Конечно. Еще бы.

— Ясно, — кивнул инспектор и потянулся к своей табакерке. Мисс Темпл еще больше отвернулась в сторону. — Хорошо, леди и джентльмены, — продолжал старый джентльмен предельно спокойным голосом. — На сегодня достаточно. Прошу вас всех не покидать города, пока я с вами не свяжусь.

Инспектор кивнул сержанту Вели, и тот молча открыл дверь. С видом заключенных они по очереди вышли в коридор, где на них набросились газетчики.

Эллери выходил последним. Когда он поравнялся с отцом, их взгляды встретились. Лицо инспектора осталось непроницаемым. Эллери покачал головой и прошел дальше. В коридоре лениво курили два человека в белой униформе. Они стряхивали пепел в огромную, похожую на ящик корзину и с улыбкой смотрели на орущих

репортеров.

* * *

— Мне кажется, — тихо проговорила Марселла Керк, когда они вырвались из толпы журналистов и уединились в гостиной Керка, — мне кажется, нам надо поужинать.

Старый доктор Керк развернулся на своем кресле.

— Да-да, вот именно, — поддакнул он вялым голосом. — Прекрасная идея, дорогая. Я умираю с голоду. Мы не должны… — Он остановился на середине предложения, очевидно сам того не сознавая. Его угрюмое лицо покрылось глубокими складками, как у человека, погруженного в тяжелую задумчивость.

— Я тоже, — быстро добавил Гленн Макгауэн и принужденно засмеялся. Он взял Марселлу за руку. — Думаю, на сегодня нам хватит этих ужасов, не так ли, дорогая?

Она улыбнулась, пробормотала извинения и поспешно вышла.

Эллери в одиночестве стоял в углу комнаты, чувствуя себя почти виноватым. Все выглядело так, словно он присутствовал здесь как ненужный соглядатай, как шпион. Доктор Керк бросал

на него особенно враждебные взгляды. Эллери стало не по себе. И все-таки что-то говорило ему, что нужно остаться. Была эта странная загадка…

Дональд Керк погрузился в кресло, опустив голову на грудь; время от времени он проводил рукой по волосам бессознательным жестом, выражавшим немое отчаяние. Доктор Керк энергично разъезжал по всей комнате в кресле и разговаривал с гостями, но периодически бросал взгляд на сына, и в его холодных глазах мелькало что-то похожее на боль и беспокойство. Мисс Темпл сидела с невозмутимым видом и даже немного улыбалась. Одна только Ирен Левис не делала никаких попыток притворяться. Похоже, она тоже чувствовала себя здесь незваной гостьей, но, как и Эллери, по каким-то причинам предпочитала остаться там, где ее общество считали нежелательным.

Эллери покусывал свой изглоданный ноготь и ждал, когда ему представится возможность что-то спросить. Потом, решив, что момент настал, прошел через всю комнату и опустился рядом с Дональдом Керком в кресло эпохи королевы Анны.

Молодой человек резко поднял голову:

— А… это вы, Квин. Простите, что втянул вас в

эту историю. Я совсем не…

— Глупости, Керк. — Эллери закурил сигарету. — Послушайте, старина, я хочу поговорить с вами начистоту. Я чувствую, куда дует ветер, и дует он в вашу сторону. Не надо быть Эйнштейном, чтобы прийти к такому выводу. Вас что-то беспокоит, и очень сильно. Вы вовсе не гуляли сегодня после обеда, хотя я и встретил вас в вестибюле; я сказал, что вы входили с улицы, но сделал это ради других. — Керк судорожно втянул в себя воздух. — Вы солгали, Керк, и сами это знаете. Почему бы вам не сказать правду и не обелить себя? Думаю, вы достаточно меня знаете, чтобы не сомневаться в моей деликатности.

Керк кусал губы и мрачно смотрел на свои руки.

Минуту Эллери изучал его взглядом, потом откинулся на спинку кресла и затянулся сигаретой.

— Хорошо, — пробормотал он, — значит, это что-то личное… Кстати, Керк, давайте вернемся к более земным вещам. Вы ужасно таинственно вели себя сегодня днем. Позвонили мне по телефону, попросили облачиться в смокинг, явиться сюда и держаться начеку — особенно держаться начеку…

Молодой человек пошевелился в кресле.

— В самом деле, — ответил он голосом, лишенным всякого выражения. — Не правда ли?

Эллери стряхнул пепел в пепельницу, не сводя глаз с Керка.

— Может, объясните мне, что все это значит, старина? Мы встречались время от времени и были не такими уж близкими друзьями, чтобы ни с того ни с сего приглашать меня на ужин с незнакомыми людьми…

— Почему? — Керк облизал сухие губы. — У меня не было никаких особенных причин, Квин. Просто… просто маленькая шутка.

— Шутка? Боюсь, я не понял, в чем ее суть. Что смешного в том, чтобы держаться начеку?

— Я сделал это специально, чтобы удостовериться, что вы примете мое приглашение. Честно говоря, — торопливо продолжал Керк, разразившись дребезжащим смехом, — я затащил вас сюда ради одной конкретной и корыстной цели. Мне хотелось, чтобы вы встретились с моим партнером, Феликсом Берном. Но я боялся, что вы откажетесь, если я попрошу вас об этом прямо…

Эллери рассмеялся:

— Так вот в чем дело. Профессиональный подход, верно?

Керк обрадованно улыбнулся:

— Да, да, вот именно. Обычно мы не печатаем такие произведения, как у вас, но…

— Держу пари, это слишком мягко сказано, — усмехнулся Эллери. — Керк, я поражен. Переманивать автора, Боже милостивый! Я думал, что у издателей есть какое-то понятие об этике. Неужели вы действительно хотите напечатать детективную историю?

— Что-то вроде этого. Знаете ли, дела в издательском бизнесе идут не слишком блестяще. А детективы всегда обеспечивают приличные продажи…

— Не верьте всему, что говорят, — грустно возразил Эллери. — Так-так. Должен признаться, вы меня сразили. Великий «Мандарин пресс»! А что скажут Гарри Хэнсен и Левис Гэннетт? И Алек? По-вашему, ему придется по вкусу какое-нибудь старое доброе убийство с кучей греков и простой англосаксонской речью? Боже, боже… Не думаю, что моему нынешнему издателю понравится эта идея.

— Просто мелькнула такая мысль, — пробормотал Керк.

— О, понимаю, — ответил Эллери.

Гленн Макгауэн бросал на Керка странно

обеспокоенные взгляды. Керк, похоже, заметил внимание Макгауэна и закрыл глаза.

— Интересно, — пробурчал он через некоторое время, — где сейчас Феликс?

— Берн? Боже милосердный! Я совсем о нем забыл. — И потом, без всякого предупреждения, Эллери наклонился вперед и сжал колено Керка. Нога молодого человека резко дернулась, он испуганно открыл глаза и уставился на Эллери налитым кровью взглядом. — Керк, — мягко попросил Эллери, — позвольте мне прочитать записку, которую Макгауэн оставил вам через Осборна.

— Нет, — ответил Керк.

— Керк, дайте мне эту записку!

— Нет. Вы не имеете права требовать таких вещей. Это… это личное дело. Макгауэн — жених моей сестры. Он практически член нашей семьи. Я не могу разглашать…

— Вам не кажется, что вы или намеренно все запутываете, — по-прежнему мягко заметил Эллери, — или просто хотите намекнуть, что записка относилась не к вам лично, а касалась другого человека, связанного с вами обоими? Например, вашей сестры Марселлы?

Керк застонал.

— Ради бога, нет! Я вовсе не это имел в виду. Я не хотел вам лгать. И я вам не лгу. Но я все равно не стану ничего говорить, Квин. Не могу. Мне…

Дверь в столовую открылась, и в гостиную вошла Марселла в сопровождении бледного Хаббла, который катил перед собой столик на колесиках. На столике стоял поднос с подернутым ледком бокалами. Керк буркнул извинение и вскочил с места.

— Дайте мне два, — выдавил он из себя.

Хаббл начал раздавать напитки дамам.

— Это первая разумная вещь, которую ты сказал за весь вечер, сынок! — воскликнул доктор Керк, быстро подкатив на кресле к передвижному бару. — Хаббл, дайте и мне этого отвратительного пойла.

— Отец, — забеспокоилась Марселла, поспешно двинувшись к нему. — Доктор Анджини говорил…

— К черту доктора Анджини!

Коктейли немного взбодрили общество. Старый доктор, у которого от спиртного зарделись щеки, преисполнился какого-то циничного веселья. Он откровенно приставал к мисс Левис, и она смеялась низким хриплым голосом. Эллери, поглядывая на всех поверх бокала, уловил

выражение брезгливости на лице Марселлы; даже Макгауэн нахмурил брови. Один Керк ничего не замечал; он не смотрел по сторонам и допивал, не переводя дыхания, уже четвертый бокал. Похоже, он совсем забыл, что на нем все еще была его уличная одежда — неброский твид, складки которого уныло обвисли, словно от стыда перед черно-белой аккуратностью трех других мужчин.

Хаббл удалился.

Потом отворилась другая дверь, и стройная фигура инспектора Квина появилась позади какого-то темного плечистого мужчины в вечернем костюме заграничного пошива. У незнакомца были злые черные глаза и тонкий рот, твердо сжатый под мышиной полосой усов.

— Простите, — произнес инспектор, с любопытством посмотрев на пьющую компанию. — Это мистер Феликс Берн, не так ли?

Мужчина раздраженно ответил:

— Я же вам уже сказал! Керк! Объясни этому идиоту, кто я такой.

Проницательные глаза инспектора переметнулись от Керка к Эллери, уловили что-то неодобрительное во взгляде сына и мигнули; в следующий момент он исчез так же внезапно, как

появился, оставив Берна на пороге с возмущенно открытым ртом.

— Добро пожаловать домой, Феликс, — устало проговорил Керк. — Мисс Темпл, позвольте представить…

— Ужин готов, — объявил тусклый британский голос, и все обернулись, чтобы посмотреть на Хаббла, который с чопорным видом стоял у двери в столовую.

Глава 6
УЖИН НА ВОСЕМЬ ПЕРСОН

Эллери поместили за большим овальным столом между Керком с левой стороны и мисс Темпл — с правой. Напротив него сидел Берн, хмуривший брови на умном и интеллигентном лице. Марселла и Макгауэн оказались соседями, так же как мисс Левис и доктор Керк, восседавший во главе стола. Костлявый торс старого джентльмена, водруженный на стул мисс Диверси, которая потом исчезла, наклонялся к своей соседке с игривой галантностью древнего кавалера. Даже его ледяные глаза заметно потеплели; в них сверкала необычная энергия и юношеский задор.

Эта женщина, решил про себя Эллери, представляет собой загадку. Она смеялась хриплым смехом, показывая ослепительно белые зубы; она выслушивала комплименты и остроты с невозмутимым видом, говорившем о большой практике… и все-таки было что-то бесконечно грустное в выражении ее лица и в вечно настороженном блеске ее глаз. Почему она здесь? Эллери знал, что она почти постоянно живет в этом отеле; и

появилась в нем ниоткуда два месяца назад. Из разговоров он сделал вывод, что до ее появления в «Чэнселоре» Керк ее не знал; что касается Берна, то, похоже, сегодня он видел ее в первый раз. В том, что она была не из Нью-Йорка, Эллери не сомневался: в ней чувствовался какой-то континентальный дух, и она без конца говорила о Каннах, Вене и Антибском мысе, о Блю-Гротто и Фьезоле.

Он делал выводы, поглядывая на ее эмалевое лицо и на фигуру Керка. У молодого издателя был подавленный и тревожный вид. Он почти не отводил взгляда от своего отца.

А слева от Эллери аккуратно ела маленькая мисс Темпл, и длинные черные ресницы скрывали ее глаза.

Долгое время никто не вспоминал об убийстве. Большую часть ужина за столом почти не разговаривали.

Перед самым ужином Феликс Берн принес свои краткие извинения. Он сообщил, что его «задержали» и что ему «очень жаль». Дело в том, что он сошел на берег только сегодня утром и весь день занимался своими «личными делами». С мисс Темпл он обращался не тепло и не холодно: она была открытием Дональда Керка. Не встречаясь

с ней раньше и не прочитав ее рукопись, он, похоже, находил циничное удовольствие в том, чтобы переложить всю ответственность за этот проект на плечи своего партнера.

Однако во время супа Берн неожиданно разразился раздраженной речью:

— Я не понимаю, почему все так боятся говорить об этом мерзком происшествии по ту сторону коридора. К чему эти тайны, Дональд? Меня остановил у лифта какой-то тупой полицейский и подверг самому унизительному допросу.

Все разговоры внезапно прекратились. Теплый свет в глазах Дональда Керка погас; мисс Левис окаменела; ресницы Джози Темпл взлетели вверх; Макгауэн нахмурился; Марселла прикусила губу; Керк сильно побледнел; а Эллери почувствовал, что у него напряглись мускулы.

— Зачем об этом говорить? — пробормотал Керк. — Вечер и так уже испорчен. Я прошу прощения, если…

Черные глаза Берна блеснули над столом.

— Боюсь, речь идет не только об испорченном вечере. С какой стати этот надоедливый инспектор потащил меня в твою приемную, сдернул простыню и продемонстрировал блаженную физиономию какого-то мертвеца?

— Он… это сделал? — запинаясь, спросила Марселла.

Эллери небрежно заметил:

— Между прочим, мистер Берн, этот надоедливый инспектор, — мой отец. Думаю, не стоит осуждать его за то, что он выполняет свой долг. Он пытается опознать тело.

В черных глазах промелькнул интерес.

— О! Прошу прощения, мистер Квин. Я не расслышал фамилию вашего отца. Опознать тело? Значит, имя жертвы еще неизвестно?

— Никто не знает, кто он такой, — проворчал доктор Керк с раздраженным видом, — и скажу вам больше — всем на это наплевать. Мне, по крайней мере. Продолжайте, Феликс! Вы выбрали не самую удачную тему для застольной беседы.

— Никак не могу с вами согласиться, доктор, — пробормотала мисс Левис. — Я нахожу ее очень интригующей.

— Еще бы, — тихо произнесла маленькая женщина, сидящая слева от Квина. Но больше никто этого не услышал.

— Похоже, мисс Левис и я, — заметил Берн с мрачной усмешкой, — относимся к таким вещам в континентальном духе, то есть без особой щепетильности. Не правда ли, мисс Левис? Я очень

сожалею, мистер Квин, что не могу быть чем-то полезен в данных обстоятельствах. Этот человек мне совершенно неизвестен.

— Что ж, — улыбнулся Эллери, — вы не одиноки.

На минуту воцарилось молчание. Гостиничный официант унес тарелки для супа.

Потом Берн спокойно спросил:

— Полагаю, мистер Квин, вы имеете к этому делу… профессиональный интерес?

— Более или менее. Я нахожу обычную жизнь довольно скучной, мистер Берн. Зато убийства меня очень стимулируют.

— Весьма странный вкус, — заявил доктор Керк.

— Боюсь, мистер Квин, — негромко произнесла мисс Темпл, — что я тоже не разделяю ваши вкусы в смысле… стимуляции. — Она слегка поежилась. — Хотя на Востоке смерть не вызывает такого отвращения, как у нас. Мои друзья-китайцы вполне оценили бы ваш подход.

Эллери взглянул на нее с интересом, который быстро сменился пониманием:

— Ваши друзья-китайцы? Ах да. Простите, мисс Темпл. Я совсем забыл. Ведь вы прожили в Китае большую часть жизни, не правда ли?

— Да. Мой отец работал в американской дипломатической миссии.

— Вы совершенно правы насчет китайцев. Вся духовная жизнь Востока проникнута фатализмом, который вызывает сначала примирение со смертью, а потом, в качестве естественного продолжения, и презрение к человеческой жизни.

— Чепуха! — визгливо крикнул доктор Керк. — Полная чепуха! Будь вы филологом, мистер Квин, вы бы отлично знали, что идеографическое происхождение…

— Нет, нет, — вмешался Феликс, — никаких лекций, доктор. Мы отклонились от темы. Насколько я понял, тот человек спрашивал тебя по имени, Дональд. — Керк вздрогнул. — Это странно.

— Не правда ли? — нервно отозвался Керк. — Но я уверяю тебя, Феликс…

— Послушайте, — сухо произнес Гленн Макгауэн с другого конца стола, — мне кажется, мы зря делаем из мухи слона. Насколько я понимаю, мистер Квин, при раскрытии преступлений вы в определенной степени пользуетесь методами логики.

— В определенной степени, — улыбнулся Эллери. — Верно подмечено.

— Совершенно очевидно, — продолжал Макгау-

эн, — что поскольку этот человек никому из нас не известен, то и само преступление не имеет к нам никакого отношения. Тот факт, что его убили именно здесь, является чистым совпадением или простой случайностью.

Хаббл, наклонившийся над бокалом Марселлы с завернутой в салфетку бутылкой сотерна, уронил несколько капель вина на скатерть.

— О господи, — вздохнула Марселла, — даже бедному Хабблу не по себе.

Дворецкий густо покраснел и стушевался.

— Полагаю, мистер Макгауэн, — мягко отозвалась мисс Темпл, — вы хотите сказать, что кто-то проследовал за ним сюда, воспользовался тем, что он остался один в совершенно незнакомой комнате, и… убил его?

— Почему бы и нет? — воскликнул Макгауэн. — Зачем искать сложности там, где есть простое объяснение?

— Но, мой дорогой Макгауэн, — с грустью заметил Эллери, — это преступление не назовешь простым.

Макгауэн пробормотал:

— Однако я не вижу…

— Я хочу сказать, что убийца прибегнул к иносказанию. — В комнате стало тихо. — Он раздел

мертвеца и переодел его так, чтобы одежда оказалась на нем задом наперед. Он переставил всю мебель, которая стояла лицом к комнате, так, чтобы она повернулась к ней задней стороной. То есть тоже — задом наперед. Той же участи подверглись все передвигаемые предметы в комнате — лампы, ваза с фруктами, — он сделал паузу, — ваза с фруктами, — повторил он, — ковер, картины, африканский щит на стене, коробка с сигарами… Как видите, проблема не только в том, что произошло убийство. Дело еще и в том, что человек был убит в особой обстановке и особых обстоятельствах. Вот почему меня не устраивает ваша теория, мистер Макгауэн.

Наступила новая пауза, во время которой вынесли тарелки для рыбы.

Потом Берн, не спускавший с Эллери внимательного взгляда, с недоумением переспросил:

— Задом наперед? Я заметил, что в комнате все перевернуто, а его одежда…

— Глупости, — проворчал доктор Керк. — Молодой человек, вас сбивает с толку самая обычная мистификация. Я не вижу никаких причин, почему преступнику потребовалось переставить все задом наперед, если только он не хотел устроить беспорядок ради самого беспорядка. Просто ему

хотелось запутать полицию. Он пытался создать впечатление изощренного преступления там, где на самом деле все обстояло очень просто. Или это сделал какой-то маньяк.

— Я с вами не согласна, доктор, — возразила мисс Темпл мягким голосом. — Тут есть что-то такое… Мистер Квин, а что вы сами об этом думаете? Наверняка у вас есть какая-то теория, которая объясняет это необычное преступление?

— В целом да, — без улыбки ответил Эллери, задумчиво глядя на скатерть. — Но конкретно — нет. Видите ли, доктор, я бы охотно согласился с вашей версией, если бы не одно обстоятельство. К сожалению, оно совершенно обесценивает ваши аргументы.

— И что это за обстоятельство, мистер Квин? — спросила Марселла, затаив дыхание.

Эллери махнул рукой:

— О, ничего особенного, мисс Керк. Просто я хотел сказать, что в этом преступлении присутствует не столько беспорядок, о котором говорил ваш отец, сколько некий метод.

— Метод? — нахмурился Макгауэн.

— Безусловно. Если бы в комнате были переставлены одна, две, три или даже четыре вещи, я согласился бы с тем, что это очень похоже на хаос.

Но когда все предметы перевернуты вверх ногами, когда абсолютно вся обстановка приведена, так сказать, в хаотичное состояние, то мне кажется, что в этом уже присутствует некий метод. Тут мы имеем систематическое действие, которое, строго говоря, не является больше беспорядочным. Все было приведено в беспорядок одним и тем же способом. Все оказалось переставлено. Понимаете, к чему это ведет?

Берн медленно ответил:

— Вздор, Квин, совершенный вздор. Я этому не верю.

— У меня такое чувство, мистер Берн, — улыбнулся Эллери, — что мисс Темпл тоже понимает, о чем идет речь, и даже разделяет мою точку зрения. Не так ли, мисс Темпл?

— Наверное, во мне снова говорит мое китайское прошлое, — ответила маленькая женщина, очаровательно пожав плечами. — Вы хотите сказать, мистер Квин, что в этом преступлении — или, может быть, в том человеке, который с ним связан, — есть что-то такое, что тоже надо понимать задом наперед? И что преступник перевернул все вещи наоборот именно для того, чтобы указать на нечто такое, что в этом человеке перевернуто наоборот — если я понятно излагаю

свою мысль?

— Джози… Мисс Темпл! — воскликнул Дональд Керк. — Вы не можете говорить это серьезно. Это… это самое надуманное объяснение, которое я когда-либо слышал!

Она бросила на него мимолетный взгляд, и он молча откинулся обратно в кресло.

— Да, это довольно необычно, — ответила она. — Но когда живешь в Китае, начинаешь верить в самые причудливые вещи.

— Похоже, — с улыбкой отозвался Эллери, — в Китае вы усовершенствовали свой и без того незаурядный ум. Вы сказали именно то, что я имел в виду, мисс Темпл.

Берн усмехнулся:

— Ради этого стоило пересечь океан. Моя дорогая мисс Темпл, если ваша книга о Китае хотя бы наполовину столь же причудлива, боюсь, обозреватели будут здорово веселиться на наш счет.

— Феликс, — обратился к издателю Керк. — Это невежливо.

— Мисс Темпл, — бархатным голосом заметила мисс Левис, — очевидно, знает, о чем говорит. Блестящая идея! Просто поражаюсь, как это могло прийти вам в голову, мисс Темпл.

Маленькая женщина побледнела; бокал с ви-

ном задрожал в ее руке.

Берн продолжал тем же холодным и небрежным тоном:

— Я думал, Дональд, что ты нашел новую Перл Бак,[5] но теперь вижу, что ты откопал нам настоящего Шерлока Холмса в юбке.

— Черт возьми! — воскликнул Керк, вскочив на ноги. — Это самая гнусная вещь, которую я когда-либо от тебя слышал, Феликс. Возьми свои слова…

— Не слишком ли много пафоса, Дональд? — осведомился Берн, подняв брови.

— Дональд! — завопил доктор Керк.

Взъерошенный молодой человек, дрожа, упал обратно в кресло.

— Довольно, Феликс! Я уверен, что ты хочешь извиниться перед мисс Темпл. — В его голосе появилась железная нотка.

Берн, не шевельнувшись, произнес:

— Я не хотел вас обидеть, мисс Темпл, — но его глаза странно блеснули.

Эллери кашлянул.

— Хм… боюсь, это целиком моя вина. В самом

---

[5] ПРИМЕЧАНИЯ: 5

Бак, Перл (1892–1973) — американская писательница, известная своими романами о жизни в Китае. Нобелевская премия по литературе за 1938 г.

деле, я во всем виноват. — Он потрогал свой бокал, глядя на темневшую в нем рубиновую жидкость.

— Ради бога, прошу вас, — произнесла Марселла дрогнувшим голосом, — я больше не могу об этом слышать. Я должна знать. Джози, вы сказали… Мистер Квин, кто мог это сделать? Кто переставил все вещи наоборот? Убийца? Или жертва?

— Не надо, Марселла… — начал Макгауэн.

— Конечно, не жертва, — эхом откликнулась мисс Левис. — Он умер мгновенно, дорогая, по крайней мере, так я слышала.

— И не убийца, — резко заметил Керк. — Какой болван станет оставлять улики, которые могут вывести на его след? Если только он не оставил их нарочно, чтобы указать на кого-нибудь другого, — на человека, которого могут заподозрить в этом преступлении. Боже мой, это похоже на правду! Клянусь, так оно и было!

Доктор Керк свирепо хмурил брови.

— Или, — торопливо добавила мисс Темпл тихим голосом, — это сделал другой человек, который вошел в комнату после преступления, увидел или догадался о том, что здесь произошло, и решил таким странным способом оставить подсказку для полиции.

— Снова в яблочко, мисс Темпл, — быстро проговорил Эллери. — У вас превосходный аналитический ум.

— Или, — насмешливо протянул Феликс Берн, — убийца был Безумный Шляпник, который провернул все это дело так, чтобы бросить подозрение на Моржа и Плотника. Или, возможно, это был Чеширский кот?[6]

— Прошу вас всех, — загремел доктор Керк, сверкнув глазами, — немедленно прекратить эти бессмысленные рассуждения. Немедленно, слышите? Мистер Квин, я призываю вас к ответственности. К серьезной ответственности! Если вы намерены проводить расследование, сэр, — а, судя по всему, мы все в числе ваших подозреваемых, — то я прошу делать это надлежащим образом и не тогда, когда вы являетесь гостем за моим столом. Иначе мне придется попросить вас удалиться!

— Отец! — страдальчески прошептала Марселла.

— Отец, ради бога…

Эллери спокойно ответил:

---

[6] ПРИМЕЧАНИЯ: 6

Безумный Шляпник, Морж, Плотник и Чеширский кот — персонажи произведений Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье».

— Уверяю вас, доктор Керк, что у меня не было таких намерений. Но поскольку мое присутствие здесь выглядит нежелательным, я прошу меня извинить. Мне очень жаль, Керк.

— Квин, — пробормотал Керк с несчастным видом, — я…

Эллери отодвинул стул и встал. В этот момент он опрокинул свой бокал с вином, и красная жидкость расплескалась по твидовому костюму Дональда Керка.

— Ах, как я неловок, — пробормотал Эллери и, схватив левой рукой салфетку, начал вытирать пятна. — Такой замечательный портвейн…

— Пустяки, пустяки. Не надо…

— Что ж, всем приятного вечера, — произнес Эллери любезным тоном и вышел из комнаты, оставив за спиной глубокое молчание.

Глава 7
МАНДАРИН

Мистер Эллери Квин положил ясеневую трость на отцовский стол и поднес огонь к третьей за это утро сигарете. Инспектор уткнулся носом в кипу документов и отчетов.

— Меня всегда угнетало, — заметил Эллери, заняв единственное удобное кресло в комнате, — что ты встаешь в такую жуткую рань. Сегодня утром, когда я вышел завтракать, Джуна сказала мне, что ты не успел даже кофе проглотить.

Инспектор что-то проворчал, не поднимая головы от стола. Эллери потянулся в кресле и зевнул, заодно выпустив изо рта немного дыма.

— Честно говоря, я отлично выспался сегодня ночью. Даже не слышал, как ты вылез из своей кровати.

— Прекрати, — оборвал его инспектор. — Раз ты притащился сюда в такое время, значит, тебе что-то нужно. Помолчи пару минут и дай мне закончить с этими отчетами.

Эллери улыбнулся и откинулся в кресле; потом улыбка исчезла с его лица, и он стал смотреть в

окно через прутья стальной решетки. В небе над Сентр-стрит не было ничего особенно вдохновляющего, и Эллери слегка поежился. Потом он закрыл глаза.

Пока сотрудники полиции входили и выходили из комнаты, инспектор раздраженно говорил с кем-то через свой селектор. Один раз зазвонил телефон, и голос инспектора стал нежнее бархата. Это был комиссар полиции, требовавший новой информации. Через две минуты раздался другой звонок: на линии был заместитель начальника полиции. Уста инспектора источали мед: да, уже наметился некоторый прогресс; возможно, стоит проверить версию с Керком; нет, доктор Праути еще не представил свои данные по вскрытию; да, нет, да… Он бросил трубку на рычаг и рявкнул:

— Да?

— Что — да? — сонно спросил Эллери сквозь дым сигареты.

— Что ты надумал? Вчера у тебя был чертовски самодовольный вид. Есть какие-нибудь идеи? Впрочем, у тебя их всегда полно.

— На этот раз, — пробормотал Эллери, — их даже больше, чем обычно. Но все они столь невероятны, что я предпочитаю держать их при себе.

— Значит, ты снова стал немногословен. — Ин-

спектор, нахмурив брови, листал перед собой пачку бумаг. — Ничего. Ровным счетом ничего. Я не могу в это поверить.

— Поверить во что?

— В то, что этот тихий и малоприметный тип мог появиться в нью-йоркском отеле буквально ниоткуда.

— Никаких следов?

— Ни малейших. Ребята всю ночь рыли, как кроты. Конечно, пока еще рано говорить. Но общая картина… она мне не нравится. — Он стал раздраженно засовывать табак в обе ноздри.

— А отпечатки пальцев?

— Я все утро проверяю их по нашей базе данных. Может быть, он какой-нибудь бандит с окраины, хотя я в этом сомневаюсь. Не тот тип.

— Я помню Рыжего Райдера, — мечтательно произнес Эллери. — Он одевался в лучшие костюмы с Бонд-стрит, говорил с оксфордским акцентом и выглядел как истинный джентльмен. Однако ни разу не покидал Нью-Йорка. Кажется, он был родом с Мотт-стрит.

— Кроме того, — продолжал инспектор, пропустив слова Эллери мимо ушей, — все улики указывают на работу какого-то психа-одиночки. У гангстеров совсем другой почерк. Задом напе-

ред! — Он фыркнул. — Когда мы доберемся до этого парня, я его самого выверну задом наперед… Что случилось вчера вечером, мистер Квин?

— Вечером?

— Во время ужина. Вращаетесь в свете, а, мистер? Я видел, как ты смаковал выпивку, — с горечью заметил инспектор. — Пьешь в свое удовольствие, пока твой старый отец работает… Ну, что там было?

Эллери вздохнул:

— Меня выгнали.

— Что?!

— Доктор Керк вышвырнул меня из-за стола. Я, видите ли, злоупотребил его гостеприимством и воспользовался застольной беседой, чтобы порассуждать на криминальные темы. Судя по всему, в хорошем обществе это не принято. Я был взбешен, как никогда.

— Черт бы побрал этого старого олуха. Я сверну ему шею!

— Ни в коем случае, — сухо возразил Эллери. — Благодаря этому ужину — и подававшимся на нем напиткам — я узнал множество полезных вещей.

— Вот как? — Гнев инспектора растаял, как по волшебству. — Что именно?

— Прежде всего я познакомился с мисс Джози Темпл, которая родилась в Китае и помешана на всем восточном. Чрезвычайно умная и замечательная женщина. Интеллигентная. С ней приятно поговорить. Мне кажется, — добавил он задумчиво, — ей нужен хороший компаньон.

Инспектор внимательно посмотрел на него:

— Выкладывай, что ты прячешь в рукаве?

— Я? Ничего. Потом я узнал, что доктор Керк — вчера он вел себя просто неприлично — строит зловещие планы насчет одной соблазнительной особы, которую зовут мисс Ирен Левис. И которая, в свою очередь, заслуживает прозвища мисс Загадка.

— Говори по делу.

— Он весь вечер вертелся вокруг нее. — Эллери выпустил под потолок клуб дыма. — Конечно, я совсем не против, чтобы старикашка волочился за молоденькими. Проблема в том, что все это только видимость. Уверен, в его котелке варится совсем другая каша. Он и наполовину не так выжил из ума, как хочет показать… Он все время трется возле этой девицы Левис. Почему? Вот вопрос. Думаю, он что-то подозревает.

— Тьфу! — с отвращением плюнул инспектор. — Когда я слышу от тебя такую болтовню,

мне хочется задушить тебя голыми руками. Послушай, а как насчет молодого Керка? И этого скользкого типа, Берна?

— Керк, — осторожно ответил Эллери, — это интересная проблема. Знаешь, вчера он пригласил меня поужинать с ним и его компанией — это было днем, он позвонил по телефону. Говорил загадками, советовал смотреть в оба. Но после того как произошло убийство, заявил, что это была шутка: мол, ничего такого у него и в мыслях не было. Привел какую-то нелепую причину — якобы он пригласил меня для того, чтобы познакомить с Берном и переманить в свое издательство. Но я не думаю, — Эллери покачал головой, — я не думаю, что это была шутка.

— Хм. Хочешь заняться им сам, или мне на него надавить? Он чертовски странно себя вел, когда его спросили, где он был вчера после обеда.

— Господи, нет! Когда ты, наконец, поймешь, мой добрый Полоний, что из по-настоящему интеллигентных людей ничего нельзя выбить твоими варварскими методами? Оставь этого несчастного молодого человека мне… Берн — другое дело. Твердый как кремень. Из того, что я слышал, можно заключить, что он обладает тремя важными качествами: сверхъестественным чу-

тьем на будущие бестселлеры, необыкновенной способностью заключать контракты и слабостью к красивым женщинам. Опасная комбинация. Я не знаю, с какого конца к нему подойти. Подозрительно, что вчера он опоздал на собственную вечеринку. На твоем месте я бы постарался выяснить, чем он занимался в этот день.

— Я пытаюсь проследить за передвижениями всей компании. Особенно Керка. По-моему, от всего этого дурно пахнет… Ладно! — Инспектор вздохнул. — Пока я по полной программе взялся за мертвеца. Мы проверяем его одежду. Мы сфотографировали тело во всех возможных ракурсах, и сегодня эти снимки пустят в дело вместе с подробным описанием убитого. Как я уже сказал, ребята выясняют, чем он занимался до того, как оказался в «Чэнселоре»; нам помогает Бюро розыска без вести пропавших. Доктор Праути с минуту на минуту доставит результаты вскрытия. Но пока — ничего.

— Может быть, ты слишком торопишься? Как насчет отпечатков пальцев?

— Никаких зацепок. Разумеется, они нашли кучу отпечатков Керка, Осборна и той сиделки; но этого следовало ожидать. Проблема в том, что два самых важных места, дверь и задвижка, тща-

тельно вытерты. Или убийца был в перчатках. Черт бы побрал эти детективные фильмы!

Эллери сполз по спинке кресла и с мечтательным видом уставился на потолок.

— Чем больше я думаю об этом деле, — пробормотал он, — тем больше оно мне нравится. И тем больше сбивает с толку.

— В нем есть своя логика, — сухо заметил инспектор, — но это логика сумасшедшего. С моей точки зрения, все дело упирается в опознание жертвы. Сам факт, что преступник приложил столько усилий, чтобы скрыть личность убитого, говорит о том, что если мы узнаем его имя, то сядем убийце на хвост. Поэтому я не очень беспокоюсь.

— Умно, — заметил Эллери с восхищенной улыбкой.

— Либо мы сами узнаем, кто он такой, либо нам помогут его обеспокоенные родственники. Вчера вечером, когда ты ушел, мои парни засняли его со всех сторон, так что сегодня утром его улыбающаяся физиономия появится в газетах и будет расклеена на улицах. Я в любую минуту жду звонка. А когда это произойдет, все карты будут у нас в руках.

— После чего, надо думать, наступит неиз-

бежная развязка. Окончательные заключения и выводы, — задумчиво произнес Эллери, — с которыми я вряд ли соглашусь. — Он закинул руки за голову и посмотрел на потолок. — Все эти бессмысленные перестановки… поразительно, папа, просто поразительно. Ты даже не понимаешь, насколько это замечательное дело.

— Зато я понимаю, насколько оно нелепое, — проворчал инспектор. — Ладно, я думаю, пора тебе выложить твой сюрприз. Не думай, что я куплюсь на твои обычные штучки.

— Нет, папа, я говорю серьезно. Я понятия не имею, кто это сделал и зачем. Даже приблизительно. Существуют трое, кто мог проделать этот фокус с перестановкой, — убийца, его возможный соучастник или какой-то случайный свидетель, оказавшийся на месте преступления. Сам убитый не в счет — смерть наступила мгновенно. Я могу найти возражения против любого из трех предполагаемых исполнителей этого трюка. Но кто-то из них его сделал.

— Не обязательно, — возразил инспектор, внезапно выпрямившись в кресле. — Откуда мы знаем, черт возьми, что наш толстый коротышка не сделал это сам? Он мог перевернуть все вещи в комнате до того, как его убили!

— А что, — спросил Эллери, поднявшись с кресла и подойдя к окну, — стало с его галстуком?

— Может быть, он выбросил его в окно или это сделал убийца… Нет, вряд ли, — пробормотал инспектор. — Мы обыскали весь дворик под окном и ничего не нашли. Сжечь он его тоже не мог. Во-первых, там стоит искусственный камин, во-вторых, нигде нет пепла.

— Его могли сжечь, — не оборачиваясь, заметил Эллери, — а потом вынести пепел. Ты ошибаешься в другом. Он получил удар по голове. Когда его нашли, пиджак на нем был надет задом наперед. Плащ и шарф лежали на кресле. На воротнике плаща осталась кровь. Это говорит о том, что, когда его ударили, он был в плаще. Если исключить предположение, что, когда он вошел в «Чэнселор», его одежда под плащом уже была надета задом наперед, значит, убийца переодел несчастного после того, как нанес ему удар и кровь брызнула на воротник плаща. Но если одежду переодел убийца, то и все в вещи в комнате переставил тоже он.

— И что из этого?

— Господи, да ничего. Я в полном дерьме. А что ты скажешь насчет двух железных копий, на которые насажена его одежда?

— А, это! — хмуро отозвался инспектор. — Еще одно доказательство того, что преступление совершил безумец. Я не вижу для этого ни одной разумной причины.

Эллери стоял, сдвинув брови, и молча смотрел в окно.

— Впрочем, предоставляю тебе заботиться о таких вещах. Мы будем работать обычными методами. Это еще одна странная деталь, которая ничего не значит.

— Все что-нибудь да значит, — возразил Эллери, отвернувшись от окна. — Ставлю хороший обед против плохой выпивки, что, когда мы раскроем это дело, ключом ко всему окажутся перевернутые вещи.

Инспектор скептически покачал головой.

— Одно я знаю наверняка. Кто-то перевернул все вещи наоборот, чтобы указать на нечто такое, что в ком-то или в чем-то другом тоже перевернуто наоборот. И я собираюсь употребить свои скромные способности на то, чтобы, по мере возможности, обнаружить все, что можно подвергнуть такой «перевернутой» интерпретации, каким бы банальным или причудливым это ни показалось на первый взгляд.

— Желаю удачи, — пробурчал инспектор. —

Похоже, для этого тебе придется тоже на время сойти с ума.

— Между прочим, — сообщил Эллери, слегка покраснев, — я уже нашел несколько вещей, которые подвергаются такой интерпретации. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Пальцы инспектора застыли на полуоткрытой табакерке.

— Несколько вещей?

— Да, несколько вещей. Но, — добавил Эллери с мрачной улыбкой, — тебе надо делать твою работу, а мне мою. Хотел бы я знать, кто из нас справится первым!

Сержант Вели с трудом протиснулся в дверь, едва не уронив котелок, плохо сидевший на его львиной голове. В его глазах блестело необычное волнение.

— Инспектор! Доброе утро, мистер Квин… Инспектор, я кое-что нашел!

— Хорошо, Томас, — спокойно ответил тот. — Наверное, узнали, кто убитый?

Лицо Вели погасло.

— Нет. Дела обстоят не настолько хорошо. Я насчет Керка.

— Керка? Какого именно?

— Молодого. Знаете что? Его видели вчера в

половине пятого в отеле «Чэнселор»!

— Видели? Где?

— В одном из лифтов. Я нашел мальчишку, который вспомнил, что поднимал его на лифте в это время.

— На какой этаж, Вели? — поинтересовался Эллери.

— Он не помнит. Но он уверен, что это был не обычный этаж, не двадцать второй. Он сказал, что хорошо это запомнил.

— Забавная логика, — сухо заметил Эллери. — Значит, прогулка по Бродвею и Пятой авеню отпадает, верно? Это все, сержант?

— Разве этого недостаточно?

— Ладно, займись им, Томас, — рассеянно предложил инспектор. — Мы пока придержим эту информацию. Не стоит его пугать. Но выясни всю подноготную этого парня начиная со времен Адама. Как насчет марок и драгоценных камней?

— Ребята работают.

— Ладно.

* * *

Дверь еще дрожала после того, как ее захлопнул сержант Вели, когда Эллери произнес, нахмурив брови:

— Мне это кое о чем напомнило. Я совсем забыл… Взгляни-ка на это.

Он вытащил из кармана скомканный конверт и положил его на стол инспектору.

Инспектор бросил на конверт прищуренный взгляд. Потом взял конверт и расправил его на столе. Засунув пальцы внутрь, вытащил листок бумаги.

— Где ты это взял?

— Я его украл.

— Украл?!

— Увы, все к этому и шло. — Эллери пожал плечами. — Я стремительно качусь под гору, отче: по крайней мере, в том, что касается морали. Весьма прискорбный факт… Когда Керк и я без четверти семь вошли в офис, Осборн передал Керку записку, которую Макгауэн оставил ему за несколько минут до этого. Пока Керк ее читал, у него был странный вид. Он положил ее в карман, и потом мы нашли мертвеца.

— Дальше?

— Позже, перед ужином, я попросил Керка показать мне записку, но он отказался. Сказал, что это личное дело, касающееся только его и Макгауэна, который является его лучшим другом и будущим зятем. Затем, посреди волнения, которое вызвало

мое изгнание разгневанным доктором Керком, мне удалось пролить несколько капель превосходного портвейна на одежду мистера Керка, после чего я с легкостью вытащил конверт из его кармана. Что ты об этом скажешь?

Записка гласила:

> «Теперь я знаю. Ты имеешь дело с опасной личностью. Будь осторожен, пока я не поговорю с тобой с глазу на глаз. Дон, будь начеку.
>
> ***Мак».***

Текст был торопливо набросан карандашом. Инспектор зловеще оскалился:

— Как говорят в фильмах, дело принимает новый оборот. Отлично! Теперь он станет разговорчивее. Похоже, пора как следует взяться за эту парочку.

— Даже не думай, — быстро возразил Эллери. — Говорю тебе, ты все испортишь. Смотри. — Он схватил блокнот, карандаш и быстро написал имя.

Инспектор вытаращил глаза.

— Лучше как следует возьмись за эту персону.

— Но кто…

— Проверь, можно ли найти человека с таким

именем и фамилией — учти, имя может быть неправильным, — в твоей базе данных. Посмотри во всех отделах по всем штатам. Но у меня есть подозрение, что ответ можно найти в Скотленд-Ярде или во французской Сюрте. Отправь запрос по телеграфу.

— Но кто это такой, черт возьми? — спросил инспектор, потянувшись к трубке. — Он связан с делом? В первый раз вижу это имя…

— Ты с ним еще познакомишься, — мрачно пообещал Эллери. И снова погрузился в удобное кресло, пока инспектор запускал колеса полицейской машины.

* * *

В дверях, словно черный вымпел, появилась длинная сигара, и доктор Праути небрежно ввалился в кабинет. Он помолчал, критически оглядев обоих Квинов.

— Доброе утро, детишки. Что случилось? Мои глаза меня обманывают, или я снова в морге? Почему такой мрачный вид?

— А, док, — оживленно отозвался инспектор. Эллери с отсутствующим видом махнул ему рукой. — Каков ваш вердикт?

Помощник судмедэксперта со вздохом опустил-

ся на стол и вытянул свои тощие ноги.

— Смерть наступила в результате насильственных действий от рук неизвестного или неизвестных.

— К черту! — прорычал инспектор. — Перестаньте шутить. Это серьезно. Что вы нашли?

— Ничего. Ни единой мало-мальски интересной вещи.

— А конкретнее?

— Мы обнаружили, — протянул доктор Праути, — маленький волосистый вырост, в просторечии именуемый родинкой, двумя дюймами ниже и чуть правее его пупка. Особая примета, которая, полагаю, для вас совершенно бесполезна, пока вы не найдете его любовницу… или жену. Его бренные останки свидетельствуют о том, что это была особь из рода homo, мужского пола. Возраст приблизительно пятьдесят пять лет, возможно, шестьдесят. Он хорошо сохранился — при весе в сто пятьдесят три фунта, росте в пять футов и четыре с половиной дюйма и, судя по всему, прекрасном аппетите: живот у него как у раздувшейся лягушки. Глаза серо-голубые, волосы темно-русые с сединой — ничего особенного…

— Аппетит… — пробормотал Эллери.

— Что? Я еще не закончил. Никаких швов и

хирургических вмешательств. Кожа чистая и белая, как яйцо. На ногах мозоли. — Доктор Праути задумчиво затянулся потухшей сигарой. — Он умер, без всякого сомнения, от сильного удара по черепу. Бедняга даже не узнал, кто его ударил. Кстати, Квин, я рад сообщить, что после всех многочисленных и кошмарно-аналитических тестов, проведенных в моей прославленной лаборатории, в его организме не обнаружено никаких следов яда.

— К черту вас и вашу лабораторию! — воскликнул инспектор. — Что с вами, док? Сегодня все сошли с ума. Вы что, не можете говорить по-человечески? Это все?

— Я хотел бы вернуться, — невозмутимо продолжал доктор Праути, — к вышеупомянутому замечанию об аппетите жертвы, которое привлекло внимание Квина-младшего. Несмотря на все видимые признаки обжорства, вчера наш мертвец пообедал весьма легко. И, судя по всему, успел опорожнить желудок. В его желудочно-кишечном тракте не обнаружено ничего, кроме — думаю, это привлечет ваше внимание, мой любезный Квин, — кроме полупереваренных остатков цитрусового плода.

— А, — отозвался Эллери со странным вздо-

хом. — Я так и думал. Мандарин?

— Откуда мне знать, черт возьми? Невозможно определить такие тонкости, молодой человек, когда имеешь дело с содержимым мощной пищеварительной системы после того, как желудочный сок оказал свое разлагающее и перистальтическое действие. Хотя… Поскольку в комнате найдены очистки мандарина, я готов последовать методу дедукции и ответить утвердительно. С чем позвольте мне засвидетельствовать вам свое почтение и откланяться. Полагаю, полученную информацию разглашать пока не следует? Отлично…

— Подождите, док, — пробормотал Эллери; инспектор сидел, надувшись от едва сдерживаемого гнева. — Можете ли вы подтвердить, что мандарин был съеден в этой комнате?

— Сопоставив время? Безусловно, mon ami. Трам-там-там… — И, напевая и посмеиваясь, доктор Праути с беспечным видом удалился из кабинета.

* * *

— Болван! — прошипел инспектор, вскакивая с места и захлопывая дверь за судмедэкспертом. — Превращает мой офис в какой-то дешевый

водевиль… Не знаю, какая муха его укусила. Обычно он…

— Не кипятись. Между прочим, ты сегодня и сам немного не в себе. Доктор Праути, да будет тебе известно, только что внес огромный вклад в раскрытие этого дела.

— Ха!

— Вот тебе и ха. Я говорю о мандарине. Мы должны были убедиться, что наш коротышка съел его в этой комнате. В приемной… Все, что касается приемной, очень важно. Что до мандарина… Думаю, ты сам видишь, в чем тут дело.

— Я? Вижу? Боже милосердный!

— Как по-твоему, — невозмутимо спросил Эллери, — что такое мандарин?

Инспектор бросил на него мрачный взгляд:

— Ты что, решил загадывать мне загадки? Эго цитрусовая культура, идиот.

— Вот именно. А какая цитрусовая культура?

— Какая цитру… Господи, да откуда мне знать и какое это имеет значение?

— Но ты должен знать, — серьезно ответил Эллери. — Тебе это известно. И мне известно. Все об этом знают. И я начинаю думать, что убийца тоже об этом знал… Мандарин иначе называют китайским апельсином!

Инспектор обошел вокруг стола и воздел руки к небесам.

— Сынок, — произнес он строгим голосом. — Это уже переходит все пределы. Убитый находился в незнакомой комнате и кого-то ждал. Потом заметил на столе вазу с фруктами. Он был голоден — док сам это сказал. Поэтому взял один хороший сочный мандарин и съел его. Потом кто-то вошел и треснул его по голове. Ради бога, что тебя не устраивает в этом здравом и разумном объяснении?

Эллери кусал губы.

— Пока не знаю. Китайский апельсин… черт, я не могу это объяснить. По крайней мере, дело не в апельсине. — Он встал и взял свое пальто.

— Ладно. — Инспектор устало опустил руки. — Сдаюсь. Поступай как считаешь нужным. Можешь сломать себе мозги на китайских апельсинах, мексиканских лепешках, аллигаторовых грушах, испанском луке и английских оладьях — мне на это наплевать. Я только хочу спросить: неужели человек не может спокойно съесть обычный мандарин без того, чтобы парень вроде тебя не заподозрил его во всех смертных грехах?

— Нет, если речь идет о китайском апельсине, мой почтенный предок. Нет, — резко продолжил

Эллери, и в его голосе появился неожиданный напор, — когда в дело замешаны писательница из Китая и коллекционер почтовых марок, специализирующийся по Китаю, когда в комнате все перевернуто задом наперед, и… — Он внезапно замолчал, словно почувствовав, что сказал слишком много. По его глазам было видно, что он о чем-то глубоко задумался. Некоторое время Эллери стоял, не двигаясь с места, потом взял свою шляпу, рассеянно похлопал по плечу отца и быстро вышел из комнаты.

Глава 8
СТРАНА НАОБОРОТ

Хаббл открыл дверь апартаментов Керка и, похоже, слегка удивился, увидев перед собой мистера Эллери Квина, — с хомбергом[7] в руке, игриво поднятой тростью и добродушной улыбкой на лице.

— Да, сэр? — проскулил Хаббл, не сдвинувшись с места.

— Я к вам с визитом, — весело объявил Эллери, постукивая о порог кончиком трости. — Безо всяких церемоний. Ведь терять мне уже нечего, верно? Решил, так сказать, усугубить мой проступок после того, как меня вышвырнули вон. Да, да, Хаббл, вышвырнули вон. Могу я…

Хаббл был в замешательстве.

— Мне очень жаль, сэр, но…

— Но что?

— Сожалею, сэр, но никого нет дома.

— Все та же старая глупая уловка. — Лицо Эллери стало печальным. — Хаббл-дворецкий

---

[7] ПРИМЕЧАНИЯ: 7

Хомберг — шляпа с жесткими полями, загнутыми вверх по всей окружности.

— парень простецкий. Или лучше сказать — вид молодецкий… Кажется, вы хотите очаровать меня своим пением сирены? Но суть дела в том, что меня не хотят здесь видеть, не так ли?

— Мне жаль, сэр.

— Глупости, приятель, — пробормотал Эллери, мягко оттеснив его в сторону. — Подобные распоряжения отдают в том случае, когда не хотят видеть нежелательных гостей. Я же пришел по официальному поводу, так что меня оно не касается. Боже, как тяжек труд дворецких! — Он остановился, едва переступив порог гостиной. — Только не говорите мне, Хаббл, что вы сказали правду!

Комната была пуста.

Хаббл заморгал.

— Кого вы хотите видеть, мистер Квин?

— Никого в особенности, Хаббл. Думаю, мисс Темпл подойдет. Вряд ли я смогу вести приятную беседу с доктором Керком, по крайней мере сейчас. Я очень болезненно отношусь к тем людям, которые выгоняют меня из дома… Позовите мисс Темпл, старина. Надеюсь, она дома?

— Я посмотрю, сэр. — Хаббл добавил: — Пальто и трость, сэр?

— Я же сказал — это официальный визит, — от-

ветил Эллери, пройдясь по комнате. — В таких случаях снимать пальто не принято. А если вы какой-нибудь второсортный детектив — то и шляпу тоже. Превосходный Матисс — если это Матисс… Хаббл, ради бога, перестаньте на меня таращиться и позовите мисс Темпл!

Маленькая женщина появилась очень быстро. На ней было что-то легкое и свободное.

— Доброе утро, мистер Квин. К чему эти формальности? Надеюсь, вы не принесли с собой наручники? Снимите пальто, прошу вас. Присаживайтесь.

Они с серьезным видом пожали друг другу руки. Эллери присел, но пальто снимать не стал. Джози Темпл торопливо продолжила:

— Примите мои извинения, мистер Квин, за ужасную сцену вчера вечером. Доктор Керк…

— Доктор Керк — старый человек, — с кислой улыбкой ответил Эллери, — а я был слишком глуп, обращая внимание на его старческие выходки. Примите мое восхищение, мисс Темпл, выбором вашего костюма. Он напоминает мне гортензию или что-нибудь похожее, что растет у вас в Китае.

Она рассмеялась:

— Должно быть, вы имеете в виду лотос? Благо-

дарю вас, сэр; это лучший комплимент, который я когда-либо слышала на Западе. Обычно здешние мужчины не слишком изобретательны, когда хотят польстить женщине.

— Мне ничего об этом не известно, — заметил Эллери, — поскольку я заядлый женоненавистник.

Они оба усмехнулись. Потом наступило молчание — не было слышно ни звука, кроме осторожных шагов Хаббла, ходившего в приемной.

Джози Темпл скрестила руки на груди и взглянула прямо в глаза Эллери:

— Что у вас на уме, мистер Квин?

— Китай.

Он сказал это так неожиданно, что она слегка вздрогнула; потом откинулась на спинку кресла и поджала губы.

— Китай, мистер Квин? Почему же у вас на уме — и весьма проницательном уме, смею заметить, — именно Китай?

— Потому что он меня беспокоит, мисс Темпл. Жутко беспокоит. Никогда не думал, что меня будет так мучить простое слово из пяти букв. Этой ночью мне даже снились кошмары.

Не сводя с него пристального взгляда, она потянулась к дальнему концу стола, открыла

портсигар и предложила закурить. Пока над столом прихотливо вились струйки дыма, никто не произнес ни слова.

— Значит, вы плохо спали этой ночью? — спросила наконец мисс Темпл. — Странно, мистер Квин. Представьте, я тоже. Меня буквально преследовало лицо этого несчастного. Добрую половину ночи он улыбался мне из темноты. — Она передернула плечами. — И что дальше, мистер Квин?

— Судя по тому, что я слышал о Китае, — медленно проговорил Эллери, — его вполне можно назвать «страной наоборот».

Она выпрямила спину и нахмурилась.

— Ладно, мистер Квин, давайте отбросим эти глупые намеки. Что конкретно вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, — мягко ответил Эллери, — что жажду новых знаний, мисс Темпл, а вы — тот обильный источник, который может мою жажду утолить. Расскажите мне что-нибудь о Китае.

— Китай очень быстро модернизируется, если это вас интересует. Он уже совсем не тот,

что во времена боксерского восстания.[8] Можно сказать, что для страны это экономическая необходимость. Учитывая, как быстро Япония продвигается по пути…

— Вы прекрасно понимаете, что меня интересует совсем не это. — Эллери наклонился вперед и погасил сигарету. — Я имел в виду «наоборот» в буквальном смысле.

— А, — протянула она и замолчала. Потом вздохнула. — Мне следовало этого ожидать. Рано или поздно это должно было случиться. Да, ваши предположения совершенно справедливы. Действительно, существуют поразительно сходные вещи — может быть, лучше назвать их совпадениями, — которые в Китае происходят с точностью до наоборот. И я не виню вас в том, что вы устроили мне этот допрос, учитывая загадочную историю с перевернутыми предметами, которая вас так заинтересовала.

— Умная девочка, — пробормотал Эллери. — Значит, мы друг друга понимаем. Видите ли, мисс Темпл, я сам не знаю, куда меня это может

---

[8] ПРИМЕЧАНИЯ: 8

Восстание в Северном Китае, произошедшее в 1899–1901 гг. под руководством тайного общества «Ихэцюань» («Кулак во имя справедливости и согласия») и подавленное войсками Японии, России, США и ряда европейских стран.

привести. Возможно, все это полная ерунда, не имеющая никакого смысла. И все-таки… — Он пожал плечами. — Меня интересуют социальные, религиозные и экономические аспекты китайской жизни. С нашей, западной точки зрения все, что китайцы делают не так, как мы, — или, говоря точнее, обратно тому, что делаем мы, — можно считать происходящим как бы наоборот. Не так ли?

— Пожалуй, да.

— Например — хотя я совершенный профан в области ориенталистики, — мне доводилось слышать, что китайцы — странный обычай! — при встрече с друзьями пожимают руки не своим приятелям, а самим себе. Это правда?

— Правда. Это очень древняя традиция и куда более разумная, чем у нас. Ее главный смысл заключается в том, что, пожимая руку самому себе, вы избавляете своего друга от возможной опасности.

— Опасности? — улыбнулся Эллери. — Каким образом?

— Вы уменьшаете риск заразить его болезнью.

— О!

— Я не стану утверждать, что древние китайцы знали о бактериях, но их наблюдения… — Она

вздохнула, помолчала и вздохнула еще раз. — Послушайте, мистер Квин, все это очень интересно и тому подобное, и я совсем не против того, чтобы пополнять общие запасы ваших знаний, но все-таки эта странная погоня за какими-то «перевернутыми» призраками выглядит довольно глупо. Вы со мной согласны?

— Женщины — странные создания, — пробормотал Эллери. — Это уже давно замечено. Мне казалось, что еще вчера вы говорили на тему «задом наперед» вполне серьезно. А сегодня вы называете это глупостью. Объясните.

— Возможно, — ответила она уклончиво, — я просто передумала.

— Возможно, — отозвался Эллери, — вы совсем не передумали. Ладно. Кажется, мы зашли в тупик. Оставим в покое мою глупость, мисс Темпл, и поговорим о деле. Расскажите мне все, что вы знаете, — все, что придет вам на ум в эту минуту, — о тех китайских обычаях или традициях, которые можно назвать «перевернутыми наоборот» в том смысле, что они диаметрально противоположны обычаям и традициям, принятым на Западе.

Джози Темпл посмотрела на него долгим взглядом, словно собираясь задать какой-то вопрос, но потом передумала, закрыла глаза и вставила

сигарету в узкие губы. Ее голос стал мягким и негромким.

— Даже не знаю, с чего начать. Различий очень много, мистер Квин. Например, очень часто, возводя свои покрытые соломой дома, китайские крестьяне — особенно на юге — сначала ставят на каркас крышу, а потом строят вниз, вместо того чтобы строить вверх, как это делаете вы… то есть мы.

— Продолжайте, прошу вас.

— Наверно, вам приходилось слышать, что китайцы платят своим врачам, пока чувствуют себя здоровыми, и перестают платить, когда заболевают.

— Оригинальный подход, — заметил Эллери. — Да, я об этом слышал. Дальше?

— Когда они хотят освежиться, то пьют горячие напитки.

— Замечательно! Мне все больше нравятся ваши китайцы. Я и сам замечал, что когда поднимаешь свою внутреннюю температуру, то внешняя температура становится куда более терпимой. Продолжайте, вы отлично рассказываете.

— Вы надо мной смеетесь! — воскликнула она внезапно. Потом пожала плечами и продолжила: — Прошу прощения. Конечно, вы слышали

о китайском обычае: находясь в гостях, громко чавкать за едой и энергично рыгать по окончании трапезы?

— Полагаю, для того, чтобы показать хозяевам, как им понравилось угощение?

— Совершенно верно. Потом… Дайте-ка подумать. — Она приложила палец к своей изящной нижней губе и задумалась. — Ах да! Для того чтобы охладиться, китайцы используют нагретые полотенца — тот же принцип, что и с горячими напитками, — а для удаления пота применяют влажные салфетки. Вообще, там ужасно жарко.

— Представляю.

— Само собой, они ездят по левой стороне дороги, а не по правой, но это встречается не только на Востоке, так же поступает большинство европейцев. Что еще? Перед входной дверью они помещают невысокие стены, чтобы отгонять злых духов, поскольку их демоны могут путешествовать только по прямой. Поэтому до дверей можно добраться только в обход, и это надежно защищает их от проникновения зла.

— Как наивно!

— Как логично, — возразила она. — Я вижу, что, говоря о Востоке, вы, как и все западники, напускаете на себя покровительственный вид.

Бремя белого человека и все такое…

Эллери вспыхнул:

— Вы правы. Что-нибудь еще?

Она нахмурилась:

— О, можно привести тысячи примеров… Скажем, женщины у них носят брюки, а мужчины — робы, похожие на юбки. Китайские студенты в классе занимаются вслух…

— Господи, а это зачем?

Джози Темпл улыбнулась:

— Чтобы учитель был уверен, что они действительно учатся. Потом, все китайцы рождаются в годовалом возрасте, потому что считается, что человек появляется на свет во время зачатия, а не когда выходит из утробы. Каждый китаец празднует свой день рождения в Новый год, независимо от того, в какой месяц он родился на самом деле.

— Боже милостивый! Но это сильно упрощает дело, не правда ли?

— Не так уж сильно, — ответила она хмуро, — потому что день Нового года у них все время разный. Он не является постоянной датой и рассчитывается по довольно капризному тринадцатимесячному календарю. Кроме того, мои друзья-китайцы платят по счетам только два раза

в году — на пятую луну и на Новый год; это очень удобно для должников, поскольку на это время они прячутся кто куда, и несчастные кредиторы бегают по улицам с зажженными фонарями среди бела дня, чтобы взыскать с них плату.

Эллери уставился на нее:

— Почему с зажженными фонарями?

— Потому что, хотя наступил уже следующий день после Нового года, тот факт, что кредиторы ходят с зажженными фонарями, показывает, что никакого дня еще не наступило, а по-прежнему ночь! Как вам это нравится?

— Превосходно, — рассмеялся Эллери. — Теперь я вижу, что сам был довольно скверным образом перевернут задом наперед. Мне кажется, западный мир может с выгодой перенять многие китайские идеи. А как насчет китайского театра? Там есть что-нибудь задом наперед?

— Вряд ли. Конечно, никакой сцены у них нет — в этом они похожи на елизаветинцев. Кроме того, их музыка всегда звучит в одной гамме, причем минорной; все китайцы поют фальцетом; они покупают себе гробы и выбирают место на кладбище заранее, пока живы; парикмахеры стригут и бреют людей не в помещении, а на улице; самая страшная месть, которую может приду-

мать ваш враг, это убить себя на пороге вашего дома… — Она резко остановилась, кусая губы. Потом бросила на него быстрый и проницательный взгляд из-под своих великолепных ресниц, опустила глаза и стала смотреть на руки.

— В самом деле? — мягко отозвался Эллери. — Это очень интересно, мисс Темпл. А какой глубокий смысл заключается в этой милой церемонии, могу я вас спросить?

Она пробормотала:

— Это открывает перед всем миром тайную вину вашего врага и навеки обрекает его на публичное бесчестье.

— Но при этом вы… э… умираете?

— Да, при этом вы умираете.

— Поразительная философия. — Эллери задумчиво посмотрел на потолок. — Просто поразительная. Что-то вроде японского харакири, только в другом варианте.

— Но она не имеет ничего общего с этим… с этим убийством, мистер Квин, — тихо произнесла мисс Темпл.

— А? Да, пожалуй, нет. Конечно нет. — Эллери снял пенсне и начал протирать блестящие линзы носовым платком. — А как насчет китайских апельсинов, мисс Темпл?

— Простите?

— Китайских апельсинов. Я хочу сказать — мандаринов. Тут есть что-нибудь наоборот?

— Наоборот? Ну… В общем-то это не совсем мандарины, мистер Квин. Апельсины в Китае намного больше мандаринов, они разнообразны и гораздо более изысканны на вкус. — Она слегка вздохнула. — Боже мой! Вы не узнаете, что такое настоящий апельсин, пока не вонзите свои зубы в один из этих огромных, ароматных, сочных, сладких… — Неожиданно она произнесла нараспев какое-то слово, которое едва не заставило Эллери выронить пенсне.

— Что? — спросил он резко.

Она повторила то же слово — словно обрывок мелодии, пропетой в нос. Это звучало очень похоже на «мандарин», только с другой концовкой.

— Так называется апельсин на одном из китайских диалектов. Есть множество сортов — может быть, несколько сотен. У каждого сорта свое название, и каждое название звучит по-разному в зависимости от местности, где их выращивают. Например, сахарные апельсины…

Но Эллери уже не слушал. Он массировал свой узкий подбородок и смотрел на стену.

— Скажите, мисс Темпл, — перебил он рез-

ко, — зачем вы заходили вчера в кабинет к Дону Керку?

Некоторое время она молчала. Потом снова скрестила руки и слабо улыбнулась.

— Вы немного непоследовательны, не правда ли, мистер Квин? Уверяю вас, тут не было ничего серьезного. Просто мне пришла в голову одна мысль, и поскольку я натура импульсивная, то, переодевшись к ужину, решила сразу заглянуть к Дону… к мистеру Керку, чтобы обсудить с ним эту идею.

— Какую идею?

— Насчет китайского художника.

— Китайского художника! — Эллери вскочил на ноги. — Китайского художника! Какого китайского художника?

— Мистер Квин, да что с вами такое?

Он сжал ее хрупкое плечо.

— Какого китайского художника, мисс Темпл?

Она немного побледнела, потом тихо пояснила:

— Йенга. Моего друга. Он учится в Колумбийском университете, как и многие китайцы в этом городе. Это сын одного из самых богатых торговцев в Кантоне. У него замечательный талант к акварельной живописи. Мы искали человека,

который мог бы сделать обложку к моей книге, — той, которую издает мистер Керк, — и тут я вдруг подумала о Йенге. Поэтому я и зашла…

— Да-да, — кивнул Эллери. — Я понимаю. А где сейчас Йенг, мисс Темпл? Где его можно найти?

— На Тихом океане.

— Что?

— Когда я узнала, что Дональда… что мистера Керка нет на месте, то вернулась в этот номер и позвонила в университет. — Она вздохнула. — Но мне сказали, что недели полторы назад он неожиданно решил вернуться в Китай — должно быть, умер его отец, и в этой ситуации он, конечно, обязан был вернуться. Вы знаете, китайцы очень серьезно относятся к своим отцам. Так что сейчас, я думаю, бедный Йенг плывет через океан.

Лицо Эллери погасло.

— Ладно, — пробормотал он, — все равно в этом направлении вряд ли можно было чего-то ожидать. Хотя… — На его губах снова появилась улыбка. — Кстати, кажется, вчера вечером вы говорили, что ваш отец работает в американской дипломатической миссии?

— Работал, — спокойно поправила мисс Темпл. — Он умер в прошлом году.

— О! Простите. Но ведь вы воспитывались на

западный манер, не так ли?

— Вовсе нет. Отец соблюдал европейские обычаи только для официальных случаев, но у меня была китайская няня, и вообще, я росла в чисто китайской атмосфере. Мать умерла, когда я была ребенком, а отец всегда был так занят… — Она встала, и хотя у нее была маленькая фигурка, в эту минуту она показалась солидной и высокой. — Это все, мистер Квин?

Эллери взял свою шляпу.

— Вы и впрямь мне очень сильно помогли, мисс Темпл. Чрезвычайно вам признателен и все такое. Я узнал…

— Что я особа, замешанная в это дело, — сказала она мягким голосом, — к которой качество «наоборот» относится в гораздо большей степени, чем к любой другой?

— О, но я этого не говорил…

— Потому что я выросла в стране, где, с точки зрения Запада, все делают «задом наперед», не так ли, мистер Квин?

Эллери покраснел.

— Есть некоторые вещи, мисс Темпл, которые невольно приходят в голову, когда расследуешь…

— Надеюсь, вы понимаете, насколько все это

абсурдно?

— Боюсь, — с сожалением произнес Эллери, — что сегодня я вам уже не так нравлюсь, как вчера, мисс Темпл.

— Что весьма благоразумно, — сухо заметил чей-то голос, и, быстро обернувшись, они увидели Феликса Берна, который холодно смотрел на них из двери приемной. Позади него стоял Дональд Керк.

* * *

Дональд выглядел так, словно спал в одежде. На нем был тот же скромный твидовый пиджак, теперь ужасно мятый, его галстук сполз набок, волосы в беспорядке свисали над глазами, вокруг которых появились темные круги, а подбородок сильно нуждался в бритве. Стройная фигура Берна выглядела безукоризненно, но в повороте его головы чувствовалась какая-то неуверенность.

— Привет, — проговорил Эллери, взяв свою трость. — Я как раз ухожу.

— Похоже, это уже вошло у вас в привычку, — заметил Берн без улыбки. Он смотрел на Эллери бесстрастным ледяным взглядом.

Эллери хотел что-то ответить, но заметил выражение глаз у Дональда и передумал.

— Заткнись, Феликс, — хрипло потребовал Дональд, выступив вперед. — Я рад, что вы здесь, Квин. Я хочу извиниться перед вами за скверную выходку моего отца вчера вечером.

— Пустяки, — быстро ответил Эллери. — Не стоит об этом говорить. Возможно, я получил то, чего заслуживал.

— Справедливость восторжествовала, — хмыкнул Берн. — Во всяком случае, это характеризует вас с лучшей стороны, Квин. — Он подчеркнуто повернулся к Джози. — Я заглянул к вам, мисс Темпл, чтобы обсудить заглавие вашей книги. Похоже, у Дональда появилась нелепая мысль воспользоваться одним из названий Перл Бак и предложить что-нибудь вроде «Троюродной сестры», «Сводного брата» или «Доброго дедушки». Тогда как я…

— Тогда как я, — спокойно ответила Джози, — нахожу, что вы довольно жалкая личность, мистер Берн.

По лицу Берна начала разливаться коричневая краска.

— Послушайте, вы…

— Вы прекрасно знаете, что у мистера Керка не было подобной мысли. И уж подавно ее не могло быть у меня. С тех пор как я познакомилась с

вами, мистер Берн, вы ведете себя отвратительно и грубо. Если вы не силах держаться со мной по-джентльменски, я отказываюсь от какого бы то ни было обсуждения с вами моей книги!

— Джози! — воскликнул Керк. Он бросил взгляд на своего партнера. — Феликс, ради бога, какая муха тебя укусила?

— Нахальная дамочка, — с усмешкой пробормотал Берн.

— Никто не заставляет «Мандарин пресс» публиковать мою книгу, — продолжала Джози тем же спокойным и неторопливым тоном. — Я с удовольствием разорву с вами мой контракт, мистер Берн. Вы этого хотите?

Феликс Берн стоял совершенно неподвижно, только ровно дышала его грудная клетка и в зрачках блестел тусклый огонь. Во всей его фигуре было что-то тяжелое и упрямое; когда он заговорил, его голос напоминал застывший сироп.

— Чего я хочу… Если Дональд намерен издавать каждого, кто в умственном смысле едва вышел из пеленок и приносит нам сырые рукописи, скверно подражающие великим авторам, — что ж, я не возражаю. Именно поэтому «Мандарин пресс» так близок к… — Он остановился. Потом презрительно процедил сквозь зубы: — Я про-

смотрел ваш замечательный опус, мисс Темпл, пожертвовав ради этого своим сном. И думаю, что это полное дерьмо.

Она развернулась к нему спиной и отошла к окну. Эллери невозмутимо наблюдал за происходящим. Керк широко развел руками и опустил их снова; потом он шагнул к Берну и заявил осипшим голосом:

— Кончай это, Берн. Ты пьян. Я поговорю с тобой в офисе.

Берн облизал губы. Эллери вмешался:

— Прежде чем вы разыграете физическую часть этой драмы, джентльмены, прошу минутку внимания. Берн, почему вы опоздали вчера вечером?

Издатель не сводил глаз со своего партнера.

— Я спрашиваю вас, Берн, — повторил Эллери, — почему вы опоздали вчера вечером?

Берн медленно повернул голову, взглянул на Эллери с почти оскорбительным безразличием и рявкнул:

— Идите к черту!

В этот момент, когда Джози, дрожа от гнева, стояла у окна, Дональд бессильно сжимал кулаки, а Берн и Эллери мерили друг друга взглядами, откуда-то из внутренних покоев номера донесся

надтреснутый старческий голос:

— Помогите! Меня ограбили! На помощь!

* * *

Эллери поспешил мимо опешившего Хаббла через столовую и чьи-то спальни в рабочий кабинет доктора Керка. Джози и Дональд не отставали от него. Берн куда-то исчез.

Доктор Керк стоял посреди своей приведенной в беспорядок комнаты и раскачивался из стороны в сторону, схватившись одной рукой за спинку инвалидной коляски, а другой вцепившись в свои жесткие белые волосы. Увидев Эллери, он завопил:

— О! Это вы, Квин?! Меня ограбили!

— Что украли? — поинтересовался тот, быстро оглядываясь по сторонам.

— Отец! — воскликнул Дональд, подскочив к старику. — Сядь, так ты себя угробишь. Что случилось? Что у тебя украли? Кто тебя обворовал?

— Мои книги! — заревел старик с пунцовым лицом. — Мои книги! О, если я найду этого гнусного вора… — Он внезапно застонал и опустился в кресло.

Мисс Диверси осторожно заглянула в кабинет из коридора с бледным и испуганным лицом.

Бросив быстрый взгляд на своего подопечного, она кинулась к нему на помощь. Он оттолкнул ее с такой силой, что она зашаталась и чуть не упала.

— Убирайся, гарпия! — крикнул старик. — Я сыт по горло вами, вашими упражнениями и вашим драгоценным доктором Анджини. Черт побери всех сиделок и докторов! Квин, Квин, ну что же вы! Не стойте здесь разинув рот, точно какой-нибудь туземец! Найдите негодяя, который украл мои книги.

— Я вовсе не разинул рот, — отозвался Эллери с кривой улыбкой. — Я просто жду, когда вы придете в себя и успокоитесь, мой любезный доктор. Если вы начнете вести себя разумно, возможно, мы сможем услышать от вас что-нибудь более определенное. Насколько я понял, у вас пропали какие-то книги. Почему вы думаете, что их украли?

— Детектив, — презрительно фыркнул старик. — Болван! Видите эту полку? — Он указал длинным кривым пальцем на одну из встроенных в стену полок, которая была наполовину пуста.

— Да, я ее заметил и путем сложных умозаключений пришел к выводу, что на этом месте

хранились ваши драгоценные свитки. Может быть, вы все-таки будете выражаться более вразумительно, доктор, и ответите на мой вопрос?

— Почему я думаю, что их украли? — простонал доктор Керк, раскачивая головой из стороны в сторону, словно питон. — Боже, спаси меня от идиотов. Они пропали, разве вы не видите?

— Это не обязательно одно и то же, доктор. Когда вы обнаружили пропажу? Когда вы видели их в последний раз?

— Час назад. Сразу после завтрака. Потом я отправился в спальню, чтобы переодеться, и там эта… эта эскулапка, — он сверкнул взглядом на мисс Диверси, которая с бледным и подавленным видом стояла у дальней стены, — начала меня дергать и тормошить, треща без умолку, пока минуту назад я не вернулся сюда и не увидел, что их нет.

— А где были вы, мисс Диверси? — резко спросил Эллери.

В голосе сиделки звучали слезы:

— Он… он выгнал меня, сэр. Я пошла в офис… просто поговорить хоть с кем-нибудь, у кого есть нормальные человеческие чувства…

— Ясно. Доктор, вы не слышали какого-нибудь шума в этой комнате, когда одевались в

спальне?

— Я? Слышал? Ничего!

— Он немного глуховат, — пробормотал Дональд Керк. — И не любит, когда ему об этом напоминают.

— Перестань шептаться, Дональд! Итак, мистер Квин?

Эллери пожал плечами:

— Я никогда не говорил, что обладаю ясновидением, доктор Керк. Какие книги у вас взяли?

— Мои комментарии к Пятикнижию!

— Ваши что?

— Невежда, — пробурчал старый джентльмен. — Иудейские книги, идиот, иудейские книги! Я посвятил последние пять лет жизни исследованием раввинских текстов, чтобы проверить одну теорию, которая утверждает, что…

— Иудейские книги, — медленно повторил Эллери. — Вы имеете в виду книги, написанные на иврите?

— Ну разумеется!

— И больше ничего?

— Нет. Слава богу, эти вандалы не взяли мои китайские манускрипты. Я совершенно не представляю…

— А, — отметил Эллери. — Китайские ману-

скрипты? Да, конечно, вы же специалист по идеографическому письму. Теперь я вспомнил. Да, да, ваша филологическая слава дошла и до ушей простых смертных, доктор. Так-так… Значит, они пропали?

Эллери подошел к полкам и оглядел их. Но его глаза ничего не замечали. Они смотрели в глубь себя, и в них мерцал какой-то далекий свет.

— Не понимаю, зачем кому-то понадобилось украсть эти книги, — пробормотал Дональд, устало покачав головой. — Одна нелепость за другой! Вам это о чем-нибудь говорит, Квин?

Эллери медленно обернулся:

— Это говорит мне о многих вещах, старина, но пока довольно туманных. Кстати, доктор, ваши книги были очень ценными?

— Нисколько! Они не нужны никому, кроме ученых.

— Очень интересно… Видите ли, Керк, у иудейских книг есть одно замечательное свойство.

Доктор Керк невольно бросил на него заинтересованный взгляд. Джози Темпл спокойно смотрела на губы Эллери, но в то же время в ее лице читалось напряженное ожидание, словно она боялась тех слов, которые эти губы могли произнести.

— Замечательное? — в замешательстве спросил Керк.

— Вот именно. Дело в том, что иврит — не совсем обычный язык. Как в рукописном, так и в печатном варианте. На нем пишут наоборот.

— Наоборот? — выдохнула мисс Диверси. — О, сэр, это…

— На нем пишут, — повторил Эллери, — наоборот. И читают наоборот. И печатают тоже. То есть прямо противоположно тому, что происходит в романских языках. Это верно, доктор?

— Разумеется, верно! — фыркнул старый джентльмен. — Только почему вы говорите лишь о романских языках? И почему, ради семи тельцов Васана,[9] вас это так удивляет?

— Дело в том, — пояснил Эллери извиняющимся тоном, — что преступление было совершено тоже «наоборот».

— О небо, защити нас от невежественных мудрецов! — простонал доктор Керк. — И что из этого, черт возьми? Я хочу, чтобы мне вернули мои книги. К чертям ваши «наоборот»! — Он помолчал, потом в его впалых глазах неожиданно блеснул злобный огонек. — Послушайте, идиот,

---

[9] ПРИМЕЧАНИЯ: 9

Васан — страна, которая упоминается в Ветхом Завете как земля плодородия и изобилия.

вы что же, хотите обвинить в этом абсурдном убийстве меня?

— Я никого не обвиняю, — возразил Эллери. — Но вы не можете отрицать, что в данных обстоятельствах это выглядит довольно странно.

— Не более странно, чем ваша шляпа, — проворчал доктор Керк. — Верните мне мои книги!

Эллери вздохнул и решительно взялся за трость.

— Прошу меня простить, доктор, но в настоящий момент я не вижу никакой возможности найти ваши фолианты. Вы можете позвонить моему отцу, инспектору Квину, в отделение полиции, и сообщить ему об этом происшествии… Мисс Темпл.

Она вздрогнула:

— Да, мистер Квин?

— Не могли бы вы уделить мне одну минуту?

Все следили за тем, как он вывел маленькую женщину в коридор и плотно закрыл за собой дверь.

— Почему вы не упомянули об этом раньше, о цветок лотоса?

— Не упомянула о чем, мистер Квин?

— О том, что я только что вспомнил сам. Почему вы не упомянули тот факт, что одним из самых

ярких примеров «противоположности» во всей китайской культуре является не что иное, как китайский язык?

— Язык? А! — Она слабо улыбнулась. — Вы очень подозрительны, мистер Квин. Я просто об этом не подумала. Очевидно, вы хотите сказать, что, если не считать иврита, китайский — возможно, единственный язык, в котором слова пишутся наоборот, а кроме того, располагаются сверху вниз, вместо того чтобы писаться слева направо. Но что из этого следует?

— Ничего, кроме одного, — пробормотал Эллери. — Вы об этом не упомянули.

Она топнула ногой:

— О, вы ничем не лучше других! Или в этом воздухе есть что-то такое, что делает людей глупцами? Похоже, у всех, кроме Дональда Керка, развилось явное умопомешательство; и даже он… Ну и что с того, что я об этом не упомянула? Какое это может иметь значение? Вы же видели, что вор не украл китайских книг доктора Керка!

— Верно, — нахмурил брови Эллери, — и меня это беспокоит. Почему? Неувязка с убийственными последствиями. Или просто я делаю из слишком простой мухи слишком сложного слона? В любом случае над этим стоит подумать…

Китай, Китай, Китай! Я начинаю жалеть, что у меня под рукой нет Чарли Чана,[10] чтобы прояснить все эти экзотические восточные тайны. Я в полном замешательстве. Все выглядит бессмысленным, абсолютно все. Это самое загадочное преступление в мире.

— Мне очень жаль, — проговорила Джози, опустив глаза, — что я ничем не могу вам помочь. Правда жаль.

— Хм, — протянул Эллери. — Что ж, спасибо, мисс Темпл. — Он сжал ее руку и похлопал по ней ладонью. — Все могло быть гораздо хуже. И, возможно, еще будет. Кто знает, какие сюрпризы «наоборот» ждут нас завтра!

---

[10] ПРИМЕЧАНИЯ: 10

Чан, Чарли — вымышленный детектив, американец китайского происхождения, созданный пером американского романиста и драматурга Эрла Дерр Биггерса.

Глава 9
ИСПОРЧЕННАЯ «ФУЧЖОУ»

На следующее утро Джуна, незаменимый слуга Квина, просунул в его спальню свое юное остроносое лицо с оливковым оттенком кожи.

— Как, мистер Эллери! — воскликнул он. — Я и не знал, что вы уже встали!

Его изумление было основано на богатом опыте, который в корне подрывал сегодняшний случай. Мистер Эллери Квин — который совсем не трудился и не прял, если не считать чисто умственной работы, — был не самым большим любителем ранних подъемов на земле, и обычно его худощавая фигура, распростертая в невинном сне поперек нижней части двухъярусной кровати, заставляла инспектора каждое утро взрываться, подобно терпеливому вулкану, глухими раскатами уговоров и увещеваний. Но сегодня в эту неслыханную рань — было десять часов утра — Эллери уже сидел на кровати в своей эпонжевой[11] пижаме, весь взъерошенный после сна, и, водрузив на нос пенсне, читал какую-то

---

[11] ПРИМЕЧАНИЯ: 11
Эпонж — вид китайского шёлка.

толстую книгу.

— Убери эту дурацкую ухмылку со своего лица, Джуна, — рассеянно велел Эллери, не отрывая глаз от страницы. — Разве человек не может встать пораньше?

Джуна нахмурился:

— Что вы читаете?

— Объемистый труд о китайских обычаях, неуч. Впрочем, не могу сказать, что она мне очень помогает. — Он отбросил книгу в сторону, зевнул и со вздохом наслаждения откинулся на подушки. — Принеси-ка мне гигантский тост и ведро кофе, Джуна.

— Вы бы лучше встали, — мрачно посоветовал тот.

— С какой стати мне вставать, мой юный друг? — пробормотал Эллери голосом, слегка приглушенным подушкой.

— С такой, что вас кое-кто хочет видеть.

Эллери резко выпрямился, и пенсне повисло у него за ухом.

— Сколько можно объяснять… Почему ты сразу не сказал об этом, варвар? Кто это? Давно он ждет?

Он вскочил с постели и схватил свой халат.

— Это мистер Макгауэн, и как вы догадались,

что это «он»? — со сдержанным восхищением спросил Джуна, привалившись к косяку двери.

— Макгауэн? Странно, — пробормотал Эллери. — А, ты об этом… Все очень просто, мой несравненный Джуна. На свете существует всего два пола — если не считать некоторых особых отклонений от природы. Так что, по самым приблизительным подсчетам, шансы были пятьдесят на пятьдесят.

— Вы уж скажете, — возразил Джуна с недоверчивой улыбкой и исчез. Потом воплотился снова, опять просунул в комнату свою мальчишескую голову, сказал: «Кофе стоит на столе» — и исчез уже окончательно.

Выйдя в гостиную, Эллери увидел высокого Гленна Макгауэна, который беспокойно ходил взад-вперед около огня, трещавшего в камине.

— А, Квин, — резко остановился он. — Простите за вторжение. Я понятия не имел, что вытащу вас из постели.

Эллери беспечно покачал крупной головой:

— Пустяки. Вы оказали мне услугу, а о времени моего подъема я лучше умолчу. Не хотите составить мне компанию за завтраком, Макгауэн?

— Спасибо, я уже перекусил. Не хочу вас задерживать. Я лучше подожду.

— Полагаю, — усмехнулся Эллери, — вы знакомы с мыслью, которую епископ Хебер определил как «восьмое блаженство Свифта», хотя на самом деле она принадлежит Попу?

— Простите? — вытаращил глаза Макгауэн.

— Я сказал — Попу. Имеется в виду поэт Александр Поп. В своем письме Джону Гэю он написал: «Блажен тот, кто ничего не ждет, ибо он никогда не разочаруется». В общем, сегодня я не в том настроении, чтобы разбрасываться чужими дарами… С другой стороны, мне только сейчас стало ясно, что я умираю с голоду. Мы можем поговорить, пока я буду заливать горючее.

Эллери сел и взял апельсиновый сок, оставив Макгауэна стоять с полуоткрытым ртом. Он заметил, что в щели двери, ведущей на кухню, появился блестящий молодой глаз и с большим любопытством уставился на его посетителя.

— Вы уверены, что не хотите ко мне присоединиться?

— Вполне. — Макгауэн заколебался. — Вы… вы всегда так разговариваете перед завтраком, Квин?

Эллери улыбнулся и выпил сок.

— Прошу прощения. Дурная привычка.

Макгауэн снова начал расхаживать по комнате.

Потом резко остановился и заявил:

— Я сожалею о том, что произошло вчера вечером, Квин. Доктор Керк непредсказуем. Уверяю вас, что Марселла и я… и все мы… чувствуем себя пристыженными его вчерашней выходкой. Разумеется, у старости есть свои права. Но этот человек — тиран. Кроме того, он не понимает необходимости провести официальное расследование…

— Все в порядке, — весело отозвался Квин, пережевывая тост. Больше он ничего не сказал, видимо предоставив вести разговор своему собеседнику.

— Ладно. — Макгауэн неожиданно покачал головой и сел в кресло у камина. — Наверно, вы спрашиваете себя, зачем я к вам явился?

Эллери поднял чашку:

— В конце концов, я тоже человек. Не могу сказать, что я ждал вашего визита.

Макгауэн невесело рассмеялся:

— Прежде всего я хотел лично принести вам свои извинения. Я считаю себя членом семьи Керк, поскольку мы с Марселлой… Впрочем, дело не в этом, Квин.

Эллери со вздохом откинулся в кресле и вытер губы салфеткой. Он предложил Макгауэну сига-

рету, от которой тот отказался, и закурил сам.

— Ну вот, так мир выглядит гораздо лучше, — констатировал Квин. — Итак, Макгауэн, я вас слушаю.

Некоторое время они молча холодно смотрели друг на друга. Потом Макгауэн начал рыться в своем внутреннем кармане.

— Никак не могу раскусить вас, Квин. У меня такое чувство, будто вы знаете гораздо больше, чем хотите показать…

— Я как кузнечик, — ответил Квин. — У меня защитная окраска. Это свойство необходимо в моей профессии, Макгауэн. — Он скосил глаза на кончик своей сигареты. — Вероятно, вы имеете в виду убийство?

— Да.

— Я ничего не знаю. Если уж на то пошло, — с грустью добавил Эллери, — я знаю даже меньше, чем ничего. Однако мне интересно, что знаете вы. — Макгауэн взглянул на него. — Нет, я не хочу перевести разговор на вас. Но вам наверняка что-то известно, и вы поступите очень мудро, разделив свое знание со мной. Во мне и так уже напихано столько секретов, что, если привязать их кому-нибудь на шею, они утянут беднягу на дно. Кроме того, я лицо неофициальное — вы

сами понимаете, как удобно это положение. Я могу говорить только то, что хочу, и держать остальное при себе.

Макгауэн нервно потер подбородок.

— Не понимаю, о чем вы. По-вашему, я что-то скрываю? Смею заверить…

Эллери смерил его холодным взглядом. Потом снова сунул в рот сигарету и с задумчивым видом затянулся.

— Боже, боже. Кажется, я потерял свою хватку. Что ж, Макгауэн, говорите, что у вас на уме — или, скорее, что у вас в руке?

Макгауэн раскрыл большой кулак, и Эллери увидел на его широкой ладони маленький кожаный предмет, похожий на футляр для визитных карточек.

— Вот, — сказал он.

— Я вижу какой-то футляр, из кожи или кожзаменителя. К сожалению, у меня нет рентгеновских лучей. Дайте взглянуть поближе.

Но Макгауэн, не выпуская из рук футляра и не поднимая от него глаз, ответил:

— Я только что это купил — то, что лежит в футляре. Нечто ценное. Разумеется, это только совпадение, но я чувствую, что у меня могут быть проблемы и даже неприятности, хотя, уверяю

вас, я совершенно не виноват ни в чем, что… — Эллери смотрел на него немигающим взглядом. Макгауэн вел себя очень нервно. — Мне совершенно нечего скрывать, но, если я умолчу об этом обстоятельстве, боюсь, кто-нибудь из полиции может о нем узнать. А это будет неловко и очень неприятно. Поэтому…

— Думаю, осмотра все-таки не избежать, — заметил Эллери. — О чем вы говорите, Макгауэн?

Макгауэн протянул ему кожаный футляр.

Эллери с любопытством повертел его в руках, всем своим видом демонстрируя сдержанность и отстраненность, которые воспитали в нем многие годы, проведенные за изучением самых странных предметов. Футляр был из чистого сафьяна, черного цвета, и застегивался, похоже, на простой замок с пружинной защелкой. Он нажал на маленькую кнопку, и крышка откинулась. Внутри футляра на атласной подкладке лежал прямоугольный конверт из плотного молочно-белого пергамина. А в конверте завернутая в прозрачный чехольчик лежала почтовая марка.

Макгауэн молча достал никелированные щипцы и протянул их Эллери. Эллери открыл конверт и с помощью щипцов довольно неуклюже извлек из него чехольчик. Марка была отчетливо вид-

на сквозь целлофан. Она была очень крупной, больше в ширину, чем в высоту, и аккуратно перфорирована по всем четырем краям. Кайма имела охряно-желтый цвет, а нижняя часть прямоугольника изображала китайскую цветочную гирлянду. В двух нижних углах указывалось достоинство марки — 1 доллар. В верхней части рамки толстыми, охряного оттенка прописными буквами стояло слово «Фучжоу».

Но внутри рамки, там, где, даже на искушенный взгляд Эллери, должно было находиться какое-то изображение или картинка другого цвета, не было ничего. Просто чистый белый квадрат бумаги.

— Забавно, правда? — пробормотал Эллери. — Я не филателист, но мне ни разу не приходилось видеть или даже слышать о марке, где в самом центре находится пустое место. Что это значит, Макгауэн?

— Поднесите ее к свету, — спокойно посоветовал Макгауэн.

Эллери бросил на него быстрый взгляд и повиновался. Он сразу увидел на тонкой бумаге очаровательную маленькую сцену, набросанную в черно-белых тонах. На переднем плане находилось длинное церемониальное каноэ — или что-то в этом роде, — в котором сидело множество

китайцев; а на заднем плане виднелась гавань — судя по надписи наверху, это был порт Фучжоу.

— Поразительно, — отметил он. — Просто поразительно. — Он бросил на Макгауэна еще один быстрый взгляд и заметил, что в глазах его что-то блеснуло.

Макгауэн добавил тем же спокойным голосом:

— Переверните марку наоборот.

Эллери так и поступил. В следующий момент, хотя это было невероятно, он увидел ту же самую сцену с гаванью, ярко напечатанную на обратной стороне марки. Сверху она была измазана высохшим и потрескавшимся клеем.

— Наоборот? — спросил он медленно. — Конечно. Наоборот.

Макгауэн взял щипцы с зажатым в них чехольчиком и убрал марку обратно в конверт.

— Удивительно, не правда ли? — поинтересовался он приглушенным голосом. — Насколько я знаю, это единственная ошибка такого рода во всей истории филателии. О подобных раритетах мечтают все коллекционеры.

— Наоборот? — снова повторил Эллери, словно задавал сам себе вопрос, ответ на который выглядел слишком простым, чтобы быть правдой. Он откинулся в кресле и затянулся сигаретой, полу-

закрыв глаза. — Так-так! Весьма плодотворный визит, Макгауэн. Каким образом могла произойти такая ошибка?

Макгауэн захлопнул крышку и с небрежным видом сунул футляр назад в карман.

— Как видите, это марка двухцветная. Мы называем такие «биколор». Например, охра и черный цвет. Это означает, что лист с марками — вы, конечно, знаете, что их выпускают листами, а не печатают по отдельности, — должен был пройти через печатный цвет дважды.

Эллери кивнул:

— Один раз для охры, и один раз для черного. Понятно.

— Отсюда уже нетрудно заключить, что произошло в нашем случае. После того как напечатали и высушили охряную половину, что-то пошло не так. Вместо того чтобы положить лист лицевой стороной кверху, невнимательный печатник пустил его лицом вниз. Вследствие этого черное изображение появилось на задней, а не на лицевой части марки.

— Однако существует и государственный контроль, черт возьми! Наши почтовые власти весьма строги, не правда ли? Я все-таки не понимаю, как такую марку могли пустить в обращение. Я

всегда считал, что в подобных случаях все испорченные листы выбраковывают и уничтожают.

— Обычно так и делают, но иногда один или два листа все же выходят в оборот — либо по ошибке служащих, либо потому, что кто-то из официальных лиц нарочно крадет их для того, чтобы распространять среди филателистов. Например, американские двадцатичетырехцентовые почтовые марки с перевернутым изображением просто ускользнули от внимания инспекторов. Что касается этой «Фучжоу»… — Макгауэн покачал головой. — Я не могу вам сказать, что произошло на самом деле. Но марка существует.

— Вижу, — откликнулся Эллери, и некоторое время молчание в комнате нарушала только оживленная деятельность Джуны, который мыл на кухне посуду, оставшуюся от завтрака. — Значит, вы пришли ко мне для того, чтобы сообщить о вашей покупке, Макгауэн? Испугались принципа «наоборот»?

— Я ничего не боюсь, — сухо ответил Макгауэн, и Эллери, посмотрев на его холодные глаза и крепкий подбородок, готов был в это поверить. — С другой стороны, я хитрый шотландец, Квин, и совсем не хочу, чтобы меня поймали со спущенными штанами в какой-нибудь… — Он

не закончил. Потом заговорил более беспечным тоном: — Эта марка «Фучжоу» — то, что мы называем «местной» серией. Город Фучжоу входил в число «открытых портов»,[12] но при этом выпускал почтовые марки для собственных нужд. Я специализируюсь по «местным» сериям и собираю только их. «Местные» могут быть в любой стране — Соединенных Штатах, Швеции, Швейцарии…

— Скажите, — пробормотал Эллери, — а об этой марке было что-нибудь слышно раньше? Или вы наткнулись на вещь, о которой даже не подозревали?

— Нет-нет. Среди экспертов уже много лет знают об ошибке печатника, которая произошла при выпуске этих марок, однако все считали, что испорченные листы были целиком уничтожены властями Фучжоу. Это первый экземпляр, который я увидел.

— А как вы на него вышли, если не секрет?

— Это довольно необычная история, — пояснил Макгауэн, нахмурив брови. — Вы когда-нибудь

---

[12] ПРИМЕЧАНИЯ: 12

Согласно Нанкинскому договору, подписанному в 1842 г. после поражения Китая в англо-китайской войне, для английской торговли были открыты пять китайских портов: Гуанчжоу, Амой, Фучжоу, Нинбо и Шанхай.

слышали о человеке по фамилии Варджян?

— Варджян. Армянин? Нет, не слышал.

— Да, он армянин; среди этих ребят много армян. Так вот, Варджян — один из самых известных торговцев марками в Нью-Йорке. Сегодня утром, очень рано, он позвонил мне домой и попросил немедленно прийти к нему в офис, заметив, что хочет показать мне нечто такое, что меня наверняка заинтересует. А у меня на этой неделе, как назло, не было ни одной покупки — я ничего не мог найти; да еще это убийство, от которого остался такой тяжелый осадок… В общем, я решил, что могу позволить себе небольшой кутеж. — Макгауэн пожал плечами. — Я знал, что Варджян не стал бы меня приглашать, если бы у него не было действительно качественной вещи. Он всегда присматривает для меня что-нибудь из «местных»; не так много коллекционеров собирают такие серии, и они всегда довольно редки. — Он откинулся назад и скрестил руки на широкой груди.

— Полагаю, что-то подобное случалось и раньше?

— О да. Так вот, Варджян показал мне «Фучжоу». И сказал, что, возможно, эта марка входила в целый лист, ускользнувший от внимания

контролеров, или ее тайком вынес человек, понимавший, какую ценность будет иметь такой необычный раритет. Многие годы о ней ничего не слышали — хотя марка, несомненно, старая, ее выпустили еще во времена «открытых портов» в провинции Фукиен, — и тут вдруг она выплыла наверх. Варджян выставил ее на продажу.

— Продолжайте, — попросил Эллери. — Если не считать совпадения между ошибкой, допущенной при печати этой марки, и принципом «наоборот» — хотя, надо признать, что это выглядит достаточно настораживающе, — я не вижу в этом ничего странного… пока.

— В самом деле? — Макгауэн потер свой нос. — Ну, не знаю. Понимаете…

— Она настоящая? Никаких фальшивок или чего-то в этом роде? Мне кажется, не так уж трудно подделать такую марку.

— Господи, конечно нет, — с улыбкой ответил Макгауэн. — В ее подлинности нет сомнений. У исходных форм, с которых печатаются марки, всегда есть масса незначительных, но характерных признаков. Я все проверил и убедился, что на марке «Фучжоу» присутствуют все необходимые признаки, которые практически нельзя подделать. Я не говорю уже о том, что ее аутентичность

засвидетельствовал сам Варджян, а он эксперт. Бумага, рисунок, точки перфорации… нет, все в порядке, уверяю вас. Это не подделка.

— В таком случае, — спросил Эллери, — что вас беспокоит?

— Прежний хозяин марки.

— Хозяин?

Макгауэн встал и подошел к камину.

— Тут есть нечто странное. Само собой, я захотел узнать, где Варджян нашел эту марку. Часто имя владельца, продающего редкий экземпляр, свидетельствуете его подлинности не меньше, чем подробная экспертиза. И представьте — Варджян мне не ответил!

— Вот как… — задумчиво протянул Эллери.

— Понимаете? Он ни словом не обмолвился насчет того, откуда у него марка. Отговорился тем, что не может этого сказать.

— У вас сложилась впечатление, что он сам не знает, кто владелец, или знает, но не хочет говорить?

— Конечно знает. У меня такое чувство, словно он работает на кого-то в качестве агента. И мне это не нравится.

— Почему?

Макгауэн обернулся, и его черная фигура резко

проступила на фоне огня.

— Сам не знаю почему, — медленно проговорил он, — но мне это не нравится. Тут что-то нечисто…

— Вы думаете, — спросил Эллери, — что ее кто-то украл? Это вас беспокоит?

— Нет-нет. На Варджяна можно положиться, а он сказал мне, что марка не украдена, — я прямо спросил его об этом. У него был даже оскорбленный вид. Я уверен, что он говорил правду. Варджян спросил, зачем мне надо знать происхождение марки — раньше, сказал он, я не был так «разборчив». Это его собственное слово! Само это замечание в его устах звучало довольно странно — словно он нарочно хотел меня задеть. Но потом я подумал, что, скорее всего, его просто возмутило, когда я подверг сомнению его репутацию… Он позвонил мне первому, потому что, как он объяснил, я самый большой коллекционер «местных» серий, каких он знает.

— Хотел бы я сказать, что вижу в этом какой-то смысл, — хмуро пробормотал Эллери. Потом с улыбкой взглянул на Макгауэна. — Хотел бы, но не могу.

— Возможно, я слишком мнителен, — согласился Макгауэн, пожав плечами. — Мне хочется

перестраховаться. Но вы должны понять мое положение. Тут есть что-то… вроде того чертового убийства, где все было перевернуто «наоборот»… — Он сдвинул брови. — В этом деле была и еще одна странность.

— Похоже, сегодня вам выпал трудный день! — рассмеялся Эллери. — Или вы всегда так осторожны? Что случилось?

— Прежде всего вы должны понять характер Варджяна. Я уже сказал, что на него можно положиться, но, что ни говори, он все-таки армянин и торгашество у него в крови. Покупка у Варджяна — это особый разговор. Он всегда заламывает немыслимую цену, и с ним надо держать ухо востро. Не было случая, когда я не выторговал бы у него значительную сумму. Но на этот раз он назвал свою цену и наотрез отказался сбавить хоть цент. И мне пришлось заплатить столько, сколько он потребовал.

— Что ж, — заметил Эллери, — тогда все понятно. Если то, что вы говорите, правда, можно не сомневаться, что он действовал в интересах какого-то человека, который заранее назначил для своей марки фиксированную цену: плюс, надо полагать, некоторые комиссионные.

— Вы действительно так думаете?

— Я в этом уверен.

— Ладно, — вздохнул Макгауэн, — возможно, я стал слишком нервным для этого бизнеса. Но мне хотелось кому-нибудь об этом рассказать. Теперь я вне подозрений?

— Для меня — да, — искренне ответил Эллери. Он встал и погасил сигарету в пепельнице. — Кстати, вы не могли бы представить меня этому Варджяну, Макгауэн? Возможно, он мне пригодится.

— Значит, вы все-таки думаете…

Эллери пожал плечами:

— В вашем рассказе мне не понравилось только одно — сам факт совпадения. А я терпеть не могу совпадений.

* * *

Заведение Авдо Варджяна, как выяснил Эллери, находилось на Восточной Сорок пятой улице в маленьком магазинчике с пыльными окнами, заваленными альбомами для почтовых марок. Войдя внутрь, они попали в узкое помещение с обшарпанным прилавком, накрытым толстым стеклом, под которым лежали листы с оцененными марками. В глубине стоял старомодный железный сейф.

Варджян оказался высоким и худым мужчиной с острыми чертами смуглого лица и красивыми черными глазами, блестевшими из-под длинных ресниц. В его жестах было что-то стремительное и властное, а пальцы казались тонкими и ловкими, как у художника. Когда они вошли, он стоял за прилавком и занимался с каким-то старым потрепанным мужчиной, который то и дело сверялся со своим блокнотом и называл марки по номерам. Бросив острый взгляд на Макгауэна, он произнес:

— А, мистер Макгауэн, что-нибудь не так? — потом, искоса глянув на Эллери, снова повернулся к посетителю.

— О нет, — натянуто ответил Макгауэн. — Просто решил зайти, чтобы представить моего друга. Мы подождем, пока вы не освободитесь.

— Хорошо, — согласился Варджян и продолжил разговаривать с потрепанным мужчиной.

Эллери внимательно следил за тем, как Варджян общался с покупателем. Щипцы он держал в руках так, словно они были живыми. Было одно удовольствие смотреть, как искусно он оттягивал прозрачную ленту, крепившую в альбоме марки, все его движения были легки и уверенны. В нем чувствовалось что-то характерное, словно

его вместе со всей обстановкой перенесли сюда из какого-нибудь романа Диккенса. Магазин, продавец, почтовые марки источали тот заплесневелый запах, который с ностальгическим вздохом представляют себе читатели «Лавки древностей». Очарованный Эллери с интересом наблюдал за тем, как маленькие разноцветные квадратики ныряют в кармашки альбомов.

Макгауэн слонялся по магазину и невидящим взглядом смотрел на картонные листы с дешевыми марками.

Потом потрепанный мужчина вытащил четыре двадцатидолларовых банкнота из своего бумажника — больше похожего на дорожную сумку, в которой странники носят хлеб и сыр, — получил сдачу из нескольких мелких купюр и серебра и вышел из магазина с купленными марками в кармане и отсутствующей улыбкой на губах.

— Да, мистер Макгауэн? — мягко спросил Варджян, когда затих звон колокольчика, висевшего по старой моде у двери.

— О! — Макгауэн слегка побледнел. — Познакомьтесь с мистером Эллери Квином.

Варджян устремил на Эллери черные блестящие глаза.

— Мистер Эллери Квин? Вот как. Вы коллекци-

онер, мистер Квин?

— Я собираю, но только не марки, — беспечно ответил Эллери.

— Да? Может быть, монеты?

— Нет, не монеты. Я собираю странные факты, мистер Варджян.

Блеск черных глаз прикрыли полуопустившиеся веки.

— Странные факты? — Варджян улыбнулся. — Боюсь, я не совсем вас понимаю, мистер Квин.

— Что ж, — весело откликнулся Эллери, — прежде всего надо отличать одни странные факты от других. Сегодня утром я ищу очень странные факты. Готов поспорить, что они станут ценнейшими экземплярами в моей коллекции.

Варджян показал ослепительно белые зубы.

— Ваш друг, мистер Макгауэн, шутит надо мной.

Макгауэн вспыхнул:

— Я…

— Я никогда еще не был так серьезен, — резко ответил Эллери, перегнувшись через прилавок и посмотрев прямо в блестящие глаза продавца. — Скажите, Варджян, в чьих интересах вы действовали сегодня утром, продав мистеру Макгауэну марку «Фучжоу»?

Варджян некоторое время молча выдерживал его взгляд, потом расслабился и вздохнул.

— Никогда бы не подумал, — произнес он с упреком, — что вы способны на такой поступок, мистер Макгауэн. Кажется, мы оба согласились с тем, что это конфиденциальная покупка.

— Вы должны рассказать мистеру Квину, — возразил Макгауэн резким тоном, все еще с краской на щеках.

— Почему, — мягко осведомился армянин, — я должен что-то рассказывать вашему мистеру Квину?

— Потому, — небрежно ответил Эллери, — что я расследую убийство, месье Варджян, и у меня есть основания полагать, что марка «Фучжоу» связана с этим делом.

У продавца перехватило дыхание, и в его глазах вспыхнула тревога.

— Убийство, — выдохнул он. — Конечно, вы… Какое убийство?

— Не тяните время, — посоветовал Эллери. — Вы что, не читаете газет? Убийство неопознанного мужчины на двадцать втором этаже отеля «Чэнселор».

— «Чэнселор». — Варджян покусал свои темные губы. — Но я ничего не знал… Я не читаю газет. —

Нащупав стоявший за прилавком стул, он сел и пробормотал: — Да, в этом деле я выступил как посредник. Меня просили не разглашать личности человека, который… на которого я работал.

Макгауэн поставил кулаки на прилавок и крикнул:

— Варджян, черт возьми, кто это?

— Тише, тише, — вмешался Эллери. — Не надо прибегать к насилию, Макгауэн. Я уверен, мистер Варджян и так готов нам все рассказать. Не правда ли?

— Я вам скажу, — хмуро ответил армянин. — Я могу объяснить, почему позвонил сначала вам, Макгауэн. Убийство… — Он передернул плечами. — Мой… этот человек сказал мне, — армянин облизал губы, — чтобы я предложил эту марку именно вам.

У Макгауэна отвисла челюсть.

— Вы хотите сказать, — прошипел он, — что этим утром продали мне «Фучжоу» по особому указанию? Вы должны были продать ее только мне?

— Да.

— Кто это был, Варджян? — мягко спросил Эллери.

— Я… — Варджян остановился. Его черные глаза

смотрели на них умоляющим взглядом.

— Говори, черт тебя подери! — взревел Макгауэн, бросившись вперед. Он схватил огромной рукой армянина за пиджак и встряхнул так, что голова у него дернулась, а смуглое лицо стало зеленоватым.

— Прекратите, Макгауэн, — резко потребовал Эллери. — Довольно, говорю вам!

Макгауэн, тяжело дыша, неохотно ослабил хватку. Варджян глубоко вздохнул и перевел испуганный взгляд с одного на другого.

— Ну? — рявкнул Макгауэн.

— Видите ли, — промямлил армянин, страдальчески вращая глазами, — это один из самых крупных в мире коллекционеров, специализирующихся по…

— По Китаю, — неожиданно закончил за него Эллери. — Ну конечно. «Фучжоу», Китай.

— Да. По Китаю. Видите ли… он…

— Кто это? — заорал Макгауэн страшным голосом.

Варджян развел руками, всем своим видом показывая, что не может больше сопротивляться.

— Мне очень жаль, но я… Это был ваш друг, мистер Дональд Керк.

Глава 10
СТРАННЫЙ ПОХИТИТЕЛЬ

У Макгауэна был совершенно убитый вид. Всю обратную дорогу от Варджяна к отелю «Чэнселор» он сидел, бледный и безмолвный, откинувшись на сиденье такси.

Эллери тоже молчал, но его сдвинутые брови говорили о глубоком размышлении.

— Керк, — пробормотал он наконец. — Хм. Некоторые вещи плохо поддаются объяснению. Обычно поступки людей основаны на заурядной психологии. Люди действуют, подчиняясь своим внутренним импульсам. Можно просто смотреть по сторонам и оценивать физиологические возможности окружающих тебя марионеток. Но Керк… Невероятно!

— Я не могу этого понять, — произнес Макгауэн тихим и унылым голосом. — Здесь должна быть какая-то ошибка, Квин. Чтобы Дональд мог сделать такую вещь… и со мной! Это немыслимо. Совсем не в его характере. Подставить меня под удар… Вы знаете, Квин, я его лучший друг, может быть, единственный его настоящий друг на всем

свете. Я женюсь на его сестре, которую он любит. Даже если он разозлился на меня или хотел мне за что-то отомстить, он не может причинить вреда мне, не причинив его и ей. Ужасно. Я просто не могу этого понять.

— Нам остается только ждать, — задумчиво ответил Эллери. — Все это действительно очень странно. Кстати, Макгауэн, как могло получиться, что вы не знали о марке «Фучжоу» в его коллекции? Я думал, у вас нет секретов.

— Дональд всегда был неразговорчив, когда дело касалось марок, особенно со мной. В каком-то смысле мы соперники, и это не первый случай, когда друзья делятся всем, кроме личных увлечений. Обычно мы везде бываем вместе — так, по крайней мере, было, пока я не посватался к Марселле, — но только не на аукционах и не у торговцев марками… Разумеется, будучи сам коллекционером, я стараюсь не лезть в его тайны. Время от времени он или Осборн показывают мне какой-нибудь ценный экземпляр. Но я никогда не видел эту марку раньше. Подобный раритет из «местной» серии…

Он замолчал так резко, что Эллери взглянул на него с острым интересом:

— Да? Вы хотели сказать…

— А? Нет, ничего.

— Про ничего скажите моей бабушке, как говорит мой дорогой Реджи. Что странного в том, что у Дональда была марка из «местной» серии? Ведь она китайская, а он специализируется по Китаю?

— Да, но… До сих пор у него не было ни одной, насколько мне известно, — пробормотал Макгауэн. — Я просто уверен, что не было.

— Господи, но почему же ему не иметь такую марку, если она китайская?

— Вы не понимаете, — раздраженно пробурчал Макгауэн. — Если не считать коллекционеров, собирающих марки Соединенных Штатов, мало кто из специалистов — не важно, по какой стране, — занимается сериями «местных». Они не считаются настоящим предметом филателии. Пожалуй, я неудачно выразился. Я хочу сказать, что фактически в каждой стране был период, когда единая национальная почтовая сеть еще не сформировалась, и марки выпускали местные власти — области, коммуны, города, — каждая свои. Большинство американских собирателей не считают такие издания объектами филателии. Им нужны марки, которые выпускались и использовались в национальном масштабе, то есть во всей стране. Керк поступает как все: он собира-

ет только то, что выпускала национальная почта Китая. Я же один из тех безумцев, кому нужно что-нибудь особенное: я коллекционирую «местные» серии по любым странам. Обычные выпуски меня не интересуют. «Фучжоу» относится к «местным» — были такие открытые китайские порты, которые выпускали собственные марки. Но вот откуда, — лицо Макгауэна потемнело, — откуда у Дональда могла оказаться «местная» «Фучжоу»?

На некоторое время воцарилось молчание, пока такси прокладывало дорогу между столбами на Шестой авеню. Потом Эллери спросил:

— Кстати, какова ценность этой «Фучжоу»?

— Ценность? — повторил Макгауэн отсутствующим тоном. — Зависит от обстоятельств. В случае раритетов цены могут сильно меняться, с учетом того, за сколько они были проданы в последний раз. Знаменитая «Британская Гвиана 1856 года», одноцентовая пурпуровая марка, помещенная в каталоге Скотта под номером тринадцать — сейчас она, если не ошибаюсь, принадлежит Артуру Хинду, — оценивается в тридцать две с половиной тысячи долларов. Быть может, память меня подводит, но она обошлась Хинду примерно в эту сумму. По каталогу марка стоит пятьдесят тысяч, но это ничего не значит. Она стоит тридцать две

с половиной тысячи, потому что столько Хинд заплатил на нее на аукционе Феррари в Париже… «Фучжоу» я купил за десять тысяч долларов.

— Десять тысяч долларов! — Эллери присвистнул. — Но вы не знаете, какова ее настоящая цена, потому что раньше никто о ней не слышал. Тогда как вы могли…

— Эту цифру назвал мне Варджян, и назвал как окончательную, поэтому я выписал ему чек на эту сумму. Цена приличная, но марка стоит таких денег. Насколько я знаю, это единственный экземпляр, кроме того, ошибка, допущенная при печати, довольно необычна, поэтому вполне может быть, что, если завтра я выставлю ее на аукцион, она принесет мне прибыль.

— Значит, вы в любом случае не проиграли, — пробормотал Квин. — Керк не хотел вас обмануть, если это может вас утешить… Мы приехали.

* * *

Раздеваясь в прихожей в апартаментах Керка, они услышали из гостиной голос Дональда:

— Джози… Я хочу вам что-то сказать… о чем-то спросить.

— Да? — отозвалась Джози мягким голосом.

— Я хочу, чтобы вы знали, — быстро и горячо

заговорил Керк, — я действительно считаю, что вы написали прекрасную, замечательную книгу. Не обращайте внимания на Феликса. Он бывает раздражителен, это грубый, циничный человек, а когда он выпьет, то просто не отвечает за свои слова. Я не принял вашу рукопись только… только из-за вас.

— Благодарю вас, сэр, — ответила Джози, не меняя мягкой интонации.

— Я хотел сказать… что причина совсем не та, какая обычно бывает в таких случаях. Мне действительно нужна эта книга…

— Но не нужна я, мистер Дональд Керк?

— Джози! — Похоже, что-то произошло, потому что через мгновение он продолжил напряженным голосом: — Не слушайте, что говорит Феликс. Даже если мы не сможем продать тысячу экземпляров, это будет прекрасная книга, Джози. Если…

— Если вы не сможете продать тысячу экземпляров, мистер Дональд Керк, — спокойно заметал она, — я вернусь в Китай более умудренной, но более несчастной женщиной. Я представляла себе тираж в сотню тысяч… Однако вы что-то хотели мне сказать?

Макгауэн чувствовал себя неловко, а Эллери

пожал плечами. Они оба хотели шумно войти в комнату, но в следующий момент остановились. Потому что Керк заговорил странным, задыхающимся голосом:

— Я в вас по уши влюбился, черт возьми! Никогда не думал, что такое возможно. Что какая-нибудь женщина заставит меня потерять голову…

— Даже если эта женщина, — спросила она холодным тоном, в котором слышалась чуть заметная дрожь, — Ирен Левис?

Наступило молчание, и Эллери и Макгауэн, переглянувшись, одновременно громко прочистили горло и вошли в гостиную.

Керк стоял посреди комнаты, опустив плечи. Джози с напряженным видом сидела в кресле, на ее губах застыла натянутая улыбка. Они оба вздрогнули, и Керк торопливо заговорил:

— А, здравствуйте, здравствуйте. Я не думал, что это вы. Вы пришли вместе? Вот и хорошо. Садитесь, Квин, садитесь. Ты уже видел Марселлу, Гленн?

— Марселлу? — тяжело повторил Макгауэн. — Нет, не видел. Доброе утро, мисс Темпл.

— Доброе утро, — пробормотала она, опустив глаза. Белоснежная кожа на ее шее стала ярко-

красной.

— Марселла куда-то вышла. Скоро должна вернуться. Вечно она где-то бродит, эта Селла, — быстро заговорил Керк, беспокойно расхаживая по комнате. — Ну как, Квин? Есть какие-нибудь новости? Хотите устроить еще одни допрос?

Эллери сел и с судейским видом водрузил на нос пенсне.

— Я должен задать вам один очень серьезный вопрос, Керк.

Джози поспешно поднялась:

— Боюсь, мне придется оставить вас одних. Прошу меня извинить…

— Вопрос? — эхом откликнулся Керк. Его лицо посерело.

— Мисс Темпл, — серьезным тоном заметил Эллери, — думаю, вам лучше остаться.

Не возразив ни словом, она вернулась на место.

— Какой вопрос? — поинтересовался Керк, облизывая губы.

Макгауэн молча встал у окна, глядя на улицу и повернувшись к ним широкой мрачной спиной.

— Почему, — спросил Эллери, — вы поручили торговцу по имени Авдо Варджян продать вашему другу Гленну Макгауэну редкую мар-

ку из «местной» серии, выпущенную в городе «Фучжоу»?

Высокий молодой человек опустился в кресло и, не глядя ни на кого из присутствовавших в комнате, произнес надтреснутым голосом:

— Потому что я болван.

— Не слишком содержательный ответ, — сухо заметил Эллери. Потом его глаза сузились, и он с удивлением увидел выражение лица мисс Темпл.

В ее спокойных миловидных чертах застыло глубокое изумление: можно было подумать, что она буквально не верит своим ушам. Джози Темпл смотрела на издателя широко раскрытыми глазами.

— Гленн, — невнятно пробормотал Керк. Макгауэн, не отворачиваясь от окна, хрипло отозвался:

— Да?

— Я не думал, что ты все узнаешь. Это не имело большого значения. Просто у меня была марка, и я решил, что… Черт, Гленн, просто я хотел, чтобы эту марку получил ты, а не кто-нибудь другой. Ты же понимаешь.

Макгауэн медленно развернулся на каблуках и смерил его холодным взглядом.

— А на тот факт, что она напечатана задом наперед, ты, конечно, не обратил внимания, — проговорил он с горечью.

— Не будем горячиться, — спокойно предложил Эллери. — Дайте мне разобраться с этим, Макгауэн. Керк! Ваши деловые отношения меня не касаются, и, если в них есть какие-то особенные нюансы, связанные с характером вашей деятельности, это не мое дело. Но марка «Фучжоу» напечатана наоборот, и это возвращает нас к тому же самому странному и загадочному принципу, с которым мы имеем дело в последнее время. А это уже мое дело.

— Наоборот, — пробормотала мисс Темпл, приложив ладонь к губам и продолжая смотреть на Дональда Керка.

Эллери мог бы поклясться, что в глазах Дональда промелькнул ужас. Или ему это показалось? Он быстро глянул на Макгауэна, но тот уже снова повернулся к окну, и в силуэте его спины было что-то гневное и упрямое.

— Но я не… — начал было Керк и замер, оцепенев.

— Видите ли, дружище, — продолжил Эллери, — вы должны объяснить нам две вещи: почему вы решили продать «Фучжоу» именно

сейчас и таким секретным способом, а главное, откуда она у вас.

Наступило молчание, и в прихожей раздались шаги Хаббла, который, проходя мимо двери, с неприкрытым любопытством бросил взгляд в гостиную.

Потом Керк произнес:

— Я так и думал, что все выйдет наружу. — В его вялом голосе звучала безнадежность. — Поэтому и говорю, что поступил как болван. Но я никак не ожидал…

Он порывисто спрятал лицо в ладонях. При виде его мальчишеского отчаяния на лице мисс Темпл разлилась чудесная мягкость. Керк поднял измученный взгляд.

— Гленн кое-что знает о моем положении. Вряд ли можно об этом догадаться, глядя на мои апартаменты и на то, как мы живем. Это касается и вас, Джози. Наверно, мне следовало давно об этом рассказать… В общем, сейчас у меня довольно трудная финансовая ситуация.

Мисс Темпл не произнесла ни слова.

— Вот как, — констатировал Эллери. Потом весело добавил: — Ну что ж! Это не самая редкая вещь в наши трудные дни, Керк. Проблемы с «Мандарином»?

— Положение довольно скверное. Кредиты, проценты, старые контракты, которые книжные магазины разрывают один за другим… — Дональд покачал головой. — Мы задолжали огромные суммы. Я уже давно вложил в дело все свои наличные, пытаясь спасти издательство. Берн, конечно, не в счет: не знаю, на что он тратит свои деньги, но у него их никогда нет. Так не может продолжаться вечно; ситуация в конце концов наладится, и тогда мы снова будем на коне, потому что у нас солидный список авторов, главным образом благодаря гениальному нюху Берна, который умеет находить бестселлеры. Но пока… — Он пожал плечами, вся его фигура выражала глубокое отчаяние.

— Как насчет марки? — мягко напомнил Эллери.

— В последние дни мне пришлось продать несколько вещей из коллекции. В конце концов дело дошло и до этой…

Макгауэн развернулся, и в его голосе послышался металл:

— Я все это понимаю, Дональд, но я по-прежнему не могу понять, почему надо было устраивать из этого какую-то тайну. Господи, Дональд, почему ты просто не пришел ко мне?

— Еще раз? — лаконично спросил Керк.

Макгауэн прикусил губу.

— Мне кажется, нет никакой необходимости об этом… вспоминать, Дональд. Я не имел в виду…

— А я как раз об этом. — Керк встал и повернулся к ним лицом. — Было время, Квин, — раз уж теперь я хочу очистить свою совесть и окончательно все прояснить, — было время, когда я обращался к Гленну насчет денег. Так сказать, за материальной помощью. У отца нет своих денег, и он ничего не знает. Я не хотел его беспокоить насчет… насчет положения, в которое попал. Мое собственное состояние сократилось до таких размеров, что из него уже не выжмешь никаких наличных. Основная его часть заморожена в неликвидных активах. Это самые замороженные активы, какие я только знаю. — Он невесело улыбнулся. — Поэтому… я брал взаймы у Гленна, который был более чем щедр. В этом не было ничего плохого, хотя я тысячу раз хотел, чтобы обстоятельства не принуждали меня к таким вещам. Разумеется, Гленн прекрасно знал о моих проблемах… Но расходы чудовищные, Квин, просто чудовищные. Неожиданно мне понадобилась крупная сумма денег — для разных вещей. — Его глаза были полузакрыты. — «Фучжоу» была са-

мой дорогой маркой в моей коллекции, как это ни странно. Я почувствовал, что не могу в открытую предложить ее Гленну, потому что и так уже должен ему кучу денег, а мне требовались наличные. Поэтому я попросил Варджяна продать ее Гленну без разглашения имени продавца: мне действительно хотелось, чтобы она попала к нему, раз уж не может быть у меня. Вот и все. — Он резко сел на место.

Мисс Темпл смотрела на него с каким-то необычным, мягким и нежным интересом.

Макгауэн пробормотал:

— Теперь я понял, Дон. Мне очень жаль, что… Но как ты объяснишь тот факт, — воскликнул он, — что марка «Фучжоу» обладает одним из этих чертовых признаков «наоборот», о которых твердит Квин? Тебе не приходило в голову, что, заставив меня купить эту марку в такое время, ты делаешь меня уязвимым для всяких ужасных подозрений?

Дональд поднял на него обведенные тенью глаза:

— Гленн, даю тебе слово… Я об этом не подумал. Даже мысли не было. Господи, Гленн, неужели ты вправду решил, что я мог сделать это нарочно? С заранее обдуманным намерением? Ты не

можешь так думать. И вы тоже, Квин. Пока вы не заговорили об этом, я и представить не мог… — Он в изнеможении откинулся назад.

Макгауэн заколебался, на его лице промелькнуло множество разных чувств, потом он подошел к Керку, хлопнул его по плечу и пробурчал:

— Ладно, забудь об этом, Дон. Это я свалял дурака. Вел себя как полный идиот. Забудь об этом. Ты знаешь, если я могу тебе чем-нибудь помочь…

— Хмм, — хмыкнул Эллери. — Раз уж этот вопрос решен, Керк, как насчет второго моего вопроса?

— Второго? — замигал глазами Керк.

— Да. Откуда вы взяли эту марку?

— О! — мгновенно среагировал издатель. — Я купил ее. Уже давно.

— У кого?

— У одного из торговцев. Не помню точно.

— Лжете, — дружелюбно произнес Эллери и поднес к сигарете спичку.

Керк откинулся в кресле с пунцовым лицом. Макгауэн переводил взгляд со своего друга на Эллери, явно колеблясь между дружбой и снова вспыхнувшими подозрениями. Мисс Темпл скомкала носовой платок в мягкий шарик.

— Не понимаю, — с трудом выдавил Керк, — о

чем вы говорите, Квин.

— Бросьте, Керк, — обронил Эллери, выдыхая дым, — ясно, что вы лжете. Откуда у вас эта «Фучжоу»?

Мисс Темпл бросила шарик на пол и проговорила:

— Мистер Квин…

Керк вскочил на ноги:

— Джози… нет!

— Все в порядке, Дональд, — ответила она спокойно. — Мистер Квин, мистер Керк ведет себя по-рыцарски. Совсем как в былые времена. Это очень любезно с его стороны, но я не нуждаюсь в его великодушии. Нет, Дональд, мне нечего скрывать. Дело в том, мистер Квин, что Дональд получил эту марку от меня.

— А, — с улыбкой отозвался Эллери, — это уже лучше. Гораздо лучше. Если позволите мне маленькую сентенцию, я хочу напомнить, что правда всегда торжествует. Направляясь сюда, я представлял себе что-то в этом роде. Керк, вы джентльмен и умный человек. А теперь, мисс Темпл, может быть, вы просветите нас насчет деталей.

— Вы совершенно не обязаны это говорить, Джози, — быстро посоветовал Керк. — Никто не

вправе…

Макгауэн тронул своего друга за руку:

— Спокойнее, Дон. Так действительно будет лучше. Квин прав.

— Конечно прав, — весело подтвердила мисс Темпл. — Мой отец, который, как уже я говорила раньше, работал в американской дипломатической миссии в Китае, помимо этого — я не рассказывала об этом никому, кроме мистера Керка, потому что никто больше и не интересовался, — был в некотором роде коллекционером. Разумеется, он не мог позволить себе таких дорогих вещей, как Дональд или мистер Макгауэн. Для этого он слишком мало зарабатывал.

— Джози, вы не думаете…

— Нет, Дональд. Об этом вполне можно рассказать. Я не вижу, каким образом это может повредить делу. В любом случае, как человек наивный и доверчивый, я надеюсь, что справедливость… хм… восторжествует. — Она улыбнулась своей эльфийской улыбкой, и даже Керк не мог не улыбнуться ей в ответ. — Отец нашел эту марку в «Фучжоу» много-много лет назад у какого-то жуликоватого евразийца: честно говоря, я так в точности и не поняла, каким образом тот человек раздобыл марку. Возможно, он служил в почто-

вом ведомстве. Как бы там ни было, отец купил марку, заплатив за нее до смешного маленькую сумму, и она хранилась в его коллекции до самой смерти.

— Боже, какая удача! — воскликнул Макгауэн с блестящими глазами.

— И никто из коллекционеров не знал, что она находится у него?

— Точно не знаю, но думаю, что нет, мистер Квин. Отец почти не знал никого из коллекционеров, а со временем он потерял интерес и к собственной коллекции… Она просто пылилась у нас на чердаке. Я помню, что моя амэ[13] с упреком говорила мне об этом.

— Неудивительно, — пробормотал Макгауэн. — Вот так и пропадают великие раритеты. Боже мой, это… это почти преступная небрежность! Простите, мисс Темпл.

— Ничего, все в порядке, мистер Макгауэн, — ответила Джози со вздохом. — Наверно, вы правы. После смерти отца я продала почти всю коллекцию — выручка была небольшой, но я нуждалась в деньгах. Однако продавать «Фучжоу» мне почему-то не хотелось. Это была единственная вещь,

---

[13] ПРИМЕЧАНИЯ: 13

Амэ — горничная или няня на Востоке.

о которой отец говорил с некоторой долей энтузиазма, и я… я решила оставить ее у себя по чисто сентиментальным соображениям.

— А кому, — спросил Эллери, — вы продали остальные марки?

— Какому-то торговцу из Пекина. Я забыла его имя.

— Может быть, Цо Лин? — с любопытством спросил Макгауэн.

— Кажется, это был именно он. Вы его знаете?

— Я с ним переписываюсь. Это абсолютно честный китаец, Квин.

— Хм. Вы не говорили ему о «Фучжоу», мисс Темпл?

Она слегка нахмурилась:

— По-моему, нет. Во всяком случае, когда я начала переписываться с мистером Керком по поводу моих литературных планов, каким-то образом получилось так… Пусть он лучше сам расскажет вам об этом.

Керк охотно подхватил:

— Все получилось очень естественно, Квин. Однажды я написал, что собираю китайские марки, и мисс Темпл написала мне в ответ о «Фучжоу» своего отца. Разумеется, я был крайне заинтересован и, — его лицо потемнело, — находился тогда

в несколько лучшем финансовом положении, чем сейчас. Хотя марка «Фучжоу», строго говоря, находилась вне сферы моих интересов, я решил, что такой необычный экземпляр должен присутствовать в моей коллекции. Короче говоря, я убедил мисс Темпл расстаться с ней.

— Это было не так уж трудно, — мягко заметила маленькая женщина. — Я поняла, что поступила слишком эгоистично, оставив ее у себя, несмотря на то, что не питаю ни малейшего интереса к филателии. Возможно, тут я разделяю обычное женское равнодушие к таким вещам. Кроме того, мне были очень нужны деньги. Мистер Керк предложил мне за нее столь невероятную сумму, что сначала я заподозрила, уж не строит ли он каких-то зловещих замыслов против наивной девушки из Китая.

— Но потом, — улыбнулся Эллери, — его честные письма растопили лед. Хорошо. Сколько вы заплатили за нее мисс Темпл, Керк?

— Десять тысяч. Она стоит этих денег. Верно, Гленн?

Макгауэн с трудом вышел из охватившей его задумчивости.

— О, безусловно, иначе я бы ее не купил.

— Вот и все, — вздохнула мисс Темпл. — Что

вы теперь скажете, мистер Квин? Это совершено невинная история, и уверена, что все ваши подозрения рассыпались в прах. Не правда ли, мистер Квин?

— Слишком много «мистеров Квинов», — заметил Эллери, с улыбкой поднимаясь с места, — но по существу вы правы. Кстати, после преступления вам не приходило в голову, что в этой марке тоже есть кое-что наоборот?

— Боюсь, — с сожалением ответила мисс Темпл, — что я начисто забыла об этом деле. Нельзя же все помнить в самом деле.

— Конечно нельзя, — согласился Эллери. — Тем более когда речь идет о таких пустяках. Ну что ж, желаю всем удачного дня и не стану больше понапрасну тратить свое и ваше время. Не волнуйтесь, Макгауэн: как говорят в Сильвер-Галч, главное, сильно потереть, а грязь найдется.

— Ха-ха, — отреагировал Макгауэн.

— Что ж, — усмехнулся Эллери, — хоть эту шутку оценили. Всего доброго.

* * *

Когда Хаббл вывел его из апартаментов Керка, мистер Эллери Квин держался с таким видом, словно все случившееся не развеяло его сомне-

ний и он никуда не собирался уходить. Он остался стоять в коридоре, размышляя и нахмурив брови, как будто продолжал пережевывать одну и ту же умственную жвачку, которая никак не поддавалась его усилиям.

— Веселенькое дельце, я вам скажу, — пробормотал он себе под нос. — Будь я проклят, если что-нибудь в этом понимаю.

Его внимание привлекла дверь в другом конце коридора, и он вздохнул. Казалось, прошло уже сто лет с того момента, когда он открыл эту дверь и обнаружил перевернутую вверх дном комнату и мертвеца, переодетого задом наперед. Неожиданно в голову ему пришла мысль, и он пересек коридор, подергал ручку. Но дверь была заперта.

Он пожал плечами и уже собирался направиться к лифтам, как вдруг движение в конце коридора заставило его отпрыгнуть, как испуганного кенгуру, за соседний угол и укрыться там, затаив дыхание. Потом он снял шляпу и осторожно выглянул в коридор.

Со стороны пожарной лестницы появилась женщина и направилась к кабинету доктора Керка; поведение ее показалось ему очень странным.

В руках у нее был какой-то большой сверток,

завернутый в коричневую бумагу, — тяжелый сверток, судя по тому, с каким трудом она его несла. Женщина старалась идти тихо, и в ее движениях чувствовалась явно нервозность: голова ее крутилась во все стороны, как у настороженного зверька. Было очень странно видеть высокую молодую женщину в стильном меховом манто, красивой шляпе и элегантных перчатках, которая шла, сгибаясь под тяжестью небрежно обмотанного оберточной бумагой большого свертка. Это выглядело почти комично.

Но Эллери не улыбался. Он смотрел на нее, оцепенев от напряжения и чувствуя, как по всему телу бегают мурашки. Господи, подумал он, какая удача!

Женщина бросила взгляд в его сторону, и он поспешно скрылся за углом. Когда он выглянул снова, она в отчаянной спешке теребила ручку у двери доктора Керка. Потом дверь открылась, и женщина исчезла в комнате.

Эллери вихрем пронесся по коридору, увлекая за собой взлетевшие в воздух полы пальто. Однако он двигался бесшумно и достиг двери без происшествий. Он оглядел весь коридор: нигде не было ни души. Очевидно, доктора Керка в апартаментах не было; возможно, он носился на

своем инвалидном кресле по крыше отеля, осыпая, как обычно, проклятиями и ругательствами мисс Диверси, которая вывезла его на утреннюю прогулку…

Эллери опустился на колени и заглянул в замочную скважину. Он увидел, как женщина быстро двигается по кабинету, но отверстие было слишком узким для просторного обзора.

Он потихоньку добрался до следующей двери, которая, как он помнил, вела в спальню доктора Керка. Если этого вспыльчивого джентльмена нет на месте… Он нажал на ручку; дверь была не заперта, и он вошел в комнату. Он сразу метнулся вправо, где находилась дверь в другую спальню, и запер ее на замок, а потом поспешил к закрытой двери, которая вела в кабинет. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы без шума повернуть ручку и приоткрыть небольшую щель.

Женщина уже почти закончила свое дело. Оберточная бумага лежала на полу. В дикой спешке она расставляла по местам содержимое свертка — большие тяжелые книги — на той полке, с которой были украдены иудейские книги доктора Керка.

* * *

Когда она удалилась, забрав с собой скомканную бумагу, Эллери спокойно вошел в кабинет.

Как он и ожидал, книги, которые женщина только что поставила на полку, оказались томами иудейских комментариев. Несомненно, это были те самые книги, которые украли у старого ученого.

Эллери тихо вернулся назад, снова отпер дверь в другую спальню, вышел в коридор и проскользнул за угол как раз в тот момент, когда хлопнула дверь, ведущая в прихожую апартаментов Керка.

Спускаясь в вестибюль, он неподвижно стоял в лифте и напряженно размышлял, круто изогнув одну бровь.

Это было совершенно поразительно. После всех его расследований! Еще одна загадочная нить, вплетенная в ткань самого странного и таинственного дела, какие он когда-либо встречал… Потом что-то блеснуло в его мозгу, и он еще глубже погрузился в свои мысли. Да, это вполне возможно… Гипотеза, которая охватывала все факты, по крайней мере на поверхности. Если допустить это предположение, тогда…

Он нетерпеливо встряхнул головой. Об этом следовало как следует подумать.

Потому что эта женщина была Марселла Керк.

Глава 11
УРАВНЕНИЕ С НЕИЗВЕСТНЫМИ

Возможно, наиболее ярким достижением в области полицейских расследований является почти сверхъестественная способность современных детективов следить за перемещениями и устанавливать личности так называемых «неопознанных лиц». Поскольку нет людей непогрешимых, они не всегда добиваются успеха; но в процентном отношении их результаты чрезвычайно высоки, особенно если учитывать, с каким лабиринтом трудностей им приходится иметь дело. Громоздкий и сложный механизм полицейской машины легко скользит по хорошо накатанным рельсам.

Несмотря на это, в случае с таинственным коротышкой, убитым в отеле «Чэнселор», результаты оказались равны нулю. Обычно даже неудачные расследования приносят какие-то крохи — улики, знаки, случайные следы, тонкие ниточки связей, за которые может ухватиться цепкий ум. Здесь же не было ничего, только зияние черной дыры. Словно этот коротышка свалился на землю

с другой планеты, прихватив с собой холодное молчание пустого космоса.

Инспектор Квин, в чьих руках — поскольку именно ему было поручено расследование убийства — вхолостую работали рычаги полицейского сыска, как клещ, вцепился в доверенное ему дело. Он отказывался признать поражение, даже когда были исчерпаны все обычные ресурсы: публикация фотографий убитого, описания и запросы, отправленные в полицейские управления других городов, неустанная проверка записей в Бюро розыска без вести пропавших, бесконечные поиски переодетыми сыщиками любых сведений о жертве, услуги информаторов из криминального мира — согласно одной из версий, убитый мог иметь связи с уголовной средой.

Инспектор стиснул зубы и бросил на поиски новых людей. Сообщения типа — «не найден», «неизвестен», «никаких следов» — лились к нему рекой. Все линии расследования заканчивались тупиком. Неразгаданная тайна, окружавшая их, как белая стена, казалась непреодолимой.

Бюро розыска без вести пропавших в лице нескольких специалистов, экспертов своего дела, пришло к неизбежному выводу. Поскольку все обычные принятые меры не привели к успеху,

заключили они, вполне логично предположить, что убитый не был жителем Нью-Йорка, а может быть, и вообще никогда не бывал в Америке.

Инспектор Квин покачал головой.

— Я готов поверить во что угодно, — заявил он ответственному лицу из бюро, который с усталым видом сидел у него в кабинете, — но мне кажется, что вы ошибаетесь. В этом деле есть что-то чертовски странное… Может быть, он действительно был иностранцем, как вы говорите, но я в этом сомневаюсь, Джон. Он непохож на иностранца. Люди, которые разговаривали с ним перед смертью, — я имею в виду миссис Шэйн и Осборна и еще ту сиделку у Керков, которая тоже слышала, как он сказал несколько слов, — уверяют, что у него не было ничего похожего на иностранный акцент. Он только немного шепелявил. Дефект произношения или просто особая манера говорить. — Инспектор поджал губы. — Впрочем, попытка не пытка; займитесь этим, Джон.

Таким образом, гигантская задача — оповестить полицейские департаменты всех крупных городов мира, — которую его подчиненные уже понемногу начинали выполнять и раньше, теперь была поставлена перед ними во всем масштабе и с надлежащей срочностью. Повсюду

рассылались подробные описания внешности с отпечатками пальцев и специальным упоминанием о характерном шепелявом голосе. Фотографии мертвеца демонстрировались сотрудникам всех воздушных линий, океанских лайнеров, прибрежных теплоходов и железнодорожных сообщений. А в ответ с унылым стуком отскакивающего от пола резинового мячика сыпались все те же безнадежные отчеты: «отсутствует», «неизвестен», «служащим персоналом не опознан». Ничего.

* * *

Через три дня после признаний мисс Темпл, сообщившей, что она являлась владелицей марки «Фучжоу», инспектор Квин пробурчал Эллери:

— Знаешь, мне кажется, что я опять столкнулся с одним странным феноменом, который время от времени случается в полиции. Я заметил, что у людей из транспортных компаний периодически отказывают мозги — называй это как хочешь — и они начисто забывают обо всем, что случилось до их последнего зевка. В конце концов, то, что до сих пор никто не опознал этого парня — будь он проклят! — еще не значит, что он не пользовался ни самолетом, ни теплоходом, ни поездом.

Черт возьми, как-то он должен был попасть в Нью-Йорк!

— Если он вообще попал в Нью-Йорк, — заметил Эллери. — Я хочу сказать — если он не находился в нем с самого начала.

— В этом деле слишком много «если», сынок. Разве я на чем-нибудь настаиваю? Может быть, он родился и вырос в этом городе и ни разу не покидал Бронкса. А может быть, это был его первый визит в Нью-Йорк. Но я готов поспорить, что он не ньюйоркец.

— Может быть, и нет, — протянул Эллери. — Я заметил просто так, на всякий случай. На самом деле я с тобой согласен.

— Да что ты? — прищурился инспектор. — Когда ты говоришь таким тоном, меня это сильно настораживает. Выкладывай, что тебе известно?

— Ничего такого, чего не знаешь ты, — рассмеялся Эллери. — Я рассказал тебе до малейших деталей все, что произошло в твое отсутствие. Неужели я не могу хоть раз согласиться с тобой без того, чтобы меня заподозрили во всех смертных грехах?

Инспектор рассеянно постучал своей табакеркой по столу, и некоторое время не было слышно ничего, кроме доносившегося снизу насвисты-

вания офицера в штатском, который питал склонность к фильму «Улицы Нью-Йорка»[14] из преданности к своей администрации. Эллери хмуро смотрел на закрытые решетками окна в офисе инспектора.

Потом что-то отвлекло его внимание, и он взглянул на отца, который уставился на него с таким видом, словно открыл Америку. Пока он смотрел, старый джентльмен вскочил со своего вращающегося стула и чуть не всем телом упал на стол, чтобы нажать одну из кнопок.

— Конечно! — воскликнул он задыхающимся голосом. — Какой же я болван, какой болван… Билли, — завопил он влетевшему в комнату секретарю, — где Томас?

Секретарь исчез, и через минуту в кабинет ввалился сержант Вели.

Инспектор затянулся понюшкой табака, бормоча себе под нос:

— Да-да, это и есть ключ… Привет, Томас! Почему я не подумал об этом раньше? Садись.

— В чем дело? — спросил Эллери. — Ты что, собрался устроить мозговую атаку?

Инспектор подчеркнуто проигнорировал его

---

[14] ПРИМЕЧАНИЯ: 14
Классическая комедия 1931 г. с участием Бастера Китона.

слова и сел за стол, посмеиваясь и потирая руки.

— Как дела с торговцами марками и драгоценными камнями, Томас?

— Так себе, — с угрюмым видом пророкотал сержант.

— Что, никаких результатов?

— Никаких. Они его не знают, и никто его не знает. Теперь я в этом уверен.

— Забавно, — пробормотал Эллери, нахмурившись. — Меня беспокоит еще одна вещь.

— Бери вещь и бросай в печь, — весело произнес инспектор. — Я напал на след. Слушай, Томас, ты получил окончательный отчет по гостиницам?

— Конечно. Он не регистрировался ни в одном из городских отелей. Это точно.

— Хм. Вот что, Томас, мой мальчик. И ты тоже, сынок, если у тебя найдется время на минутку отвлечься от того, что тебя беспокоит. Предположим, что наш парень не был ньюйоркцем. Мы все с этим согласны, верно?

— Я думаю, он прилетел с Марса или еще откуда-то, — хмыкнул Вели.

— Я в этом не убежден, — протянул Эллери, — но думаю, что это возможно.

— Хорошо. Если он не был ньюйоркцем, — а факты указывают на то, что он не являлся также

и жителем пригородов, поскольку мы их все проверили, — что тогда остается? — Инспектор наклонился вперед. — Значит, он приехал откуда-то издалека. Американец он или иностранец, но, во всяком случае, не здешний. Верно?

— Чертовски верно, — отозвался Эллери, не спуская с отца внимательного взгляда. — И что?

— И то, — ответил инспектор с необычным для него довольным видом. Он постучал по столу указательным пальцем. — И то, сынок, что в Нью-Йорке он был гостем. И то, сынок, что у него должен быть багаж!

Глаза Эллери расширились. У сержанта отвисла челюсть. Потом Эллери вскочил с кресла:

— Отец, это действительно блестяще! Это гениально! Черт возьми, как мне не пришла в голову такая простая вещь? Разумеется! Ты совершенно прав. Багаж… Я со стыдом склоняю перед тобой мою гордую голову. У меня нет твоего опыта. Багаж!

— Похоже, это хорошая зацепка, инспектор, — задумчиво проговорил сержант, потирая свою гигантскую челюсть.

— Вы видите? — Инспектор с улыбкой протянул к ним руки. — Все по-честному. В рукавах ничего нет, только мышцы и немного волос! Бьюсь

об заклад, что… — Потом его лицо померкло. — Впрочем, наверное, пока рано считать цыплят. Проблема в том, что он не зарегистрировался ни в одном отеле. А когда он вышел из лифта на двадцать втором этаже отеля «Чэнселор», вещей у него не было. Однако он должен был иметь багаж. Что из этого следует?

— Что он его где-нибудь оставил.

— Ты чертовски прав, Томас. Поэтому я хочу, чтобы ты для меня кое-что сделал, дружище. Возьми всех свободных людей — пусть вам помогут и ребята из бюро — и отправь их на поиски по всем камерам хранения в городе, от Бэттери до Вандервир-парк. Ищите везде — в гостиницах, универмагах, на вокзалах; прочесывайте все подряд. Не забудьте, кстати, про аэропорты: проверьте Кертис-Филд, Рузвельт и Флойд-Беннет. Да, и еще таможенные терминалы. Смотрите все, что было оставлено для хранения в день убийства и до сих пор не востребовано. И каждый час держите со мной связь.

Сержант улыбнулся и ушел.

— Умно, — оценил Эллери, закурив сигарету. — Интуиция подсказывает мне, дорогой мой инспектор, что ты наконец нашел ключик, которым можно открыть какую-то дверь.

— Что ж, — вздохнул старый джентльмен, — если и этот номер не пройдет, я почти готов сдаться, Эл. Не могу себе представить…

Появился секретарь и положил на стол инспектора конверт.

— Что это? — спросил Эллери с застывшей в руке сигаретой.

Инспектор разорвал конверт.

— А, это ответ на мою телеграмму в Скотленд-Ярд! — Он быстро прочел сообщение и передал его Эллери. — Похоже, — заметил он спокойным тоном, — ты был прав, Эл. Да, ты был прав.

— Насчет чего?

— Насчет той женщины.

— Неужели? — Эллери потянулся к телеграмме.

— Как ты догадался?

Эллери чуть грустно улыбнулся:

— Я не строю догадок, ты же знаешь. Все дело в принципе «наоборот».

— Наоборот?

— Конечно, — вздохнул Эллери. — У этой дамы был довольно сомнительный вид, поэтому я подумал, что, может быть, в Скотленд-Ярде есть на нее досье. Что касается имени… — Он пожал плечами. — Когда я написал тебе на бумажке «Си-

вел», то просто-напросто попробовал, как будет выглядеть Левис наоборот. В последнее время мои мозги проделывают это чисто автоматически. И только потом мне пришло в голову, что «Левис» может быть псевдонимом женщины по имени Сивел, которая просто перевернула свою фамилию наоборот.

Эллери быстро прочитал телеграмму. В ней говорилось:

«ИРЕН СИВЕЛ СЕКРЕТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ЖЕНЩИНА ХОРОШО ИЗВЕСТНА НАМ И КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ СЕЙЧАС НЕ НАХОДИТСЯ В РОЗЫСКЕ ИМЕЕТ ОСОБУЮ СКЛОННОСТЬ К ДРАГОЦЕННОСТЯМ РАБОТАЕТ ОДНА РАНЬШЕ ИСПОЛЬЗОВАЛА ИМЯ ЛЕВИС ВСЕГО НАИЛУЧШЕГО ТРЕНЧ ИНСПЕКТОР СКОТЛЕНДЯРД.

— Особая склонность к драгоценностям, — пробормотал Эллери, положив телеграмму на стол. — И эти милые авансы в сторону Керка… Ты что-нибудь узнал про нее, папа?

— Кое-что. Она приехала из Англии пару месяцев назад и на широкую ногу поселилась в «Чэнселоре».

— Одна?

— Если не считать служанки-кокни. Все это очень любопытно. Во всяком случае, Ирен познакомилась с Дональдом Керком — понятия не имею, как ей это удалось, но случилось это довольно быстро, — и потом они сблизились. Кажется, она изображает из себя опытную путешественницу, которая много ездила по свету и бывала в разных интересных местах…

— Может быть, это не только образ, если судить по телеграмме Тренча.

— Возможно, — мрачно согласился инспектор. — По крайней мере, ей удалось убедить Керка в том, что она накопила массу интересных впечатлений, которые так и просятся на бумагу: приключения в разных глухих уголках света, знакомства со знаменитостями — например, она долгое время жила в Женеве — и все в таком роде. И она подумывает о том, чтобы написать про все это книгу. Ты знаешь этих молодых издателей. Я слышал, что у Керка есть голова на плечах и все такое, но эта дама чертовски красива и умеет найти подход к людям, так что… я думаю, он на это клюнул.

— Или на нее, — предположил Эллери.

— Пятьдесят на пятьдесят. Но я думаю, что вряд ли, судя по тому, как он таращится на малышку

Темпл.

— Однако Джози Темпл, к несчастью, появилась после мисс Левис, — пробормотал Эллери. — Возможно, к этому времени ущерб — если тут вообще можно говорить об ущербе — уже был нанесен. Продолжай, меня это сильно интересует.

— Так или иначе, начались переговоры по изданию книги. Керк стал устраивать с ней «конференции» в самые странные часы.

— В ее номере в «Чэнселоре».

— Без свидетелей?

— О чем вы, мистер Квин! — Инспектор плотоядно улыбнулся. — Вы что, думаете, это пансион для благородных девиц? Разумеется, без свидетелей! Ее служанка — это она все выложила Томасу — готова подтвердить факт их отношений.

Эллери поднял брови.

— Факт их отношений? Между Керком и Левис?

— Называй это как хочешь, — усмехнулся инспектор. — Я человек простой и всегда думаю о людях самое лучшее. Но провести ночь с такой соблазнительной красоткой, которая к тому же одевается — или скорее раздевается — в такие умопомрачительные наряды… — Он покачал головой. — Что ни говори, Керк — паренек мо-

лодой и крепкий. Он начал водить ее на всякие вечеринки и чаепития, знакомить с друзьями и семьей. Потом наступил рассвет.

— Рассвет? В смысле?

— Рассвет, — мечтательно повторил инспектор. — Иными словами, он проснулся. Устал играть с ней в кошки-мышки или во что они там играли. В общем, он решил от нее избавиться. Представь себе такую вещь. Чем, по-твоему, это могло кончиться? Тем же, чем всегда. Она вцепилась в него, как пиявка. И продолжала при этом мило улыбаться!

— Нетрудно представить, что могло произойти, — задумчиво произнес Эллери. — Ты и сам легко это поймешь, если перестанешь изображать из себя святого сатира — что само по себе, дорогой отче, не слишком тебе к лицу — и обратишься к здравому смыслу. Когда на сцене появилась Джози Темпл, молодой Дональд должен был пережить полный переворот в своих чувствах. Судя по одной очень милой и довольно необычной любовной сцене, которой три дня назад мне и Макгауэну пришлось стать невольными свидетелями, он влюбился в нее с первого взгляда. Разумеется, для мисс Левис в сердце юного Ромео места уже не остается. А мисс Левис

— которая играет в какую-то очень темную и скверную игру — с очаровательной улыбкой отказывается уходить. В результате Керк получает головную боль и мечется с выражением «помогите, эта тигрица вонзила в меня свои когти!» на своем честном молодом лице.

— Я уверен, что эта дамочка Сивел крепко его на чем-то держит, — предположил инспектор. — И держит так, что он не может вывернуться. Он попал в переделку. Если она решила его «подоить»... Да, он здорово влип! Ты не думаешь, что он сидит на мели как раз потому, что она вымогает у него большие деньги?

— Возможно, это тоже сыграло свою роль, папа, но я думаю, что его финансовые проблемы начались раньше, чем появилась мисс Левис. Одну вещь — которая до сих пор казалась мне совершенно темной — я знаю наверняка.

— Какую?

— Тайну записки, которую Гленн Макгауэн оставил Керку в вечер убийства. Помнишь, что там говорилось? «Теперь я знаю. Ты имеешь дело с опасной личностью. Будь осторожен, пока я не поговорю с тобой с глазу на глаз. Дон, будь начеку».

— Возможно, — проворчал инспектор. — Хотя

я все-таки надеялся, что Макгауэн имел в виду нашего коротышку.

— Нет-нет, я уверен, он тут ни при чем. Очевидно, Макгауэн с самого начала подозревал мисс Левис: у него умная голова, а при его строгом отношении к общественной морали я бы не удивился, если бы он в любом случае проникся подозрением к такой слишком привлекательной и опытной особе…

— Макгауэн? — с сомнением переспросил инспектор. — Никогда бы не подумал о нем ничего подобного. Мне казалось, он вполне обычный парень.

— Да, он достаточно обычный; но есть вещи, от которых очень трудно избавиться, и одна из них — это моральная закваска. Его семья сжигала ведьм в Салеме. Я не хочу сказать, что Макгауэн, мягко выражаясь, стоит выше плотских отношений, но он хочет быть выше — или ниже — тех скандальных происшествий и историй, которые иногда следуют из этих отношений. Это, так сказать, прагматическая мораль.

— Ладно-ладно, сдаюсь. Что дальше?

— Наверно, он потихоньку следил за мисс Левис и что-то узнал о ней в самый день убийства. Подозреваю, что источник его информации тот же

самый, что и у сержанта Вели, — служанка этой женщины. В любом случае он решил, что должен предупредить Керка при первой же возможности; отсюда и его записка. Да-да, я в этом уверен.

— Звучит убедительно — со вздохом признал инспектор.

— Из этого следует, мой дорогой отец, что никогда не следует полагаться на силовые методы. Ты слишком много читал Хэммета.[15] Я всегда говорил, что если кому-то и не стоит читать всю эту современную кроваво-мелодраматическую литературу так называемой «реалистической» школы, так это нашей доблестной полиции. Иначе у нее развивается мания величия… О чем я? Ах, да, итак, мы решили эту загадку, не вызвав ни у кого ни малейших подозрений, что нам стало известно, где, как говорится, зарыто тело.

— Ты не думаешь, что Дональд Керк заметил пропажу записки от Макгауэна? — усмехнулся инспектор.

Эллери пробормотал:

— Я в этом сомневаюсь. В тот вечер он был сам не свой. Даже если он заметил, что записка исчезла, то подумал, что сам ее потерял. Конечно,

---

[15] ПРИМЕЧАНИЯ: 15

Хэммет, Дэшил (1894–1961) — американский писатель, известный автор детективов.

он не мог заподозрить меня в применении таких вульгарных методов. В этом одно из преимуществ моей ученой внешности.

— И он не бросал на тебя косых взглядов?

— Нет, что только подтверждает мое блестящее рассуждение.

— Хм. — Инспектор следил за тем, как Эллери надевает пальто. — У меня есть странное чувство, что скоро в этом деле будет большой прорыв.

— Багаж?

— Может быть, — хитро улыбнулся инспектор. — Поживем — увидим.

* * *

Ждать новостей пришлось недолго. В тот же вечер, когда Эллери удобно устроился в кресле у камина и вслух читал Джуне — у которого был ужасно скучающий вид — песню Деликатеса из «Алисы в стране чудес», в комнату ворвался инспектор.

— Эл! Ну, что ты думаешь? — Старый джентльмен швырнул свою шляпу и воинственно уставился на Эллери.

Эллери отложил книгу, а Джуна, издав глубокий вздох облегчения, исчез.

— Прорыв?

— Прорыв. И еще какой прорыв, сынок. Огромный! — Инспектор стал расхаживать в пальто по комнате, словно воскресший Наполеон. — Сегодня днем мы обыскали комнаты Сивел в «Чэнселоре».

— Не может быть!

— Я тебе говорю. Она куда-то вышла, и мы работали очень быстро. Что, по-твоему, мы там нашли?

— Понятия не имею.

— Драгоценности!

— А.

Инспектор понюхал табак и с удовольствием чихнул.

— Все очень просто. Тренч писал, что она специализируется по камням; и теперь у нее в номере мы нашли спрятанные драгоценности. Заметь, все вещи первоклассные, не какая-то подделка. Ясно, что они принадлежат не ей, поэтому я пустил моих парней по следу. И знаешь, что мы выяснили?

Эллери вздохнул:

— Наверное, ты решил мне отомстить. Неужели и я иногда веду себя так же невыносимо, как теперь ты? Не знаю! Что?

— Мы поспрашивали торговцев драгоценно-

стями и узнали, что эти камешки уникальны. Редкие старинные изделия, по которым можно изучать историю. Мечта коллекционера.

— Боже милосердный! — воскликнул Эллери. — Не говори мне, что она имела глупость их украсть!

— На этот счет, — пробормотал инспектор, — мы пока ничего не знаем. Но одно мне известно точно. — Он потянул Эллери за рукав. — Вставай со своего кресла; нас ждут дела. Одно я знаю точно… Торговец намекнул нам, кто мог быть владельцем этих драгоценностей. Он сказал, что в их кругах трудно скрыть такую информацию.

— Надеюсь… — медленно начал Эллери.

— Вот именно. Все до единой вещи находились в коллекции Дональда Керка!

Глава 12
КАМНИ В ПОДАРОК

Сержант Вели, которого быстро отозвали с поисков багажа жертвы, чтобы он был под рукой во время обыска гостиничного номера Ирен Левис, отчитывался перед инспектором в вестибюле отеля «Чэнселор».

— Все чисто, шеф. У меня есть человек, Джонсон, он сейчас в номере дамы, переодетый водопроводчиком. Со служанкой тоже все в порядке. Ее не было в номере с обеда до шести вечера.

— Она знает о том, что произошло? — сухо спросил инспектор.

— Пока нет.

— Как насчет Ирен?

— Джонсон говорит, что она заскочила к себе примерно в полседьмого и разоделась в пух и в прах, словно собралась на вечеринку. В сейф с камнями она не заглядывала. Зато на свои драгоценности — они лежат у нее в шкатулке на туалетном столике — она посмотрела. И нацепила на себя кое-что.

— Когда она вышла из номера, на ней была

верхняя одежда? — поинтересовался Эллери.

Сержант улыбнулся:

— Но она оттуда не вышла, мистер Квин.

— Она одна?

— Я бы так не сказал. Она устраивает вечеринку для Керка и компании: Джонсон слышал, как она говорила про коктейль. Все уже собрались.

— Хм-м, — протянул инспектор. — Ладно, какая разница, где это произойдет. Но пока мы ее не взяли, я хочу подняться на двадцать второй этаж.

— Господи, — удивился Эллери, — а это тебе зачем понадобилось?

— Есть одна идея.

В лифте было полно народу, и их прижали к задней стенке. Инспектор шепнул:

— Если Марселла тоже участвует в веселье, я одним выстрелом убью сразу двух зайцев и узнаю насчет книжек ее старика. Не понимаю, почему ты хочешь, чтобы я отложил это на потом.

— Потому что я еще не все продумал, — пояснил Эллери.

— А, так ты знаешь, зачем она это сделала?

— Если задуматься, то нет ничего проще. Не понимаю, почему это сразу не пришло мне в голову.

— Так зачем она…

Но они уже доехали до двадцать второго этажа, и Эллери, не ответив, вышел из лифта впереди сержанта и отца.

Миссис Шэйн, сидящая за столом, встретила их испуганным приветствием. Но инспектор не обратил на нее никакого внимания и, направившись прямо к офису Дональда Керка, без стука открыл дверь. Сержант Вели пробурчал: «Эй, проснись, парень» офицеру в штатском, который дремал на стуле рядом с дверью в кабинет, где произошло убийство.

Осборн вскочил из-за своего стола и выронил щипчики для марок.

— Инспектор… мистер Квин! Что-нибудь опять случилось? — Он слегка побледнел.

— Да, — резко ответил инспектор. — Послушайте, Осборн. В коллекции драгоценностей Керка есть предмет под названием «Тиара великой княгини»?

У Осборна был озадаченный вид.

— Да, разумеется.

— А так называемая «Красная брошь»?

— Да. Но почему…

— А серебряный лавальер с изумрудной подвеской?

— Да. Но что случилось, инспектор Квин?

— Разве вы не знаете?

Осборн перевел взгляд с мрачного лица инспектора на Эллери и медленно опустился в кресло.

— Н-нет, сэр. Я почти не занимаюсь драгоценностями мистера Керка, он и сам это вам скажет. Свою коллекцию он хранит в банке, и доступ к ней есть только у него.

— Прекрасно, — отрезал инспектор. — Она пропала.

— Пропала? — выдохнул Осборн. Он был поражен до глубины души. — Вся коллекция?

— Только некоторые предметы.

— А… мистер Керк об этом знает?

— Именно это, — криво улыбнулся инспектор, — я и собираюсь выяснить. — Он кивнул двум своим спутникам. — Пойдемте. Я просто хотел спросить Осборна. Так, на всякий случай. — Он усмехнулся и направился к двери.

— Инспектор! — Осборн схватился за крышку своего стола. — Вы… вы же не собираетесь спрашивать мистера Керка прямо сейчас, не правда ли?

Инспектор резко остановился, развернулся на каблуках и, вскинув голову, посмотрел на Осборна с крайне недружелюбным видом.

— А если и собираюсь, мистер Осборн? Вам

какое дело?

— Но они все… Я хочу сказать, — Осборн облизнул побелевшие губы, — что у мистера Керка сейчас небольшой праздник. Было бы неделикатно…

— Праздник? — Оба Квина переглянулись. — В апартаментах Керка?

— Нет, сэр, — торопливо ответил Осборн. — В номере мисс Левис, этажом ниже. Видите ли, она пригласила всех на вечер, узнав о помолвке мистера Керка. Поэтому я…

— О помолвке! — воскликнул Эллери. — Неужели чудеса никогда не кончатся, о властитель тьмы? Полагаю, Оззи, речь идет о союзе Китая и Америки?

— А? Ну да, сэр. О мисс Темпл. В этих обстоятельствах, я думаю, было бы не совсем удобно…

— Хм, значит, мисс Темпл? — пробормотал инспектор.

— Раз уж мы здесь, у меня к вам один вопрос, — заговорил Эллери. — Оззи, вы когда-нибудь слышали о почтовой марке, — его взгляд рассеянно скользнул по рассыпанным на столе маркам, — города Фучжоу, стоимостью в один доллар, цвет охра с черным, причем вся черная сторона по ошибке напечатана с обратной стороны?

Осборн сидел в кресле не шевелясь. Он устало прикрыл глаза, и костяшки его пальцев заметно побелели.

— Я… я не могу вспомнить такой ошибки, — пробормотал он.

— Лжете, — весело возразил Эллери. — Мы все об этом знаем, Оззи. Если мне можно называть вас Оззи…

— Вы… знаете? — с трудом произнес Осборн, подняв глаза.

— Разумеется. Дон Керк сам нам все рассказал.

Осборн вытащил носовой платок и вытер лоб.

— Простите, мистер Квин. Я подумал…

— Хватит, — нетерпеливо остановил его инспектор. — Эй, вы! — крикнул он полисмену, который побледнел и вытаращил глаза. — Проследите за тем, чтобы в ближайшие пять минут Осборн не притрагивался к телефону. Ведите себя смирно, Осборн… Ладно, пошли, ребята. Раз уж здесь такое веселье, мы тоже должны в нем поучаствовать!

* * *

Три комнаты номера мисс Левис находились прямо под апартаментами Керка. Дверь на звонок инспектора открыла худощавая горничная

с угловатыми скулами и неприятно заостренным носом. Она хотела было запротестовать, что-то слабо пробормотав хныкающим голосом с акцентом кокни, но потом увидела сержанта и отпрянула с открытым ртом. Инспектор бесцеремонно отодвинул ее в сторону и направился через маленькую приемную в салон, откуда доносились смех и голоса. Все стихло, как по волшебству.

Здесь были все — доктор Керк, Марселла, Макгауэн, Берн, Джози Темпл, Дональд, Ирен Левис; и, кроме того, еще две женщины и мужчина, которых Эллери раньше никогда не видел. Он обратил внимание на высокую яркую женщину с иностранной внешностью, которая с властным видом держала под руку Феликса Берна. На всех были вечерние наряды.

Мисс Левис быстро подошла к ним и улыбнулась.

— Да? — произнесла она. — В чем дело? Видите ли, инспектор, у меня гости. Может быть, в другое время…

Макгауэн и Дональд Керк напряженно смотрели на безмолвную троицу. Доктор Керк с пунцовым носом яростно подкатил к ним на коляске.

— Что это за новое вторжение, джентльмены? Неужели приличным людям нельзя и минуты побыть в этом сумасшедшем доме, чтобы к ним не ввалились назойливые типы вроде вас?

— Успокойтесь, доктор Керк, — вежливо проговорил инспектор. — Простите, друзья, что мы без приглашения, но дело есть дело. Мы задержим вас только на минуту. Мистер Керк, мне хотелось бы кое о чем с вами побеседовать. Мисс Левис, у вас найдется другая комната, где мы сможем уединиться на пару минут?

— Что-нибудь не так, инспектор? — спокойно спросил Гленн Макгауэн.

— Нет-нет, ничего серьезного. Продолжайте вечер… А это как раз, что нужно, мисс Левис.

Женщина проводила их к двери, открывающейся в гостиную. Дональд Керк, бледный и безмолвный, шел с видом преступника, которого ведут в газовую камеру. Хрупкая Джози Темпл следовала за ними твердым шагом, с высоко поднятой головой. Инспектор нахмурился и хотел что-то сказать, но Эллери тронул его за рукав, и инспектор промолчал.

Дональд не замечал Джози, пока не закрыли дверь в гостиную и сержант Вели не заслонил ее своей широкой спиной.

— Джози, — прохрипел он. — Тебе не стоит вмешиваться в это… во все эти дела. Прошу тебя, дорогая. Выйди и подожди вместе с остальными.

— Я останусь, — ответила она и, улыбнувшись, сжала его руку. — В конце концов, что это за жена — или почти жена, — которая не хочет разделить с мужем хотя бы часть его ответственности?

— О, — отреагировал Эллери. — В последнее время все происходит так неожиданно. Примите мои самые искренние поздравления.

— Спасибо, — тихо пробормотали оба, опустив глаза.

Странные влюбленные! — подумал Эллери.

— Ну что ж, приступим, — начал инспектор. — Полагаю, Керк, излишне говорить, что до сих пор вы не были с нами искренни. Вы скрывали от нас некоторую информацию и вообще вели себя довольно странно. Я хочу дать вам шанс себя реабилитировать.

Керк сухо возразил:

— Я не понимаю, о чем вы говорите, инспектор.

Джози бросила на него быстрый и озадаченный взгляд.

— Керк, у вас ничего не украли в последнее время? — резко спросил инспектор.

— Украли? — Вопрос явно застиг его врасплох. — Конечно нет… А, вы, наверно, говорите про книги моего отца? Знаете, они довольно таинственным образом вернулись на место…

— Я имел в виду не книги вашего отца, Керк.

— Не книги? — нахмурил брови Керк. — Тогда я не… Нет, ничего не украли.

— Вы уверены? Подумайте хорошенько, молодой человек.

Дональд нервно стиснул кулаки в карманах своего смокинга.

— Но я вас уверяю…

— Скажите, в вашей коллекции драгоценностей есть старинные предметы, известные как «Красная брошь», «Тиара великой княгини», лавальер с изумрудом, китайское нефритовое кольцо шестнадцатого века?

Керк мгновенно ответил:

— Нет. Я их продал.

Инспектор некоторое время смотрел на него холодным взглядом, после чего направился к двери. Сержант Вели посторонился, и старый джентльмен, приоткрыв дверь, крикнул:

— Мисс Левис, на минутку, пожалуйста.

Через минуту высокая женщина оказалась в комнате, вопросительно сдвинув брови и улы-

баясь немного неуверенной улыбкой. Она была одета во что-то длинное, тонкое, волнистое, плотно прилегающее к телу, с глубоким вырезом, открывавшим ложбинку в ее бюсте, которая при каждом вздохе раскрывалась и сжималась так же ясно и отчетливо, как какая-нибудь впадинка на высоком берегу, когда ее периодически затопляет морской прибой.

Инспектор мягко предложил:

— Вы не хотите на минуту нас покинуть, мисс Темпл?

Маленькая женщина чуть повела носом, и на ее лице появилось почти юмористическое выражение. Однако она ничего не сказала, продолжая сжимать руку молодого Керка.

— Ладно, — вздохнул инспектор, затем повернулся к мисс Левис и улыбнулся. — Я думаю, теперь ничто не мешает нам называть друг друга настоящими именами. Почему вы сразу не сказали, что на самом деле вас зовут Ирен Сивел?

Керк недоумевающее заморгал ресницами; высокая женщина выпрямилась и слегка прищурилась, как потревоженная зеленоглазая кошка. Потом она ответила инспектору улыбкой, и Эллери подумал, что это очень похоже на потустороннюю улыбку Чеширского кота, загадочную

и никак не связанную с телом.

— О! — восхитился инспектор. — Прекрасная выдержка, Ирен. Однако ваша блестящая актерская игра вряд ли вам поможет. Мы знаем о вас все. Мой друг, инспектор Тренч из Скотленд-Ярда, сегодня вечером сообщил мне в телеграмме, что вы с ним старинные друзья. Кажется, он даже пишет, что вы известная мошенница. Тренч всегда был грубоват, никакой деликатности. Вы об этом знали, Керк?

Дональд, облизав губы, посмотрел на женщину так, словно видел ее сквозь густой туман.

— Мошенница? — пробормотал он. Но его заминка перед ответом выглядела неубедительно.

Эллери вздохнул и слегка отвернулся, покраснев от стыда за человеческий род. Единственный искренний характер во всей этой драме, подумал он, это маленькая мисс Темпл: она нисколько не играет и всегда остается самой собой. В эту минуту она смотрела на высокую женщину с каким-то отстраненным ужасом.

Высокая женщина ничего не ответила. В глубине ее зеленых глаз было заметно некоторое беспокойство, но в то же время в них сквозило что-то ускользающее и насмешливое, словно она и в самом деле была Чеширским котом, проде-

лывающим свой фантастический фокус перед растерянной Алисой.

— Давайте поговорим начистоту, — продолжал инспектор. — Мы знаем о вас больше, чем вы думаете. Нам известно, например, что у вас находится несколько очень ценных драгоценностей из коллекции мистера Керка. Не так ли, Ирен?

На мгновение ее защитная маска спала, и она метнула быстрый взгляд на дверь в дальней части комнаты. Потом прикусила губу и снова улыбнулась, но ее улыбка уже не напоминала Чеширского кота, скорее она говорила об умирающей надежде.

— Бесполезно идти в спальню и искать их в сейфе, — усмехнулся инспектор. — Все равно их там уже нет. Мы вытащили их сегодня днем, когда вас не было в номере. Итак, Ирен, вы сами расскажете нам о том, что произошло, или хотите, чтобы я надел на вас клещи?

— Клещи? — пробормотала она, нахмурив брови.

— Бросьте, Ирен, вы меня прекрасно поняли. Так их называют у вас в стране, и я не сомневаюсь, что они уже не раз побывали на ваших очаровательных запястьях. — Внезапно он потерял терпение. — Вы украли эти драгоценности!

— А, — отозвалась она и на этот раз широко улыбнулась, словно ее надежда чудесным образом воскресла. — В самом деле, инспектор, вы говорите на таком чудовищном жаргоне! Вы совершенно уверены, что они принадлежат мистеру Керку?

— Уверен? — Инспектор вытаращил глаза. — В какую игру вы теперь играете?

— Если они принадлежат ему, то почему вы говорите о каком-то преступлении? Что дурного в том, если джентльмен решил подарить даме драгоценности? На минуту я подумала, что вы хотите сказать, будто мистер Керк их украл. Боже милостивый!

На секунду наступило глубокое молчание. Потом Эллери быстро спросил:

— Итак, Керк?

Джози Темпл в полном замешательстве наморщила свой милый носик и еще крепче сжала руку Дональда.

— Дональд, ты действительно отдал ей… эти вещи?

Керк стоял совершенно неподвижно, но у Эллери было такое впечатление, будто все его нутро превратилось в кипящий котел, в котором тысячи бурных чувств метались и набрасывались

друг на друга, как крошечные змейки, опутавшие маленьких сыновей Лаокоона. На смуглом лице молодого человека не было ни кровинки: оно выглядело серым и измученным.

Он почти рассеянно снял ладонь мисс Темпл со своей руки и ответил:

— Да.

В сторону Ирен Левис Дональд Керк почти не смотрел.

— Ну вот! — весело воскликнула мисс Левис. — Теперь видите? Много шума из ничего. Я убедительно прошу вас, инспектор, немедленно вернуть мне драгоценности. Мне приходилось слышать самые ужасные истории о нечестных американских полицейских, которые…

— Хватит, — оборвал ее инспектор. — Керк, в чем дело? Вы хотите сказать, что действительно подарили дорогие предметы из вашей коллекции этой женщине?

Самообладание Керка лопнуло, как воздушный шар. Под пристальным взглядом Джози он упал в ближайшее кресло и закрыл лицо ладонями. В его приглушенном голосе звучало страдание:

— Да. Нет… Я не знаю, что я сделал.

— Не знаешь? — быстро спросила Ирен Левис. — Ах, Дональд, у тебя такая плохая память!

Не сказав больше ни слова, она поспешно направилась в свою спальню. Сержант встрепенулся, но расслабился после кивка инспектора. Через секунду Ирен Левис вернулась с листком бумаги.

— Я уверена, Дональд сам не понимает, что говорит, инспектор. Обычно я против того, чтобы выносить на люди столь… интимные вещи, но теперь у меня нет выбора, не так ли, инспектор? Дональд, стыдись!

Инспектор бросил на нее тяжелый взгляд, потом взял листок из ее пальцев и прочитал вслух:

«Дорогая Ирен, я люблю тебя. Я чувствую, что никогда не смогу тебя в этом убедить. Мои камни — среди самых ценных вещей, которыми я владею. Разве не доказательством моих чувств является то, что я отдаю тебе тиару, которая венчала голову русской великой княгини; «Красную брошь», принадлежавшую матери Кристины; нефрит, украшавший палец дочери китайского императора, — все эти редкие вещи, которые я хранил столько лет? Но я охотно отдаю их самой замечательной женщине на свете. Скажи мне, что выйдешь за меня замуж!

Дональд».

Мисс Темпл заметно задрожала.

— Какая дата, — спросила она ледяным тоном, — стоит под этим… эротическим письмом, инспектор Квин?

— Бедняжка, — пробормотала мисс Левис. — Я знаю, что вы сейчас должны испытывать. Но поймите, Дональд написал мне это письмо до того, как вы появились в городе, раньше, чем он вас узнал. А когда он встретил вас… — Она пожала великолепными голыми плечами. — C'est la guerre,

et j'y tomba victime.[16] Поверьте, я не питаю к вам дурных чувств. Разве мое приглашение вам и Дональду — не лучшее тому доказательство?

— Топорная работа, — усмехнулся инспектор. — Если это страстное послание любовника, предлагающего руку и сердце своей Джульетте, то я — царь обезьян. Гораздо больше оно смахивает на историческое эссе. Разумеется, это липа, но я узнаю правду, даже если мне придется вытрясти ее из вас обоих! Керк, на какой дьявольский крючок подцепила вас эта женщина, если вы могли написать под ее диктовку такое письмо?

— Под диктовку? — Мисс Левис нахмурилась. — Дональд, все это становится очень глупым. Пожалуйста, скажи им. Скажи, Дональд. — Она топнула ногой. — Говори, слышишь!

Молодой человек встал и в первый раз прямо посмотрел на нее. Глаза его были подернуты какой-то дымкой. Он смотрел на нее, но обращался к инспектору.

— Я не вижу смысла продолжать этот фарс, — заявил Керк сухим и жестким тоном. — Это моя вина, и я сам за все отвечу. Я солгал. — Эллери заметил, как в глазах Левис мелькнуло глубокое

---

[16] ПРИМЕЧАНИЯ: 16
Это война, и я пала её жертвой (фр.).

облегчение, которое она поспешила прикрыть опущенными веками. — Я написал эту записку и передал мисс Левис — или Сивел, если это ее настоящее имя, — драгоценности из своей коллекции. Я ничего не знал о ее прошлом. Больше того, мне было все равно. Это частный вопрос, и я не вижу никаких причин, почему его надо смешивать с расследованием убийства, которое не имеет никакого отношения к моим личным делам.

— Дональд, — прошептала Джози, — ты… ты сделал ей предложение?

Мисс Левис улыбнулась ей торжествующей улыбкой:

— Не волнуйтесь, моя милая. Если и сделал, то что в этом такого? Разве я самое ужасное создание на земле? Назовем это страстным увлечением. На самом деле так оно и было, верно, Дональд? В любом случае все уже кончено, и теперь он ваш. Не стоит устраивать из-за этого провинциальные драмы.

— Какая самоотверженность, — пробормотал Эллери.

— Дональд! Ты… ты признаешь это?

— Да, — ответил он тем же жестким голосом. — Признаю. Господи, сколько еще мне придется

выносить эту пытку? — Он не смотрел на маленькую женщину из Китая. — Надеюсь, теперь мы все выяснили, и никто не станет устраивать шумиху в обществе. Дело кончено, полностью и навсегда. Прочему бы вам не оставить меня в покое?

— Понятно, — холодно констатировал инспектор. — А как насчет камней, Керк?

— Я подарил их ей.

Джози решительно шагнула к высокой женщине.

— Я знаю, что вы подлое и порочное существо. Даже Дональд не мог бы настолько обмануться… — Она повернулась к застывшему в кресле молодому человеку. — Дональд, ты должен знать, что я никогда не поверю во всю эту… чепуху. Я хорошо тебя знаю, милый. Ты не способен ни на что по-настоящему дурное. О, мне наплевать на эту твою… интрижку с дешевой авантюристкой; возможно, она причиняет мне боль, но… Почему, Дон? Что она с тобой сделала, милый? Ты не можешь мне сказать?

Он ответил странно тихим голосом:

— Тебе придется принять меня таким, какой я есть, Джози.

Ирен Левис продолжала улыбаться. Но теперь в

ее голосе, когда она заговорила, появилось что-то твердое, уверенное и надменное.

— Я просто поражаюсь своему терпению. Другая женщина на моем месте давно закатила бы сцену. Что касается вас, Джози, то я не стану обращать внимания на ваши последние слова и дам вам один совет: не делайте глупостей. Дональд принадлежит вам, и это очень милый молодой человек.

Джози ее не слышала: она смотрела на измученное лицо Керка.

— А от вас, инспектор, я требую, чтобы вы отозвали ваших псов. Мне надоели ваши преследования. Если вы не прекратите, я немедленно уеду.

— Напрасно вы так думаете, — хмуро возразил инспектор. — Вы не уедете, пока я вам не позволю. Если вы сделаете хоть малейшую попытку покинуть страну, я арестую вас «по подозрению». А это очень растяжимое понятие. Между прочим, я могу задержать вас прямо сейчас, как нежелательное лицо. Так что сидите пока в своем номере, Сивел, и будьте послушной девочкой. И не пытайтесь проделывать со мной ваши штучки. — Он прищурился на стоящую перед ним безмолвную пару. — Что касается вас, Керк, то

когда-нибудь вы очень пожалеете, что не рассказали от чистого сердца обо всем, что связывает вас с этим темным делом. Не знаю, что за чертовщина на уме у этой женщины, но держит оно вас основательно и крепко. Плохо дело, приятель… Пойдемте, парни.

Эллери пошевелился и вздохнул.

— Разве ты не собирался поговорить с Марселлой Керк насчет этой филологической истории? — пробормотал он и очень удивился, заметив, что в запавших глазах Дональда Керка вспыхнула глубокая тревога.

— Оставьте Марселлу в покое, слышите? — воскликнул он в ярости. — Не вмешивайте ее! Оставьте ее, говорю вам!

Инспектор посмотрел на него с неожиданно проснувшимся интересом. Потом мягко проговорил:

— Ладно. Я собирался сказать, что сыт вами уже по горло. Но, поразмыслив, решил, что смогу вынести вас еще несколько минут. Томас, приведи сюда Марселлу Керк и ее отца!

Не успел Вели повернуться, как Дональд кинулся к двери, словно взорвавшая ракета, и, застав сержанта врасплох, с силой оттолкнул его в сторону. Он весь дрожал, однако решительно стоял

в дверях.

— Нет, прошу вас, Квин, ради бога. Не позволяйте им сделать это!

— Ах ты, наглый проныра… — начал сержант, надвигаясь на своего обидчика.

— Остыньте, Вели, — спокойно потребовал Эллери. — Керк, старина, к чему эти трагедии? Никто не хочет причинить вред вашей сестре. Это просто маленькое недоразумение, которое надо разъяснить. Ничего больше. — Он шагнул к Керку и дружески положил руку на его напрягшееся плечо. — Пусть мисс Темпл отведет вас наверх, Керк. У вас совсем сдали нервы, вам надо выпить и немного отдохнуть.

— Квин, ведь вы не позволите… — В голосе Керка было что-то трогательное.

— Конечно, не позволю, — успокоил его Эллери. Он взглянул на маленькую женщину, и та, вздохнув, подошла к молодому человеку, взяла его за руку и что-то зашептала ему на ухо. Эллери почувствовал, как мускулы Керка расслабились. Сержант, нахмурившись, открыл дверь и выпустил пару из комнаты. Из соседней гостиной на них устремились внимательные взгляды.

— Вы тоже, Ирен, — выразительно произнес инспектор.

Она пожала плечами и направилась за Керком и Джози. Но в очертании ее красивой спины чувствовалось что-то беспокойное, словно она боялась удара сзади. Сержант Вели последовал за ней.

— Какая муха укусила этого юнца? — пробормотал инспектор, проводив их взглядом.

Эллери вздрогнул.

— Что? А, ты о Керке. — Он достал сигарету и чиркнул спичкой. — Это очень любопытно. Кажется, я вижу какой-то проблеск. Совсем слабый проблеск… Вот и они.

В комнату вошли не два, а три человека. Сержант Вели негодующе ввалился следом.

— Этот Макгауэн лезет на рожон, — прорычал он. — Мне его вышвырнуть отсюда, инспектор?

— Думаю, вам не стоит этого делать, сержант, — ответил вместо отца Эллери, с улыбкой глядя на огромную фигуру Макгауэна.

— Если он так хочет неприятностей, — пробурчал инспектор, — мы ему их устроим. Послушайте, мисс…

Хрупкая Марселла Керк, затаив дыхание, стояла между своим fiancè[17] и отцом, который

---

[17] ПРИМЕЧАНИЯ: 17
Жених (фр).

тяжело оперся на ее руку. Сморщенное тело старика, казалось, обвисло на его костях, а сам он выглядел необычно тихим и лишенным своей воинственности. В его взгляде чувствовалось что-то скрытное.

Макгауэн сдержанно заметил:

— Давайте без шума, инспектор. Моя невеста очень чувствительная молодая дама. Да я и сам вряд ли вынесу, если вы станете на нас давить. Что вам еще нужно — если не считать того, что вы уже испортили нам абсолютно невинный вечер с коктейлем?

— Я бы попросил вас, мистер Макгауэн…

Доктор Керк заскрипел:

— Что вы сделали с Дональдом, черт вас возьми?

— У него был такой вид… — прошептала Марселла.

— Здесь я задаю вопросы, — сурово возразил инспектор. — Доктор Керк, недавно вы заявили, что украденные у вас книги нашлись. Это верно?

— Ну и что? — надтреснутым голосом спросил ученый.

— Так они нашлись или нет?

— Разумеется. Я уже сказал, что не хочу поднимать никакого шума. Раз книги у меня, остальное

не важно. — Он рассеянно погладил голую руку дочери своей костлявой ладонью. — А что, вы нашли человека, который их… взял?

— Без проблем.

Марселла Керк вздохнула. Ее бледность подчеркивали лихорадочно пылавшие губы.

Макгауэн открыл рот, чтобы что-то сказать, но потом передумал и перевел взгляд с невесты на лицо будущего тестя. По его смуглой коже тоже разлилась бледность; он прикусил губу и крепче сжал руку Марселлы.

— Если позволите, — пробормотал Эллери. Три пары испуганных глаз уставились на него. — Я думаю, мы все здесь взрослые и разумные люди. Мисс Керк, прежде всего позвольте заметить, что я не питаю к вам ничего, кроме глубокого и искреннего восхищения.

Ее глаза сузились, и она покачнулась на ногах.

— Что это значит? — грубо спросил Макгауэн.

— Ваша невеста, Макгауэн, умная и смелая девушка. Я легко могу проследить нить ее рассуждений… Ей без конца твердили о странных обстоятельствах этого преступления наоборот. Она мгновенно представила себе своего отца — вас, доктор, — сидящим над своими… — Эллери сделал паузу, — над своими иудейскими

книгами. Книгами, написанными на языке, чьим отличительным свойством, как ей было известно, является то, что они написаны наоборот. Поэтому…

— Я украла их, — проговорила она, подавив всхлип. — Я так боялась…

Лицо доктора Керка странно изменилось.

— Марселла, девочка моя, — пробормотал он нежным голосом. Потом сжал ее руку и выпрямился в кресле.

— Однако вы забыли, мисс Керк, — продолжал Эллери, — что и китайский язык, на котором написаны многие манускрипты в библиотеке вашего отца, тоже является, так сказать, языком наоборот. Не правда ли?

— Китайский? — прошептала она, широко открыв глаза.

— Я так и думал. Папа, нам больше нет необходимости углубляться в это дело. Это была целиком моя вина. Совершенно естественно, что мои размышления вслух по поводу обратного характера убийства вызвали такую реакцию у мисс Керк. Теперь, когда все выяснилось, я думаю, нам лучше поскорее позабыть об этом.

— Но на иврите действительно пишут наоборот…

— Увы, — вздохнул Эллери. — Просто неудачное совладение. Я понятия не имею, зачем кому-то понадобилось похищать эти книги. Разве я сторож брату моему? — Эллери улыбнулся Марселле и Макгауэну. — Идите и больше не грешите.

— Ладно-ладно, — проворчал инспектор. — Выпусти их, Томас.

Сержант отступил в сторону, и все трое тихо вышли из комнаты — включая Макгауэна, явно затаившего какую-то мысль.

— Пока мы здесь, — пробормотал инспектор, — я хочу выяснить еще одну вещь.

— Что на этот раз? — поинтересовался Эллери.

— Насчет этого парня, Феликса Берна. Томас…

— Берна? — Глаза Эллери сузились. — А при чем тут Берн?

— Мы проследили за его перемещениями в день убийства. Есть один момент… Томас, приведи сюда мистера Берна и еще ту заграничную даму, которая была с ним, когда мы пришли. Если моя догадка верна, она с этим как-то связана.

— С чем? — быстро спросил Эллери, когда Томас вразвалку вышел из гостиной.

Инспектор пожал плечами:

— Это я как раз и хочу узнать.

* * *

Берн был очень пьян. Он ввалился в комнату с воспаленными глазами и едкой усмешкой на лице. Женщина, вошедшая вместе с ним, выглядела испуганной. Это была высокая брюнетка с гибким телом, в котором ключом била жизнь. Она прижалась своей полной грудью к черному рукаву Берна, словно боялась выпустить его из рук.

— Ну? — спросил Берн, насмешливо скривив тонкие губы. — Что у нас сегодня вечером — сьямбок,[18] бастинадо[19] или прокрустово ложе?

— Добрый вечер, мистер Берн, — поздоровался Эллери. — Когда работаешь детективом, всегда расширяешь свой кругозор. Приятно иметь дело с такими культурными людьми. Сьямбок, вы сказали? Похоже на что-то африканское. Что это такое?

— Хлыст из кожи носорога, — объяснил Берн все с той же пьяной ухмылкой, — и если бы мы с вами оказались в южноафриканском вельде,

---

[18] ПРИМЕЧАНИЯ: 18

Сьямбок — южноафриканская ременная плеть, используемая, в частности, как орудие наказания.

[19] ПРИМЕЧАНИЯ: 19

Бастинадо — палочные удары.

дорогой мой Квин, я бы с удовольствием дал бы вам отведать этого хлыста. Вы мне чертовски не нравитесь. Не помню, что бы я еще к кому-то испытывал такое же отвращение, как к вам. Идите к черту!.. А, и вы здесь, наш маленький Люцифер, — обернулся он к инспектору Квину. — Что на этот раз? Говорите, да поскорее! Я не собираюсь весь вечер выслушивать ваши идиотские вопросы.

— Идиотские вопросы, говоришь? — пробурчал инспектор. — Еще одна такая выходка, умник, и тобой займется мой сержант, а уж что он сделает с твоей физиономией, предоставляю судить твоему воображению. — Он развернулся к женщине. — Так, теперь вы. Как ваше имя?

Она еще теснее прижалась к издателю и посмотрела на него с детской доверчивостью. Берн насмешливо протянул:

— Скажи же им, моя милая. Он только с виду злой, а на самом деле безобидный…

— Меня… я… — с трудом произнесла женщина, — Лукреция Риццо. — Она говорила с сильным итальянским акцентом.

— Откуда вы приехали?

— Италия. Мой дом… есть… Флоренция.

— Флоренция? — пробормотал Эллери. — Наконец-то я вижу одну из женщин, которые

вдохновляли великого Боттичелли. Вы прелестны, донна, и приехали из чудесного города.

Женщина бросила на него долгий взгляд, в котором не было ничего общего со страхом, наполнявшим его еще минуту назад. Но она ничего не сказала и только крепче вцепилась в руку Берна.

— У меня нет времени на болтовню, — рявкнул инспектор Квин. — Как давно вы приехали в Нью-Йорк, синьора?

Она снова взглянула на Берна, и тот кивнул.

— Думаю… неделю назад, — ответила она, мягко и нежно округляя звонкие согласные.

— Что это за вопрос? — вмешался Берн. — Хотите повесить на синьорину Риццо ваше пресловутое обвинение в убийстве? Смею заметить, что вы или слишком поспешны в своих выводах, или не знаете даже азов итальянского языка. Моя подруга Лукреция не замужем.

— Замужем она или нет, — отрезал инспектор, — я хочу знать, что она делала в вашем холостяцком номере на Восточной Шестьдесят четвертой улице в день убийства?

Эллери слегка вздрогнул, но Берн остался невозмутим. Пьяная улыбка не сходила с его лица.

— О, наша доблестная полиция проявляет забо-

ту об общественной морали! Как вы думаете, что она там делала? Вы сами отлично знаете, иначе не стали бы задавать такой вопрос… Меня всегда поражала эта идиотическая манера задавать вопросы, ответ на которые заранее известен. Надеюсь, вы не рассчитывали, что я стану отпираться?

Птичье лицо инспектора с каждым мгновением все больше наливалось краской. Он бросил взгляд на Берна и сообщил:

— Я с большим вниманием изучал ваши передвижения в тот день, Берн, и не думайте, что вы сможете сбить меня с толку вашей болтовней. Я знаю, что эта женщина приплыла вместе с вами на «Мавритании» и прямо с корабля вы отправились с ней в свой номер. Это случилось еще до полудня. Как вы провели время до того, как поднялись в апартаменты к Керку?

Берн продолжал улыбаться. В его воспаленных глазах стояло ледяное спокойствие, которое почти восхищало Эллери.

— О, значит, вы не знаете, инспектор?

— Нет, я…

— Потому что если бы вы знали, — заявил Берн, — то не стали бы меня спрашивать, верно? Забавно, очень забавно. Как ты считаешь,

милая? Этот недостойный полисмен, который призван защищать наших жен, наши дома и нашу честь, не только не знает, но и — о, святая простота! — даже не догадывается! Впрочем, наверное, я выразился не совсем правильно: он догадывается, но не может знать наверняка.

Женщина смотрела на него смущенным и преданным взглядом. Было очевидно, что беглая речь Берна превосходила ее знание английского.

— И вот, запутавшись в уютных лабиринтах нашего англосаксонского законодательства, наш бедный полисмен вынужден признать, что без явных доказательств он так же беспомощен, как дитя без матери, или, — Берн усмехнулся, — как соблазнительная молодая итальянка без своей дуэньи. Верно, инспектор?

После последних слов издателя в комнате наступило мертвое молчание. Эллери, поглядывая на отца, хмуро подумывал о возможных последствиях. Кожа старого джентльмена стала белой, как мрамор, а лицо от судорожно сжавшихся ноздрей казалось еще резче и жестче, чем обычно. Со стороны сержанта Вели тоже исходила явная опасность: его огромные плечи внушительно согнулись, а во взгляде сквозила спокойная угроза, сильно встревожившая Эллери.

Но опасный момент прошел, и инспектор произнес почти бесстрастным тоном:

— Значит, вы утверждаете, что провели весь день в номере вместе с этой женщиной?

Берн, холодно проигнорировав нависшую угрозу, пожал плечами:

— Как еще, по-вашему, мужчина может провести день, когда находится в компании такой милой пташки?

— Я задал вам вопрос, — спокойно напомнил инспектор.

— В таком случае ответ сугубо положительный. — Берн раздвинул губы в язвительной усмешке и спросил: — Ну что, допрос закончен, инспектор? Теперь я могу удалиться со своей очаровательной спутницей? Вежливость прежде всего. Мы не можем заставлять ждать нашу хозяйку.

— Ладно, — буркнул инспектор. — Проваливайте. И поскорее, пока я не стер эту гнусную ухмылку с вашего лица.

— Браво! — воскликнул Берн. — Пойдем, дорогая, кажется, мы здесь больше не нужны. — Он привлек к себе женщину, мягко ее развернул и подтолкнул к двери.

— Но, Фелицио, — пробормотала она, — что

здесь… я не понимаю…

— Не надо меня итальянизировать, дорогая, — заметил Берн. — Для тебя я Феликс. — И они вместе вышли из комнаты.

Некоторое время трое оставшихся в комнате мужчин не произносили ни слова. Инспектор не шевелясь сидел на своем месте и с отсутствующим видом смотрел на дверь. Сержант Вели с трудом переводил дыхание, словно не мог прийти в себя после тяжелой работы.

Потом Эллери спокойно проговорил:

— Брось, папа. Не позволяй этому пьяному болвану действовать тебе на нервы. Хотя, должен признать, сдержаться было трудно. У меня самого вставала шерсть дыбом на спине, как у первобытного человека… Ну ладно, папа, не сиди с таким лицом прошу тебя.

— За последние двадцать лет, — медленно протянул инспектор, — это первый человек, которого мне захотелось убить собственными руками. Последним был парень, который изнасиловал собственную дочь; но тот, по крайней мере, был сумасшедшим.

Сержант Вели что-то глухо пробормотал себе под нос. Эллери взял отца за руку:

— Хватит, хватит! Я хочу, чтобы ты кое-что для

меня сделал, папа.

Инспектор со вздохом повернулся к нему:

— Что еще?

— Ты не мог бы под каким-нибудь предлогом вытащить из номера эту дамочку Сивел, скажем, сегодня вечером? И заодно убрать с дороги ее горничную?

— Хм. А зачем? — заинтересовался инспектор.

— У меня появилась одна идея, — сообщил Эллери, задумчиво затягиваясь сигаретой, — насчет того призрачного проблеска, о котором я упомянул несколько минут назад.

Глава 13
СЦЕНА В БУДУАРЕ

Мистер Эллери Квин, чье детство отнюдь не проходило в темных кварталах космополиса, где вырастают неуловимые и ловкие грабители, способные без особого труда проскальзывать из одного дома в другой и при этом выходить сухими из воды, нервно оглядел коридор на двадцать первом этаже отеля «Чэнселор». Путь был чист, и он, чувствуя мурашки на теле под широким плащом, вставил ключ во входную дверь номера мисс Левис. Защелка замка громко взвизгнула, и он толкнул дверь.

В прихожей стоял чернильный мрак. Эллери застыл на месте и прислушался с таким напряжением, что у него заболели уши. Но в номере было абсолютно тихо.

Обозвав себя трусливым дураком, он смело двинулся вперед и направился к той точке на стене, где, как ему помнилось, находился выключатель. Вскоре, пошарив в темноте, нащупал и нажал тумблер. Прихожая воскресла из тьмы. Чтобы сориентироваться, он бросил быстрый взгляд

на салон, в конце которого находилась дверь в гостиную, потом снова выключил свет и направился к дальней двери. Споткнувшись о какую-то банкетку, он выругался и изо всех сил замахал руками, стараясь сохранить равновесие. Но в конце концов добрался до цели, открыл дверь и проскользнул в гостиную.

При тусклом свете рекламы, мигающей на другой стороне улицы, Эллери разглядел дверь в спальню и направился к ней.

Дверь была полуоткрыта. Он просунул в нее голову, затаил дыхание, ничего не услышал и вошел в комнату, прикрыв за собой дверь.

«Все не так уж плохо, — сказал себе Квин, усмехнувшись в темноте. — Возможно, во мне умер великий грабитель. Но где, черт возьми, этот выключатель?»

Он оглядывался в зыбком прыгающем свете, напрягая глаза.

— А, вот он где, — произнес вслух и протянул руку к стене.

Но его рука застыла в воздухе. По спине пробежал мгновенный холодок. Тысячи мыслей в одну секунду промелькнули в его голове. Но Эллери не шевельнулся и даже перестал дышать.

Кто-то открыл входную дверь. В этом не было

никаких сомнений. Он услышал громкий скрип несмазанных петель.

Потом раздался шум приближающихся шагов, и Квин, опустив руку и тихо развернувшись, шагнул к шелковой японской ширме, которую приметил во время поисков выключателя. Спрятавшись за ней, он как можно ниже согнулся в укрытии и затаил дыхание.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он услышал металлический звук осторожно поворачиваемой дверной ручки. Кроме этого, различил какое-то шуршание, как будто кто-то шаркнул подошвой о порог. Вслед за этим совершенно отчетливо раздался шум человеческого дыхания. Потом снова щелкнула металлическая ручка — вошедший в спальню закрыл за собой дверь.

Эллери напряженно вглядывался через щель между двумя половинками японской ширмы. К своему удивлению, он почувствовал слабый аромат, какой издает приятно надушенное женское тело. Но потом понял, что этот аромат был здесь еще до того, как он проник в спальню, — в воздухе остался запах самой Ирен Сивел… Его расширенные в темноте зрачки начали различать очертания человеческой фигуры. Это был

мужчина, его силуэт выглядел совсем размытым, и в пульсирующем мраке комнаты он не мог разглядеть даже белого пятна его лица. Человек двигался быстро, но нервозно, без конца вертел головой во все стороны, делал судорожные вздохи и, кажется, готов был разрыдаться.

Потом он вдруг набросился на стоявший у стены туалетный столик и начал в ярости выдвигать из него все ящики, явно пренебрегая шумом, который производили его поиски.

Эллери на цыпочках вышел из-за ширмы и бесшумно проскользнул по толстому китайскому ковру к стене возле двери.

Подняв руку, он произнес спокойным и любезным тоном:

— Эй, привет! — и в то же мгновение нажал на выключатель.

Грабитель подскочил, как на пружине, развернулся и замигал на яркий свет. Поднятый воротник его плаща упал, и Эллери ясно увидел черты его лица.

Это был Дональд Керк.

* * *

Они долго стояли и смотрели друг от друга, словно не верили своим глазам. От изумления

оба потеряли дар речи.

— Так-так, — наконец проговорил Эллери, вздохнув полной грудью и шагнув к неподвижному молодому человеку. — Похоже, вам уже стало намного лучше, верно, Керк? Интересно, какова причина этого чертовски странного ночного визита?

Дональд внезапно расслабился и сник, словно больше ни секунды не мог выносить давившего на него напряжения. Он упал в стоявшее рядом белое плюшевое кресло и дрожащими руками вытащил из пачки сигарету.

— Да, — неожиданно рассмеялся он каким-то отчаянным смехом, — как видите, я здесь. Пойман с поличным, Квин, и не кем-нибудь, а вами.

— Это судьба, — пробормотал Эллери. — Которая к вам сегодня на редкость благосклонна, мой растерянный друг. Какой-нибудь более энергичный детектив первым делом — как это говорится? — взял бы вас в оборот, а уж потом начал бы задавать вопросы. К счастью, будучи чувствительной натурой, я не ношу с собой огнестрельное оружие… У вас ужасно скверная привычка, Керк, прокрадываться в женские спальни посреди ночи. Она может довести вас до беды.

Эллери удобно устроился в мягком шезлонге напротив плюшевого кресла, достал портсигар, извлек из него сигарету и с мечтательным видом закурил.

Некоторое время мужчины задумчиво курили, не спуская друг с друга испытующих взглядов.

Потом Эллери выпустил клуб дыма и произнес:

— Я тоже страдаю бессонницей. Чем вы лечитесь, дружище?

Керк вздохнул:

— Валяйте. Я слушаю.

Эллери протянул:

— Хотите поболтать?

Молодой человек выдавил из себя улыбку:

— Как ни странно, сейчас я совсем не настроен для беседы.

— Действительно, это очень странно. Уютная атмосфера, двое интеллигентных молодых людей, которым ничто не мешает, хорошие сигареты — прекрасный фон для разговора, Керк. Я всегда говорил — хотя некоторым это мнение может показаться чересчур оригинальным, — что Америке нужны не столько хорошие пятицентовые сигары, сколько облагораживающее влияние непринужденного общения. Разве вы не хотите,

чтобы вас облагородили, мой юный варвар?

Издатель выпустил дым из ноздрей. Потом внезапно наклонился вперед, опершись локтями о колени.

— Вы играете со мной, Квин. Чего вы хотите?

— Я могу задать вам тот же самый вопрос, — сухо заметил Эллери.

— Не совсем вас понял.

— Тогда мне придется выразиться более конкретно: что вы с таким рвением искали в столике Ирен Сивел несколько минут назад?

— Я вам не скажу, и покончим с этим, — отрезал Керк, вызывающе пыхнув сигаретой.

— Жаль, — пробормотал Эллери. — Кажется, я утратил свой дар убеждения.

За этим последовало долгое и тяжелое молчание.

— Полагаю, — проговорил наконец Дональд, глядя на ковер, — вы выдадите меня полиции?

— Я? — переспросил Эллери с глубоким удивлением. — Мой дорогой Керк, вы меня огорчаете. Вы же видите, что я совсем не… хм… официальное лицо. Кто я такой, чтобы делать людей несчастными?

Сигарета обожгла Керку пальцы, и он машинально погасил ее в руке.

— Вы хотите сказать, — медленно спросил он, — что не станете ничего предпринимать? И не скажете никому ни слова, Квин?

— Что-то в этом роде, — хмыкнул Эллери.

— Боже, как это мило с вашей стороны! — Керк вскочил на ноги, мгновенно возродившись к жизни. — Чертовски благородно. Квин. Даже не знаю, как мне вас отблагодарить.

— А я знаю.

— О! — протянул молодой человек совсем другим тоном и снова сел.

— Послушайте, вы, несчастный дурачок, — весело заявил Эллери, выбросив окурок в окно. — Неужели вы не видите, что сами замучили себя этой тайной так, что дальше уже некуда? У вас честный и прямой характер, Керк, и интриги вам совсем не к лицу. Почему вы никак не можете вбить в вашу упрямую молодую голову, что ваша самая крупная ошибка во всем этом скверном деле — то, что вы не захотели мне довериться?

— Я это знаю, — пробормотал Дональд.

— Значит, вы все-таки решили взяться за ум? Вы мне расскажете?

Керк поднял измученные глаза:

— Нет.

— Но почему, ради бога?

Молодой человек встал и начал нервно расхаживать по ковру.

— Потому что я не могу. Потому что… — он с трудом проговорил эти слова, — потому что это не моя тайна, Квин.

— А, вот вы о чем, — спокойно ответил Эллери. — Ну, для меня это давно не новость, старина.

Керк резко остановился.

— Что вы… что вам известно? — В его голосе звучали глубокое отчаяние и боль.

Эллери пожал плечами:

— Если бы это была ваша тайна, вы бы уже давно ее выдали. Керк, друг мой, не один мужчина не смог бы позволить женщине, которую он любит, составить о нем весьма неблагоприятное мнение, не попытавшись так или иначе оправдаться, — если только его язык не связан необходимостью защищать кого-то другого.

— Значит, вы не знаете, — пробормотал Керк.

— Защищать кого-то другого, — повторил Эллери, сочувственно глядя на молодого человека. — Я не заслуживал бы моей репутации исследователя человеческих душ, если бы не смог догадаться, что человек, которого вы защищаете, это… ваша сестра Марселла.

— Боже мой, Квин…

— Я прав, не так ли? Все дело в Марселле, да? Она знает, что ей угрожает?

— Нет!

— Я так и думал. А вы спасаете ее от этого. Может быть, от самой себя. Вы смелый парень, Керк. Рыцарь в сверкающих доспехах. Я и не знал, что такие люди еще живут на земле. Полагаю, Кингсли был прав, когда говорил, что эпоха рыцарства никогда не уйдет в прошлое, пока зло остается неотомщенным. Разумеется, это всегда привлекало женскую часть человечества. И ваша маленькая Джози, видимо, не исключение… Нет-нет, Керк, не сжимайте ваши кулаки: я совсем над вами не смеюсь. Я говорю серьезно. Ваш отказ окончательный и бесповоротный, Керк?

Вены на виске Дональда вздулись в толстые узлы. На его лбу выступила испарина. Он прошептал:

— Нет… — но тут же спохватился. — Я хотел сказать — да! — И он замотал головой, как разгоряченная лошадь, которую сдерживает узда обстоятельств.

— Однако я абсолютно уверен, что вы собирались обо всем рассказать «папочке» Квину в день убийства. Но потом мы нашли тело, и вы пошли

на попятную. Ведь вы хотели попросить моего совета, Керк, не так ли?

— Да, но… насчет другого дела. По поводу Левис… Сивел… этой женщины…

— Значит, тайна, касающаяся вашей сестры, не имеет никакого отношения к очаровательной Ирен? — быстро спросил Эллери.

— Нет-нет, я этого не говорил. Ради бога, Эллери, перестаньте меня мучить. Я просто не могу больше сказать ни слова.

Эллери встал и подошел к окну, чтобы бросить взгляд на мерцавшую внизу расщелину улицы. Потом повернулся и небрежно заметил:

— Поскольку мы уже закончили нашу маленькую дискуссию, предлагаю отсюда удалиться, пока не явилась хозяйка этого будуара и не устроила грандиозный шум. Вы готовы?

— Готов, — ответил Керк сдавленным голосом.

Эллери подержал дверь, пока Дональд выходил из комнаты, и выключил свет. В темноте они прошли через номер до входной двери и вышли в коридор. Там не было ни души. Некоторое время оба молча постояли.

Потом Керк угрюмо произнес:

— Ну что ж, спокойной ночи! — и вяло зашагал по коридору к лестнице, не оглядываясь назад.

* * *

Эллери смотрел на его уныло согнутые плечи, пока они не исчезли из вида.

Потом он с беспечным видом развернулся и искоса бросил быстрый взгляд на коридор, который поворачивал за угол за его спиной. Он увидел… Впрочем, смотреть там было совершенно не на что.

Пять долгих минут Эллери ждал, не двигаясь с места. Никто не выходил из-за угла, никто даже не смотрел в его сторону с другого конца коридора. Он напрягал зрение и слух… Но в коридоре было тихо, как в соборе.

Только тогда — на этот раз без всяких колебаний — он сунул дубликат ключа в дверной замок и быстро вернулся в номер Левис.

Но даже в уединении темной комнаты ему было не по себе. Он был уверен, что кого-то все-таки заметил. И, судя по крошечным лодыжкам, этот «кто-то», видевший, как они вышли из номера, была Джози Темпл.

Глава 14
ЧЕЛОВЕК ИЗ ПАРИЖА

В два часа утра мисс Ирен Левис, она же Сивел, стремительно вошла в свой номер, напевая про себя какой-то вальс. Меньше всего она была похожа на женщину, которая провела несколько часов под пристальным вниманием полиции.

В руке она несла маленький пакет, завернутый в коричневую бумагу.

— Люси! — воскликнула она весело. — Люси!

Ее голос эхом отозвался в номере. Но ответа не последовало, и она, пожав плечами, сбросила на пол норковое манто и вошла в гостиную. Все еще напевая, она включила свет и не спеша окинула комнату взглядом своих волшебных карих глаз. Пение резко оборвалось. На ее красивом лице появилось выражение подозрительности. Какое-то шестое чувство смутно подсказало ей, что что-то не так. Она не могла понять, что именно, однако… Ее глаза блеснули, она шагнула вперед, настежь распахнула дверь спальни и включила свет.

В плюшевом кресле лицом к двери, улыбаясь и удобно скрестив ноги, сидел мистер Эллери Квин.

У его локтя стояла пепельница, переполненная окурками.

— Мистер Квин! Что это значит? — спросила Ирен низким, немного хриплым голосом.

— Прекрасное появление, мисс Левис, — весело отозвался Эллери, поднимаясь с кресла. — Я имею в виду игру. А вот реплики были менее удачны. Немного банально, вам не кажется?

— Я вас спрашиваю, что вы делаете в моей спальне в такой ранний час? — резко повторила она.

— Вероятно, под этим вы подразумеваете, что, если бы я пришел в другое время, вы не стали бы возражать? Благодарю вас… — Он потянулся и зевнул. — Мое ожидание затянулось, мисс Левис. Я уже начал думать, что вас положительно очаровало общество моего отца.

Она схватилась за спинку ближайшего стула, и маска спала с ее лица. В руке она по-прежнему держала сверток.

— Значит, это была уловка, — проговорила она медленно. — Он вернул мне драгоценности Керка и продолжал задавать вопросы… — Она скользнула взглядом по мебели, проверяя, все ли на своих местах. Ее глаза слегка расширились, когда она увидела, что в туалетном столике выдвинут ниж-

ний ящик. — Значит, вы нашли, — произнесла она с горечью.

Эллери пожал плечами:

— Вы плохо спрятали, дорогая. Я полагал, что женщина с вашим опытом найдет более надежное место. Да, я нашел, именно поэтому так долго ждал вас в этом чертовом кресле.

Она приблизилась к нему странными, неуверенными шагами, словно не зная, что делать или говорить дальше.

— Да? — пробормотала наконец, находясь уже недалеко от столика.

— Вашего двадцать второго там тоже нет, — заметил Эллери, — так что лучше сядьте, мисс Левис.

Ирен немного побледнела, но ничего не сказала, послушно повернулась и подошла к шезлонгу, в который опустилась с усталым видом.

Эллери начал задумчиво расхаживать по ковру.

— Настало время — если перефразировать бессмертного Моржа — обсудить фундаментальные вопросы. Вы играли в опасную игру, моя дорогая. Теперь вам придется платить по счетам.

— Что вы от меня хотите? — спросила она хрипло; в ее голосе не было вызова.

Эллери бросил на нее пронзительный взгляд:

— Информации. Объяснений… Должен заметить, что я не только искренне удивлен, но и немного разочарован вами, Ирен. Никакого сопротивления, кроме неловкой попытки завладеть двадцать вторым? Ай-ай-ай. Похоже, вы решили, что подчинение — лучшая защита?

— Что мне вам сказать? — Она откинулась назад, и вечернее платье длинными складками заструилось по ее телу. — Вы выиграли. Я была дурой. Voila!

— Хотя джентльмену не подобает говорить такие вещи, — пробормотал Эллери, — я вынужден с вами согласиться. Вы поступили не просто глупо, Ирен, — вы поступили преступно глупо. Держать такие письма в собственной спальне! Почему вы не спрятали их хотя бы в стенной сейф?

— Потому что стенной или любой другой сейф — это первое место, куда заглядывают люди, — ответила она с неестественной улыбкой.

— Намекаете на принцип Дюпена?[20] — Эллери пожал плечами. — Я не говорю уже о том, что

---

[20] ПРИМЕЧАНИЯ: 20

Дюпен — детектив-любитель, персонаж рассказов Эдгара По. В новелле «Похищенное письмо» он высказывает мысль, что труднее всего заметить вещи, которые лежат на виду.

люди вроде вас слишком сильно полагаются на оружие. Наверно, вы считали, что ваш двадцать второй послужит вам достаточной защитой?

— Обычно, — пробормотала она, — я ношу его в моей сумочке.

— Однако сегодня вечером вы, конечно, решили его оставить, поскольку вам предстоял визит в полицию. Понимаю. Возможно, я слишком поспешен в своих выводах, Ирен… Что ж, моя дорогая, уже поздно, и, хотя мне очень приятен наш интимный тет-а-тет, я все-таки предпочел бы выспаться. Почему, — неожиданно спросил он, — вы сменили имя с Сивел на Левис?

— Мне показалось, что это будет забавный псевдоним, — пояснила она спокойно.

— Полагаю, вы заметили, что Левис — это Сивел наоборот?

— А, вы об этом! Конечно. Это было, как… — Она испуганно встала. — Надеюсь, вы не подумали… не заподозрили…

— Что я подумал или заподозрил, милая леди, совершенно не важно. Я всего лишь винтик в машине.

— Но это случилось уже давно, много лет назад, — проговорила она с запинкой. — Уверяю вас, что нет… и не может быть ни малейшей связи

между именем и…

— С этим мы разберемся позже. А теперь, мисс Левис, приступим к делу. Я обнаружил эти письма и копию сертификата. Думаю, излишне говорить, что ваша маленькая игра закончена и вы проиграли.

— Владение этими… слово «документы» будет подходящим термином, мистер Квин? — спросила она с неожиданным блеском в глазах. — Владение этими документами дает вам в руки некоторые доказательства, только и всего. Но вы не можете стереть из моей памяти того, что произошло. Совершенно ясно, что мистер Дональд Керк сам заинтересован в том, чтобы я молчала. Что вы на это скажете?

— Значит, вы все-таки решили защищаться, — улыбнулся Эллери. — Но вы снова ошиблись, дорогая. Ваше слово — слово женщины с криминальным прошлым — ничего не значит против моего, если я засвидетельствую, что эти бумаги находились у вас. А Керк, зная, что больше их у вас нет, в свою очередь охотно подтвердит, что вы его шантажировали. Поэтому…

— О, — улыбнулась женщина, приподняв и вытянув свои длинные белые руки, — но он этого не сделает, мистер Квин.

— Защита продолжается? Прошу прощения за обвинение в глупости. Очевидно, вы хотите сказать, что, независимо от того, есть у вас эти бумаги или нет, Керка прежде всего заботит ваше молчание, а если дело дойдет до ареста и суда, он уже не сможет удержать вас от желания разгласить эту тайну?

— Очень умно, мистер Квин.

— О, не стоит мне льстить. Но позвольте вам возразить, — сухо произнес Эллери, — что во время судебного расследования тайна так или иначе может выйти наружу. Если это произойдет и Керк будет не в силах предотвратить утечку информации, он обрушится на вас со всей яростью и силой разгневанного человека, одержимого местью, и ваше нежное тело, моя дорогая, окажется в тюрьме — а вы еще не знаете, что такое американская тюрьма, — на долгие и долгие годы. Что вы на это скажете, Ирен?

— Если я правильно поняла, — промурлыкала она, подойдя к нему ближе, — вы предлагаете мне entente, дружеское соглашение, мистер Квин? Вы не станете меня преследовать в обмен на мое молчание?

Эллери склонил голову.

— Снова прошу прощения; я недооценил вашу

сообразительность. В самом деле, я хотел предложить… О, прошу вас, не подходите ко мне ближе, дорогая, иначе я могу утратить самоконтроль. В два часа ночи мои моральные качества находятся на самом низком уровне.

— Мы могли бы познакомиться поближе, мистер Квин… к обоюдному удовлетворению.

Эллери вздохнул и поспешно отступил на шаг:

— Господи, где мой спасательный жилет… А я всегда говорил, что все эти хэмметы и уитфилды сильно преувеличивают, уверяя, что у детективов есть неисчерпаемые возможности для удовлетворения своих сексуальных аппетитов. Еще одно убеждение разлетелось в пух и прах… Значит, мы договорились, мисс Левис?

Она смерила его холодным взглядом:

— Договорились. Я действительно была полной дурой.

— Во всяком случае, очаровательной дурой. Бедняга Керк! Представляю, как он натерпелся от вас за это время. Кстати, — пробормотал Эллери, улыбка исчезла с его лица, и в его глазах появилось совсем другое выражение, — насколько хорошо вы знаете этого мужчину?

— Какого мужчину?

— Парижанина.

— О! — Ее лицо снова превратилось в маску. — Не очень хорошо.

— Вы с ним когда-нибудь встречались?

— Один раз. Но тогда он был небрит… вернее, носил бороду. И он ужасно много пил, когда продавал мне эти письма. Я встретилась с ним только для того, чтобы обменять деньги на товар. На одну минуту. Все предварительные переговоры мы вели по переписке.

— Хм. Вы ведь видели лицо жертвы, мисс Левис, когда в день убийства встретили его наверху. — Эллери сделал паузу. Потом медленно спросил: — Тот мужчина из Парижа и убитый — один и тот же человек?

Она в изумлении отступила назад:

— Вы хотите сказать, что этот маленький… Боже милостивый!

— Так что?

— Не знаю, — торопливо ответила она, кусая губы. — Не знаю. Трудно сказать. Без бороды… У него была густая борода, которая почти скрывала все лицо. И он был весь обношенный и грязный, как нищий. Но, возможно…

— Вот как, — нахмурился Эллери. — Я надеялся, что вы опознаете его более уверенно. Значит, вы сомневаетесь?

— Пожалуй, — ответила она с задумчивым видом. — Я не могу сказать наверняка, мистер Квин.

— В таком случае позвольте пожелать вам спокойной ночи и приятных снов. — Эллери взял свой плащ и набросил его на плечи. Женщина все еще задумчиво стояла посреди комнаты, словно завернутое в ткань дерево. — Ах да! Кажется, я кое-что забыл.

— Что забыли?

Эллери подошел к шезлонгу и взял оставленный на нем пакет в коричневой бумаге.

— Драгоценности Дональда Керка. Боже мой! Было бы непростительной ошибкой уйти без них.

Кровь отхлынула от ее лица.

— Вы хотите сказать, — спросила она в ярости, — что собираетесь забрать и это? Вы… грабитель!

— Это очаровательно, дорогая. Гнев очень вам идет. Надеюсь, вы не думали, что я оставлю их на ваше попечение?

— Но у меня не останется ничего, ничего! — Она почти плакала от бешенства. — Все эти месяцы, недели пропали зря. Мои расходы… Я расскажу все! Я обращусь в прессу! Весь мир узнает об

этом!

— А потом проведете лучшую часть оставшейся жизни в тесной камере, среди холодных серых стен, в одежде из грубой — страшно грубой, уверяю вас, — хлопчатобумажной ткани, которая будет натирать вашу кожу? — Эллери грустно покачал головой. — Сомневаюсь. Сейчас вам примерно тридцать пять…

— Тридцать один, черт бы вас побрал!

— Прошу прощения. Тридцать один. Когда вы выйдете из тюрьмы, вам будет… учитывая ваш богатый послужной список… вам дадут…

Задыхаясь, она бросилась в шезлонг.

— Убирайтесь отсюда! — крикнула она. — Вон! Или я выцарапаю вам глаза!

— Господи, вы разбудите соседей, — предупредил Эллери, потом улыбнулся, наклонил голову и удалился, прихватив под мышкой маленький пакет.

* * *

Он потянулся к одному из телефонов возле стойки и разбудил ночного портье, сидевшего в вестибюле отеля «Чэнселор».

— Эй, постойте! — завопил портье. — Вы соображаете, что делаете? Вам известно, что уже

почти половина третьего?

— Полиция, — сухо ответил Эллери, и мужчина осекся, разинув рот. Эллери сказал оператору связи: — Соедините с мистером Дональдом Керком, двадцать второй этаж, пожалуйста. Да, это важно. — Он подождал, насвистывая веселую мелодию. — Кто это? А, Хаббл. Это Эллери Квин… Да-да, именно так: Квин. Дональд Керк у себя?.. В таком случае поднимите его с постели!.. А, Керк. Нет-нет, ничего особенного. Просто у меня хорошие новости. Вы будете рады, что я разбудил вас в столь неприличный час. У меня есть для вас кое-что — назовем это маленьким подарком по случаю вашей помолвки… Нет-нет. Я оставлю его у портье. Позвольте сказать вам, Керк, что ваши проблемы закончились. Да, я насчет мисс М… Вот именно! О, не надо так громко кричать, старина. Что касается И. Л., то мы хорошенько подрезали ей когти. Она больше не будет вас беспокоить. Держитесь от нее подальше, как хороший и послушный мальчик, и посвятите себя — и везет же вам, черт возьми! — даме по имени Джози. Спокойной ночи! — Улыбнувшись, Эллери передал пакет портье и вышел из гостиницы, слегка пошатываясь от усталости, но с приятным чувством человека, отлично выполнившего свою работу.

* * *

Эллери поразил отца и Джуну, появившись за столом инспектора во время его завтрака, иными словами — в очень ранний час.

— Эге, смотрите-ка, кто пришел, — не совсем внятно произнес старый джентльмен, пережевывая тост с яйцом. — Ты не болен, Эл? Наверное, стряслось, что-то ужасное, раз ты поднялся в такую рань?

— Скорее что-то прекрасное, — зевнул Эллери, протирая покрасневшие глаза, и со вздохом опустился в кресло.

— Когда ты пришел?

— Около трех… Джуна, роял-офс, пожалуйста.

— Офс? — подозрительно спросил Джуна. — Какое еще офс?

— Не какое, а какой; общество юнцов с Восемьдесят седьмой улицы явно не идет тебе на пользу. Офс, Джуна, означает яйца на исковерканном французском. Я с удовольствием проглотил бы пару хороших яиц. Встряхни их как следует сверху и тщательно перемешай снизу. В общем, как обычно.

Джуна усмехнулся и ушел на кухню. Инспектор пробурчал:

— Ну?

— Баранки гну, — ответил Эллери, потянувшись за сигаретами. — Счастлив сообщить, что мы достигли явного прогресса.

— Хм. Если ты соизволишь объяснить мне, в чем дело, может быть, я это и пойму.

— Вкратце ситуация такова, — начал Эллери, откинувшись назад и выпуская клуб дыма. — Я попросил тебя убрать с дороги мисс Левис — чертовски, кстати, соблазнительная женщина, — чтобы проверить кое-какие мои догадки. Было очевидно, что она держит Керка на крючке с помощью какой-то компрометирующей улики, которой помахивала перед носом этого несчастного молодого идиота, чтобы держать его в узде, и ради уничтожения которой он готов был пожертвовать остатками своего состояния. Вопрос только, чем она махала у него перед носом? Опять же, было ясно, что это нечто материальное и вещественное. И сей предмет — как я объяснял себе изящным слогом былых времен — находится где-то неподалеку от ее очаровательной персоны. Где? В ее номере, конечно. Она слишком опытна и хитра, чтобы связываться с сейфами и банками, где все регистрируется в книгах. Вот почему я попросил тебя сделать мне одолжение и занять

ее милой беседой на Сентр-стрит, пока я буду обчищать ее номер.

— И без всякого ордера! — воскликнул инспектор. — Это уже второй раз, болван. Когда-нибудь ты влипнешь в хорошенькую историю. А если бы там ничего не оказалось? Кстати, ты нашел эту вещицу?

— Разумеется, нашел. Квин никогда не проигрывает, как говорят на Сентр-стрит.

— Не важно, что там говорят на Сентр-стрит, — проворчал старый джентльмен. — Важно, что тебе скажут в Сити-Холл. Выкладывай!

— Пожалуй, я не стану рассказывать о том, как во время обыска натолкнулся на молодого Керка. Очевидно, нам обоим пришла в голову одна и та же блестящая идея…

— Что?!

— Не надо делать такие глаза; это неприлично. Бедный мальчик совсем отчаялся — по крайней мере, таким он был до половины третьего ночи. Я уложил его в кровать и вернулся в американское логово мисс Левис, чтобы обнаружить… кое-что; а потом долго ждал возвращения восхитительной леди в уже упомянутое логово из полицейской штаб-квартиры, где, я полагаю, ты угощал ее вторым завтраком. Краснея от смущения, я дол-

жен признаться, что мне удалось обратить ее в истинную веру. Представь себе, она даже вернула трофеи, взятые у Керка!

— Удивительно, как тебе удалось до этого додуматься, — проворчал инспектор. — У меня разрывалось сердце, когда я ей их отдавал. Продолжай, продолжай; покажи мне, что это такое было… чем бы это ни было.

— Странная вещь, — протянул Эллери. — Я совершенно не могу вспомнить, куда я их задевал. Мне так дьявольски хотелось спать…

Старый джентльмен вспыхнул:

— Что ты этим хочешь… Господи, Эл, перестань валять дурака. Покажи мне эти бумаги!

— Возможно, — спокойно заметил Эллери, — тебе их лучше не видеть. Я могу сказать тебе, что в них было, и оставить улику при себе.

— Но почему, черт возьми, ты не можешь мне их отдать?

— Потому что ты слишком ревностно служишь закону. Бумаги останутся у меня. А у тебя не будет искушения предать гласности эту печальную и прискорбную историю.

Некоторое время инспектор что-то неразборчиво бормотал себе под нос.

— Ладно, самонадеянный молодой нахал! Я-то

надеялся, что ты сможешь мне помочь… Выкладывай, в чем там дело.

— Сначала ты должен дать мне обещание…

— Вылитая тетя Тили!

— …что это останется между нами. Ты не скажешь никому ни слова — ни прессе, ни твоему комиссару, ни начальнику полиции.

— Господи, должно быть, это что-то грандиозное, — саркастически заметил инспектор. — Ладно, обещаю. Говори, что случилось.

Эллери задумчиво выпустил дым.

— Речь идет о Марселле Керк. Это довольно трагичная история и в то же время хороший образчик тех мерзких делишек, которые проворачивает мисс Левис.

Марселла не так юна и неопытна, как кажется. Несколько лет назад — когда она еще не появлялась в свете — ей встретился один мужчина. Кажется, он был или выдавал себя за американского экспатрианта, который все последние годы жил в Париже среди аборигенов. Но Марселла познакомилась с ним в Нью-Йорке и влюбилась в него по уши. Он был уже не молод и по годам годился ей в отцы, однако Марселла оказалась натурой очень впечатлительной, и ему без труда удалось вскружить ей голову. Короче говоря,

нацелившись, как я думаю, на деньги Керка, он увез ее и тайно обвенчался с ней в Гринвиче.

— Что дальше? — пробурчал инспектор.

— Только после того, как все уже свершилось, Дональд Керк узнал о существовании этого человека, не говоря уж об остальном. Мужчина был известен под именем Куллинана, Говарда Куллинана. Встревоженный Керк провел тайное расследование и узнал, что Куллинан уже женат — у него была жена в Париже.

— Боже милостивый, — вздохнул инспектор.

Эллери продолжил:

— Грязная история — грязная, как этот мир. Судя по всему, никто ни о чем не знал. Даже старый Керк. Дональд нашел Марселлу в Гринвиче одну — мужчина куда-то отлучился, — рассказал ей обо всем, что ему стало известно, и увез бедную девушку обратно, полуживую после всего пережитого. Куллинан, похоже, обладал некоторой долей храбрости; он правильно рассудил, что Керк предпочтет замять дело и не станет обвинять его в двоеженстве. В заключение Керк заплатил ему кругленькую сумму, чтобы тот держал рот на замке.

— Все равно, я не понимаю…

— Не спеши. Худшее еще впереди — это доволь-

но длинная история. Как ты понимаешь, дела и так обстояли довольно скверно. Но Марселла продолжала тайком писать ему письма, как писала и до их побега. Девушка была в отчаянии, вне себя, почти на грани самоубийства. Она боялась даже брату рассказать о том, что произошло на самом деле.

— А, — тихо протянул инспектор. — Она была беременна?

— Вот именно. Что означало совершенно новый поворот во всей истории. Куллинан, само собой, поспешил умыть руки. Беременность Марселлы для него только усложняла дело; он получил свой куш, и больше его ничего не интересовало. Поэтому Марселле, оказавшейся в самом жалком положении, пришлось рассказать обо всем Дональду. Можешь представить себе состояние бедного Керка.

— Я бы не стал его винить, если бы он перерезал этому мерзавцу горло, — прорычал инспектор.

— Забавно, не правда ли? — странно улыбнулся Эллери. — У меня мелькнула та же мысль… Как бы там ни было, он придумал для сестры болезнь, чтобы объяснить все своим друзьям и родственникам, заставил подтвердить диагноз доктора Анджини — он старый друг семьи — и вместе с

доктором увез ее в Европу. Там она родила ребенка, под присмотром одного очень почтенного врача. К несчастью, ребенок родился вполне здоровым и до сих пор живет в Европе под опекой надежной няни.

— Значит, вот на каком крючке Сивел держала Керка, — пробормотал инспектор.

— Хорошенький крючок, не правда ли? Любой мошенник гордился бы такой наживкой… Не знаю точно, как до нее дошли слухи об этой истории, но в конце концов она о ней узнала — возможно, через свои связи в криминальном мире — и вступила в переговоры с Куллинаном, который уже вернулся в Париж и сидел на мели, готовый продать и письма, и брачный контракт. По письмам легко можно было воссоздать всю картину происшедшего… Потом мисс Ирен Левис появилась в отеле «Чэнселор», проделав длинный путь из Франции с единственной целью — выжать из Дональда Керка все до последнего цента. Что случилось дальше, нетрудно догадаться. Бедный Керк попал в ужасное положение…

— Из-за Макгауэна, конечно, — мрачно заметил старый джентльмен.

— Совершенно верно. Марселла, возрожденная силами молодости, понемногу стала приходить

в себя. Никто ни о чем не подозревал. Она почти забыла про всю эту жуткую историю. И тут Макгауэн, лучший друг Керка, внезапно обнаружил, что у Дональда есть красивая взрослая сестра. Между ними вспыхнул роман; они обручились. Следующая сцена: Левис сбрасывает маску, и Керк оказывается меж двух огней.

— Марселла Керк знала о том, что происходит?

— Я уверен, что она не имела об этом ни малейшего понятия. Судя по ее письмам, она немного помешалась от отчаяния и стыда — я имею в виду, в то время, когда была беременна. Вероятно, Керк боялся, что любое упоминание об этом грязном деле может окончательно ее сломать. Не надо забывать, что у Макгауэна, при всей его добросердечности, душа пуританина и сам он вырос в одной из тех щепетильных семеек, которые расторгают помолвку при малейшем намеке на скандал. Бедняга Керк оказался в ловушке.

— А что насчет тех стекляшек, которые он отдал Сивел?

— Шантаж. Это было не совсем то, чего ей хотелось, но она сделала что могла. И сделала не так уж мало, если учесть, что Сивел специализировалась по камням и наверняка имела связи со скупщиками в Амстердаме… Видишь ли, Керку

пришлось передать ей часть своей коллекции, потому что, когда она появилась на сцене, он и так уже находился в стесненных обстоятельствах. Он отдал ей все наличные, какие смог найти, а когда деньги кончились — в отчаянии он занимал даже у Макгауэна, — предложил ей украшения из своей коллекции. В общем, Сивел отхватила солидный куш, можешь в этом не сомневаться. Хотя ты и сам все видел.

— Она заставила написать его эту записку, на тот случай, если что-нибудь пойдет не так? — задумчиво произнес инспектор. — Умно. Думаю, что и просьба выйти за него замуж оказалась там не случайно: если бы ему удалось поправить свои финансовые дела, она обвинила бы его в нарушении обещания. Но потом, когда случилось убийство и в дело вмешалась полиция, дамочка немного испугалась и великодушно уступила Керка его новой возлюбленной. Так-так! И что мы имеем в итоге?

— Насчет убийства? — пробормотал Эллери.

— Ну да.

Эллери встал и подошел к окну.

— Не знаю, — ответил он со смущенным видом. — Действительно, не знаю. Хотя у меня есть одна смутная идея…

— Черт возьми! — Инспектор в сильном возбуждении вскочил с места. — Какие же мы дураки! Послушай, Эл, что мне пришло в голову. — Он стал расхаживать по комнате, сложив руки за спиной и опустив голову. — Меня вдруг осенило. Все сходится. Точно! Слушай. Тот парень, которого пристукнули в «Чэнселоре», был приятелем Марселлы Керк!

Эллери удивился:

— Похоже, ты уловил мою смутную идею. Ты действительно так думаешь?

— Разве это не сводит все концы? — Инспектор взмахнул длинными руками. — Тот парень сидел на мели; мы не смогли его проследить; любовник Марселлы жил в Париже; это вполне возможно… Он приехал сюда, чтобы самому надавить на Керка, понимаешь? Приплыл на корабле; как раз накануне был рейс из Франции… Он в отчаянии; прежде этот тип боялся, пока девушка была беременна и все такое; но теперь ему позарез нужны деньги, и он решает взяться за старое. Приходит в «Чэнселор», чтобы увидеться с Керком… Замечательно! — И вдруг лицо инспектора погасло. — Но Керк узнал бы его, если бы это был он. Возможно…

— Как ни странно, — пробормотал Эллери, —

Керк никогда не встречался с Куллинаном. Он платил ему по почте.

— Но есть еще Марселла… Ты говорил, что она упала в обморок, когда в первый раз увидела жертву?

— Да, но, возможно, это был просто шок.

— С другой стороны, — задумался инспектор, — если бы этот действительно был тот парень из Парижа, она ни за что не призналась бы. Молчала бы. Кстати, а Сивел знала Куллинана в лицо?

— Она уверяет, что видела его только однажды и не в самых удачных обстоятельствах. Говорит, что ни в чем не может быть уверена. Но это действительно хорошая возможность, не стану с тобой спорить.

— Мне это нравится, — зловеще улыбнулся инспектор. — Мне это нравится, Эл. Все концы сходятся. В первый раз в этот чертовом деле у меня появилось чувство, что мы видим… как ты там говоришь, Эл?

— Свет в конце туннеля.

— Вот именно. Все детали складываются в одну картинку. Теперь мы можем установить прямую связь…

— Теоретически, — сухо заметил Эллери.

— Разумеется. Связь между этим мертвым кло-

уном и остальными людьми, замешанными в деле. Причем у каждого из них есть свой мотив для убийства.

— Неужели?

— Возьмем хоть беднягу Керка. В тот день он был в отеле — скорее всего, виделся с этой чертовкой Сивел, которая потребовала встречи. Каким-то образом он узнает, что Куллинан — будем называть его по имени парижского парнишки — ждет его наверху или собирается к нему прийти. Он потихоньку поднимается с двадцать первого этажа наверх, ждет, когда в коридоре будет чисто, проскальзывает в приемную, убивает Куллинана, возвращается обратно… Или возьмем Марселлу. У нее те же самые причины. Как и у старого моржа, доктора Керка. Все хотели одного — заткнуть Куллинану рот. Правда, никто, кроме Дональда и Марселлы, не знал, что совсем рядом находятся два человека, которые посвящены в это дело.

— А Макгауэн? — прищурился Эллери на сигаретный дым.

— Он тоже не исключается, — подтвердил инспектор. — Предположим, Макгауэн узнал о прошлом Марселлы, но решил оставить все при себе… Нет, у меня есть идея получше. Предполо-

жим, что он узнал обо всем от самого Куллинана, который прочитал в газетах о помолвке Макгауэна с Марселлой и стал шантажировать его через переписку…

— Великолепно! — восхитился Эллери.

— Поэтому Макгауэн выманивают его сюда через океан и убивает в…

— В кабинете своего лучшего друга? — Эллери покачал головой. — Не пойдет, папа. Это последнее место, которое он избрал бы для убийства.

— Ладно, — проворчал инспектор, — Макгауэн отпадает. Но у Левис, или Сивел, как бишь там ее зовут, тоже есть мотив. Она появилась в кабинете Керка после убийства, не так ли? Может быть, сделала это для прикрытия? В тот день она совершенно определенно была на двадцать втором этаже. Предположим, что Сивел увидела в приемной Куллинана, солгала, утверждая, будто не может припомнить его внешности, и при этом узнала от него о его планах шантажировать Керка, или Макгауэна, или кого-то другого. Что из этого следует? То, что она убила его, чтобы не делиться с ним добычей или чтобы он не испортил ей игру. Как тебе это?

— Замечательно, — пробормотал Эллери, — так же, как и все твои предыдущие рассуждения. В

классической терминологии ты проявил себя мастером эпического жанра. Но есть одна маленькая деталь, которая опрокидывает твои предположения, особенно если учесть мотив, который, как ты утверждаешь, был у всех этих людей.

— Какая деталь?

— Тот факт, что убийца все перевернул наоборот. Пожалуй, — задумчиво продолжил Эллери, — к этому я добавил бы и еще кое-что. Тот факт, что убийца пронзил африканскими копьями одежду жертвы.

— Тем не менее, — раздраженно возразил инспектор, — я не вижу, каким образом то, что убийца совершил все эти глупости, опрокидывает мою теорию. Она остается в силе.

— Не исключено.

— Но ты так не думаешь?

Эллери взглянул на небо над Восемьдесят седьмой улицей.

— Иногда передо мной мелькает слабый отблеск того, что может быть окончательной истиной. Это чертовски зыбкая вещь. Она ускользает от меня, как мокрое мыло в темноте. Или сон, который видел ночью, но не можешь вспомнить. Пока это все, что я могу сказать.

Наступило долгое молчание. Джуна весело

загремел посудой на кухне.

— Офс! — воскликнул он.

Инспектор упрямо проговорил:

— Я не могу доверять твоим «бликам» или как ты их там называешь. Мне нужна уверенность. Эл, это первая по-настоящему живая ниточка, за которую мы уцепились в нашем деле. — Он подошел к телефону и набрал номер полицейского управления. — Алло. Это инспектор Квин. Позовите мне секретаря… Алло! Билли? Слушай, ты не мог бы прямо сейчас отправить телеграмму префекту полиции в Париже? Запиши текст. «Сообщите полную информацию о Говарде Куллинане, американце, который предположительно живет в Париже. Для удостоверения его личности высылаем фото». Подпиши мое имя и отправь… Что-что? — Инспектор внезапно нагнулся над телефоном, удивленно сощурив пристальный и жесткий взгляд.

Стоящий у окна Эллери повернулся и нахмурил брови.

Старый джентльмен слушал целую вечность. Потом буркнул:

— Отлично. Ясно. Надо действовать быстро, — и, повесив трубку, поспешно набрал оператора связи.

— Что случилось? — с любопытством спросил Эллери.

— Алло! Мне нужен портье отеля… Нет времени рассказывать, Эл. Произошло кое-что важное. Тебе лучше одеться. И побыстрее. Время не ждет.

Эллери посмотрел на отца и, не сказав ни слова, бросился в спальню, сбрасывая на ходу халат.

— Алло! Это портье? Говорит инспектор Квин из Главного полицейского управления… Сержант Вели из отдела убийств там?.. Хорошо, передайте ему трубку… Алло, Томас? Это Квин. Слушай. Мне только что позвонили из управления. Не задерживай того парня… Говорю тебе, нет, олух! Дай ему закончить свое дело… Не задавай мне вопросов, идиот! Ты проверил через узел связи, что он не делал никаких звонков?.. Хорошо. Теперь вот что. Отдай парню сумку, как будто все в порядке, понял? Потом пусть он следует своим инструкциям и отвезет ее на Гранд-Сентрал,[21] где должен встретиться с тем человеком. Проследи за ним и возьми того, кто заберет у него сумку. Будь осторожен, Томас; возможно, это наш парень… Нет-нет! Не надо проверять сумку. Все под контролем. Если ты надолго его задержишь, тот,

---

[21] ПРИМЕЧАНИЯ: 21

Гранд-Сентрал — центральный железнодорожный вокзал в Нью-Йорке.

второй, может что-то заподозрить... Хорошо. Все, я бегу. Буду на Гранд-Сентрал меньше чем через пятнадцать минут. Инспектор бросил трубку на рычаг и крикнул: — Готов?

— Господи, — отозвался Эллери из спальни, — я что, по-твоему, пожарный? Что стряслось, в конце концов?

Он появился в двери гостиной в ботинках с незавязанными шнурками, свисающих подтяжках, расстегнутой рубашке и с галстуком в руке. Джуна разинув рот смотрел на него из кухни.

— Хватай шляпу и плащ, а одеваться закончишь в такси! — заорал инспектор, толкая сына к прихожей. — Вперед! — И он бросился к двери.

Эллери издал какой-то сдавленный звук и заковылял следом, шлепая расхлябанными полуботинками.

— А как же офс? — простонал Джуна.

Ответом ему был грохот башмаков, сбегающих по ступеням лестницы.

Глава 15
ЛОВУШКА

У подъезда, урча мотором, ждала полицейская машина. Один из офицеров стоял на тротуаре и держал открытой дверь.

— Садитесь, инспектор, — пригласил он, быстро отдав честь. — Нам только что сообщили по рации, чтобы мы заехали за вами.

— Слава богу, у кого-то еще варят мозги. Хорошая работа, Шмидт, — буркнул инспектор. — Лоу, Рафтери. Садись сюда, Эл… На Гранд-Сентрал, Раф. И включи сирену.

Они отъехали от тротуара, оставив позади Шмидта, с ревом завернули за угол и помчались на юг, наполняя улицы оглушительным воем сирены.

— А теперь, — выдохнул Эллери, с трудом поместившись между отцом и дверью и пытаясь завязать шнурки, — может быть, ты объяснишь мне, куда мы так несемся под этот чудовищный «Полет Валькирии»?

Инспектор мрачно смотрел вперед, глядя на уличное движение. Казалось, все остальные ма-

шины на дороге стояли на месте. Офицер Рафтери с царственной беспечностью летел по городу, не обращая внимания на радио, зудевшее у него в ухе. Эллери застонал и наклонился еще ниже; они разминулись с каким-то пешеходом, что называется, впритирку.

— Дело вот в чем. Несколько минут назад в «Чэнселоре» появился курьер из «Постал телеграф» и предъявил багажный номерок — обычный латунный жетон, который выдают в гостиничном гардеробе. Гардеробщик нашел сумку, которая значилась под этим номерком. Снимая с нее бирку, он вдруг кое-что вспомнил. Словно его стукнуло, как он говорит. Это была довольно необычная сумка — большой холщовый саквояж, вроде тех, с которыми ездят фермеры. Гардеробщик привык иметь дело с нормальным современным багажом, и эта сумка обратила на себя его внимание.

— Не надо мне объяснять… — пробормотал Эллери, пытаясь завязать галстук.

— Я сам знаю, что мне объяснять, — отрезал инспектор. — По дате на бирке парень увидел, что багаж уже давно лежит в гардеробе — гораздо дольше, чем обычно, потому что чаще всего вещи там надолго не залеживаются, не больше, чем

на одну ночь. Но дата на бирке соответствовала дню убийства.

— Значит, твоя догадка была правильной, — заметил Эллери, неестественно изогнув тело, чтобы натянуть подтяжки. — А что…

— Ты можешь немного помолчать? Хочешь, чтобы я рассказал тебе всю историю или нет? — Инспектор невольно вздрогнул, когда машина с быстротой молнии обогнула «кадиллак». — В общем, гардеробщик вдруг вспомнил того, кто оставил ему саквояж, — по его словам, это был тот самый человек, чью фотографию ему вчера показывал один из детективов. Недавно я приказал ребятам прочесать все гардеробы и камеры хранения, и один из парней Томаса показал ему этот снимок.

— Выходит, это действительно вещи убитого? — спросил Эллери.

— Похоже на то.

— Но почему он сразу не опознал жертву по фотографии? Раз он уж узнал его сегодня…

— Возможно, потому, что вчера эта фотография для него ничего не значила. Он совершенно забыл про нашего маленького толстяка. А сегодня достал саквояж и тут же все вспомнил…

— Звучит достаточно правдоподобно, — про-

бормотал Эллери. — Ну вот! Теперь я наконец оделся. Рафтери, черт вас возьми, будьте поосторожнее… Получается, что вид сумки замкнул в нем цепь ассоциаций, чего не смогла сделать вчерашняя фотография. Хм. Ладно, продолжай.

— Поэтому, — пробурчал инспектор, — будучи смышленым парнем, он задержал у себя курьера и позвонил Наю, гостиничному менеджеру, тому расфуфыренному франту с цветочком. Думаю, он просто хотел снять с себя всякую ответственность. Най и Брюммер, их детектив, выслушали гардеробщика, и Брюммер позвонил в полицию. Наши парни как раз работали в центре города, и звонок перевели на Томаса, который сразу примчался в «Чэнселор». Посыльный снова рассказал, зачем его прислали, и Томас все проверил, позвонив в отделение фирмы, где работал паренек.

Они свернули на Пятьдесят девятую улицу, и сирена расчистила им путь не хуже пулемета.

— Ну, ну? — нетерпеливо спросил Эллери. — Что ему сказали в «Постал телеграф»?

— Менеджер сообщил, что сегодня утром в их отделение прислали небольшой пакет с багажным жетоном и запиской, напечатанной на пишущей машинке. В конверте с запиской лежал пятидолларовый банкнот, а в самой записке

содержалась просьба отправить в «Чэнселор» посыльного с номерком, взять сумку и передать ее автору этого послания возле справочной на верхнем уровне в Гранд-Сентрал. Менеджер пояснил, что их фирма оказывает такие услуги в качестве «персонального сервиса» или что-то в этом роде.

— Господи, — простонал Эллери. — Какая удача! Подпись под запиской, конечно, ни о чем не говорила?

— Ни о чем. Там стояло «Генри Бассет» или еще какое-то вымышленное имя. И разумеется, ни одного слова от руки. Даже подпись напечатана на машинке. Нет, этот парень ничего не упустил. Просто он столкнулся с обстоятельствами, которые не мог предвидеть. — Машина просвистела вокруг Плаза и с ревом понеслась вниз по Пятой авеню посреди уличного движения, которое расступалось перед ними, как по волшебству. — Ему не повезло, что у гардеробщика оказалась такая хорошая память. А иначе все прошло бы как по маслу.

Эллери закурил сигарету и поерзал, стараясь поудобней устроиться на сиденье.

— Вели не открывал сумку?

— Нет времени. Я приказал ему отпустить паренька-рассыльного и позволить ему отвезти

багаж на Гранд-Сентрал. — Инспектор мрачно улыбнулся. — Мы среагировали очень быстро. На вокзале полно наших людей в штатском, и в такой толпе их никто не заметит. Томас мастер в своем деле; он послал одного из ребят на почту, чтобы забрать записку, — это будет важная улика, будь я проклят. На все ушло не больше получаса. Должно сработать.

Они повернули к востоку на Сорок четвертую улицу, чтобы въехать на Гранд-Сентрал через подъезд для такси. Поперечное движение по Мэдисон расступилось перед ними, словно кто-то провел по волосам гребешком, разделив их на прямой пробор. Еще мгновение, и они проскользнули мимо Вандербильта к автомобильному въезду. На перекрестке между Пятидесятой и Сорок четвертой инспектор приказал выключить сирену. Несколько водителей такси рассеянно взглянули на выскочивших из машины Квинов, но больше никто не обратил на них внимания. Офицер Рафтери коснулся козырька, улыбнулся ангельской улыбкой и развернул машину. Оба Квина быстро нырнули в здание вокзала.

* * *

Было еще рано, и публика в Гранд-Сентрал состояла в основном из приезжающих. Огромный зал наполняли привычные звуки, время от времени слышался чей-то гулкий возглас; перед кассами стояла небольшая очередь; носильщики сновали взад и вперед; небольшая толпа ждала у выхода на одну из платформ, из двух других валили прибывшие пассажиры.

Оба Квина неторопливо спустились по мраморной лестнице со стороны Вандербильт-авеню, не спуская глаз с круглой мраморной кабинки в центре терминала — справочного киоска. По синей униформе они легко узнали тощую фигурку паренька из «Постал телеграф», который ждал с северной стороны киоска, поставив на пол большой, почти треугольный саквояж из цветной холстины. Даже с такого расстояния было видно, что парень проявляет все признаки нервозности. Он беспокойно вертел головой во все стороны, и его лицо под синей фуражкой выглядело измученным и бледным.

— Черт бы побрал этого мальчишку, — пробормотал инспектор, когда они ступили на пол. — Он все испортит. Дергается, как кошка.

Они направились к южной стене, где продавали билеты.

— Нам лучше отсюда убраться, Эл. Не дай бог, тот парень нас заметит. Он держится начеку и, вполне возможно, знает нас в лицо. Стоит ему нас увидеть, как он даст деру.

Они свернули к центральному подъезду, выходившему на Сорок четвертую улицу, и, покинув вокзал, встали немного в стороне, чтобы не бросаться в глаза входящим и выходящим пассажирам и в то же время контролировать вход, следить за курьером возле справочной.

— Где Вели? — пробормотал Эллери, закуривая сигарету. Он тоже чувствовал себя очень нервно и выглядел необычно бледным.

— Не волнуйся, он рядом, — ответил инспектор, не сводя глаз с посыльного. — Как и остальные. А, я вижу Хэгстрома. Вон тот, со старым чемоданом. Стоит прямо у киоска и беседует с одним из работников справочной. Молодец парень!

— Который час?

— Посыльный пришел немного рано. Он должен появиться с минуты на минуту.

* * *

Ожидание показалось Эллери бесконечно долгим. Он то и дело переводил взгляд с беспокойного мальчика в синей форме на огромные позолоченные часы, висевшие над справочным киоском. Квин-младший никогда не думал, что одна минута может тянуться так долго и медленно и при этом так здорово выматывать нервы.

Инспектор наблюдал за посыльным у киоска с застывшим выражением лица. Он привык к подобным интерлюдиям и с годами набирая опыт выработал терпение, помогающее ему спокойно ожидать волнующих событий, — качество, которым Эллери оставалось только восхищаться.

Один раз они заметили сержанта Вели. Великан появился на балконе верхнего уровня с восточной стороны и пристальным взглядом окинул зал. Похоже, он сгорбился или на чем-то сидел, потому что снизу казалось, что он не такого уж большого роста.

Время не двигалось с места. Сотни людей входили и выходили из вокзала. Хэгстром отошел от справочного киоска — очевидно, он решил, что задерживаться там дольше неблагоразумно. На его месте мгновенно появился детектив Пигготт,

еще один ветеран личной команды инспектора Квина.

Мальчик ждал.

Мимо пробегали носильщики. Произошла забавная сценка: женщина, волочившая за собой толстую сонную собаку, вступила в перебранку с одним из носильщиков. Потом прибыла знаменитость — миниатюрная женщина с живыми орхидеями и шумной толпой фотографов и репортеров. Она немного попозировала у выхода на платформу номер 24, улыбнулась. Вокруг замерцали вспышки фотокамер. Потом знаменитость исчезла; толпа рассеялась.

Посыльный продолжал ждать.

К этому времени детектив Пигготт уже отошел от круглой будки, и его место занял детектив Риттер, жизнерадостный крепыш с сигарой, который о чем-то громко осведомлялся у одного из седовласых служащих.

Неспешным шагом появился спокойный детектив Джонсон и остановился возле расписания.

А курьер все еще ждал. Эллери, грызя ногти, уже в сотый раз бросил взгляд на часы.

* * *

После двух с половиной часов бесплодного ожидания инспектор поманил пальцем сидящего на балконе сержанта Вели, философски пожал плечами и, не говоря ни слова, направился по мраморному полу к справочному киоску.

Посыльный сидел на саквояже с видом безнадежного смирения; ткань сильна промялась под весом его тела. Он уныло посмотрел на приближавшегося сержанта Вели.

— Ну-ка, слезай отсюда, — проворчал сержант, затем мягко отодвинул паренька в сторону и, подняв сумку, присоединился к инспектору Квину и остальной компании, которая, словно волшебству, материализовалась со всех концов вокзала.

— Что ж, Томас, — проговорил инспектор с кислой улыбкой, — похоже, дело сорвалось. Мы его спугнули. — Он с любопытством посмотрел на сумку.

— Похоже на то, — мрачно согласился сержант. — Но как он догадался, вот что непонятно. Мы ведь нигде не прокололись?

— Нет, ты все сделал отлично, Томас, — пробормотал старый джентльмен. — В любом случае бесполезно плакать над разбитой чашкой.

— Думаю, мы сваляли большого дурака, — заметил Эллери, нахмурив брови. — Он знал, что это ловушка. С самого начала.

— Но откуда, мистер Квин? — удивился Вели.

— Легко быть умным задним числом. Мне уже два часа назад пришло в голову, что человек, приславший конверт с пятидолларовым банкнотом и запиской, достаточно умен, чтобы незаметно держаться на заднем плане.

— И что из этого? — спросил инспектор.

— Ничего, — ответил Эллери. — Как, по-твоему, он должен был поступить? Предоставить дело случаю?

— Не пойму, о чем ты.

— Ради бога, папа, — нетерпеливо огрызнулся Эллери, — ведь он же не идиот! Для него не было ничего проще, чем появиться в вестибюле «Чэнселора» и понаблюдать за гардеробом в тот момент, когда посыльный предъявлял багажный номерок.

Сержант Вели побагровел.

— Черт возьми, — прохрипел он, — я об этом не подумал.

Инспектор бросил на Эллери серьезный взгляд, в котором уверенность смешивалась с горечью.

— Ты прав, так вполне могло случиться, — с

сожалением признал он.

— Ужасно, — покачал головой Эллери. — Я сам об этом не подумал, а потом было уже слишком поздно. Такая чудесная возможность! Хотя я не вижу, что еще мы могли… Он все время настороже. Предусмотрел каждую возможность. Ему ничего не стоило зайти в отель…

— Тем более, — пробормотал Вели, — если он живет в городе.

— Или если он здесь по делам. Это не так уж важно. Он просто хотел посмотреть, как курьер заберет сумку, а потом проследить за ним до Гранд-Сентрал. Так он мог на сто процентов убедиться, что все в порядке.

— И тогда он увидел Ная и Брюммера, потом Томаса, ребят… — Инспектор пожал плечами. — Ладно, что случилось, то случилось. Вернемся в управление и посмотрим, что в сумке. Все-таки какая-то зацепка.

* * *

На обратном пути в город Эллери вдруг воскликнул:

— Какой же я болван! Я круглый идиот! Мне надо провериться у врача!

— Вполне возможно, что ты прав, — сухо ото-

звался инспектор. — Но какая муха тебя укусила? Ты так чешешь свою макушку, словно у тебя блохи завелись.

— Саквояж, папа! До меня только сейчас дошло. Мои умственные способности деградируют с каждым годом. В прежние времена такая мысль мгновенно пришла бы мне в голову… С твоей стороны было абсолютно логично вывести существование гипотетической сумки из того факта, что жертва не является жителем Нью-Йорка. Поэтому ты начал розыски. Но, — Эллери нахмурил брови, — зачем она понадобилась убийце?

— Ты действительно поглупел, — фыркнул инспектор. — По-твоему, зачем? Да, я признаю, что не предусмотрел такой возможности, но если подумать, тут нет ничего удивительного. Убийца принял все меры предосторожности, чтобы мы не могли опознать жертву, верно? А поскольку сумка осталась в отеле и могла попасть в руки полиции, неужели преступник должен был сидеть и ждать сложа руки? Конечно нет! Он боялся — а может, и знал наверняка, — что содержимое саквояжа позволит нам узнать имя убитого!

— В самом деле? — Эллери с сомнением посмотрел на сумку, стоящую у них в ногах.

— Разумеется. Я не понимаю, что ты так раз-

волновался. Странно слышать от тебя такие вопросы!

— Это был чисто риторический вопрос, — пробормотал Эллери, все еще глядя на сумку. — Сам факт существования этого номерка достаточно красноречив. Преступник нашел жетон на теле жертвы, когда после убийства обыскивал его карманы Номерок появился не случайно. Убийца взял его с собой. Но почему он сразу не забрал сумку? Почему так долго ждал?

— От страха, — с презрением пояснил инспектор. — Не хватило смелости. Боялся риска. Тем более, что номерок был из «Чэнселора». Кстати, этот факт наводит меня на мысль, что у нашего парня есть какая-то связь с отелем, Эл. Я хочу сказать — его здесь знают. Он прекрасно понимает, что «Чэнселор» находится под наблюдением. Если бы он был совершенно посторонним человеком, то мог бы спокойно забрать саквояж. Но он испугался, что мы его узнаем.

— Возможно. — Эллери вздохнул. — Мне не терпится запустить руки в эту штуку. Бог знает, что мы там найдем.

— Что ж, ждать осталось недолго, — невозмутимо заметил инспектор. — У меня есть сильное предчувствие, что, хотя мы и прошляпили на-

шего преступника, эта сумочка расскажет нам премиленькую историю.

— Искренне на это надеюсь, — пробормотал Эллери.

* * *

Наконец наступил тожественный момент, когда холщовый саквояж, с виду вполне заурядный и потрепанный, внесли в кабинет инспектора Квина. Дверь тщательно закрыли, пальто и шляпы наспех свалили в углу, и инспектор вместе с Эллери и сержантом Вели с самыми разными чувствами уставились на стоящий посреди стола саквояж.

— Ну что ж, — скомандовал инспектор Квин осипшим голосом, — поехали!

Он взял саквояж и внимательно осмотрел снаружи его грязноватую и изношенную ткань. На саквояже не было никаких эмблем и ярлычков. Металлические застежки немного заржавели. На сгибах виднелись потертые места. И никаких намеков на инициалы или метки.

Сержант Вели пробурчал:

— Явно была в ремонте.

— Да, была, — согласился инспектор. — Томас, дайка мне вон те ключи.

Сержант молча протянул инспектору связку дубликатов и отмычек, висевшую на большом кольце. Инспектор перепробовал полдюжины ключей, прежде чем один из них вошел в заржавленный замочек. Внутри что-то слегка скрипнуло; инспектор с двух сторон разомкнул зажимы, надавил на металлическую пластину в середине, и половинки саквояжа разошлись в стороны.

Эллери и Вели склонились над столом.

Инспектор Квин начал разгружать саквояж с видом фокусника, достающего из своего цилиндра разные предметы. Первое, что он вытащил, был черный альпаковый пиджак, сильно смятый и поношенный, но чистый.

Эллери прищурил глаза.

Старый джентльмен быстро вынимал все новые вещи и раскладывал их кучками на столе. Когда саквояж опустел, он тщательно изучил его изнутри, посмотрел на свет, что-то проворчал, бросил на пол и повернулся к столу.

— При желании мы можем проследить эту вещицу, — заявил он с легким разочарованием в голосе. — Ладно, посмотрим, что мы имеем. Не слишком богато, верно?

Пиджак составлял пару к черным брюкам загра-

ничного пошива. Инспектор примерил их к себе: они как раз подходили к его коротким ногам.

— Похоже, это были его вещи, — пробормотал он. — Черт, в карманах ничего.

— И в пиджаке тоже, — доложил сержант.

— Жилета нет, — задумчиво констатировал инспектор. — Хотя его и не должно быть в летнем костюме. По крайней мере, для таких моделей.

Дальше пошли рубашки — полотняные и хлопчатобумажные, все с отстегивающимися воротничками и, судя по их нетронутому виду, совершенно новые.

Рядом с ними лежали жесткие воротнички, узкие и блестящие, старомодного фасона.

В соседней кучке оказалось несколько носовых платков.

Кусок дешевого мыла, немного легкого белья. Полдюжины пар черных хлопчатобумажных носков. Пара черных поношенных ботинок, старых, с сильно сбитыми носами.

— Что там доктор Праути говорил про его мозолистые ноги? — пробормотал Эллери.

Все вещи в саквояже были недорогими. И все, за исключением костюма и ботинок, совершенно новые, с ярлычками шанхайской галантерейной фабрики.

— Шанхай, — задумчиво произнес инспектор. — Это в Китае, Эл! — добавил он удивленным тоном. — В Китае!

— Я вижу. Что тут удивительного? Это только подтверждает догадку Бюро по розыску без вести пропавших, что убитый не был американцем.

— Мне все-таки кажется… — Инспектор остановился, и в его глазах что-то блеснуло. — Но это же не может быть подставой!

— Ты спрашиваешь или утверждаешь?

— Я думаю, насколько это вероятно.

Эллери поднял брови.

— Вряд ли, раз гардеробщик в «Чэнселоре» утверждает, что именно жертва сдала ему саквояж.

— Наверно, ты прав. Я настроен слишком подозрительно. — Инспектор вздохнул и оглядел ассортимент одежды на своем столе. — Ладно, в любом случае нам есть над чем поработать. Погоди-ка! — Он пристально посмотрел на Эллери. — Как тебя понимать? Разве это не ты всегда толковал про «китайский след» в этом деле? А теперь у тебя такой вид, словно в этом нет ничего особенного. В чем дело?

Эллери пожал плечами:

— Не надо буквально толковать каждое ска-

занное мной слово. Лучше посмотрим на эту Библию.

Он порылся среди вынутых из саквояжа предметов и извлек старую потрепанную книжку без обложки. Вид у нее был такой, словно она служила для кого-то оружием в многочисленных схватках.

— Это не Библия. Просто маленький дешевый требник, — пробормотал он. — А тут что за брошюрки… о, религиозные трактаты! Наш приятель был очень благочестивым джентльменом, папа.

— Благочестивых джентльменов редко находят с разбитыми черепами, — сухо возразил инспектор.

— А это? — Эллери положил книгу и взял другую. — Антикварное издание, Лондон, — «Христианин» Холла Кэйна. А вот «Добрая земля» Перл Бак в оригинальном американском издании — похоже, ее пинком отправили сюда прямо из Пекина. Кто сказал, что близнецы никогда не встречаются?.. Странно.

— Что в этом странного? Он вполне мог читать эту книжку, раз сам приехал из Китая.

Эллери очнулся от своих мыслей.

— О, разумеется! Я просто рассуждал вслух. Речь шла не о книге. — Он замолчал, покусывая

ноготь на большом пальце и глядя на заваленный вещами стол.

— Сдается мне, — с гримасой отвращения проворчал сержант Вели, — что вся эта рухлядь нам ни к чему. Ни одной зацепки на того парня.

— Ну, я бы так не сказал, — возразил инспектор с отсутствующим выражением лица. — Все не так плохо, Томас. Скоро мы выясним, кто он такой. — Он сел за стол и нажал на кнопку. — Я сейчас же протелеграфирую американскому консулу в Шанхае, и бьюсь об заклад, что пройдет совсем немного времени, как мы все узнаем о нашем пареньке. Дальше дело техники.

— Что вы имеете в виду?

— Преступник потратил уйму времени и сил, чтобы сохранить личность жертвы в тайне. Я уверен, что, когда мы узнаем имя убитого, все станет намного проще… Да-да, я вызывал. Отправьте телеграмму американскому консулу в Шанхай, Китай…

* * *

Пока инспектор диктовал текст телеграммы, сержант Вели вышел из офиса. Эллери вытянулся во весь рост в лучшем кресле инспектора, достал сигарету, закурил и затянулся, нахмурив

брови. На его лице появилось странное выражение. Один раз он открыл глаза и оглядел все, что лежало на столе. Потом снова опустил веки. Он все ниже съезжал в кресле, пока не уперся затылком в спинку — это была его любимая поза, которую он принимал в минуты самых глубоких размышлений, — и оставался в таком положении до тех пор, пока секретарь не вышел из кабинета и старый отец не обратился к нему, со смешком потирая руки.

— Что ж, ждать осталось недолго, — объявил он добродушно. — Это вопрос времени. Я уверен, что теперь он у нас в руках, Эл. Все проясняется, если хорошо подумать. Например, наши неудачные поиски среди морских пассажиров. Мы сосредоточились на Атлантике. Это была ошибка. Вероятно, он приплыл по Тихому океану, а потом добрался сюда поездом из Сан-Франциско.

— Тогда почему, — спросил Эллери, — его не узнал какой-нибудь сообразительный служащий транспортной компании, вроде нашего гардеробщика? Кажется, вы хорошенько потрясли железную дорогу?

— Я уже говорил тебе, что это трудная работа. Ничего удивительного. Он был незаметный, как мышь, и никто его не запомнил, только и всего.

Таких людей они видят тысячами каждый день. Теоретически мы должны были его вычислить. Но в жизни не всегда все происходит так, как нам хочется. — Он откинулся на стул, мечтательно глядя на потолок. — Значит, Шанхай? Китай. Похоже, ты был прав.

— Ты о чем?

— Да так, ничего. Просто подумал… Наверно, мы ошибались насчет того парня, Куллинана. Париж никак не связан с Шанхаем. Но скоро придет весточка от Чиаппе, и тогда мы будем знать наверняка. — Он принялся насвистывать какой-то мотив.

Внезапный грохот грубо вернул его к реальности. Подскочив на месте, инспектор вытаращил глаза и увидел, что Эллери уже стоит на ногах.

— Господи, что случилось?

— Ничего особенного, — ответил Эллери. В его голосе слышалось сдержанное ликование. — Абсолютно ничего. Бог в небесах, роса на траве, все прекрасно в этом лучшем из миров… Я знаю.

Инспектор схватился за край стола:

— Что ты знаешь?

— Ответ. Я знаю ответ, будь он проклят!

Инспектор застыл на месте. Эллери словно прирос к полу, его глаза горели от возбуждения.

Несколько раз он энергично кивнул самому себе. Потом улыбнулся, подошел к окну и выглянул наружу.

— Любопытно, — сухо произнес инспектор, — и что же это за ответ?

— Удивительная вещь, — отозвался Эллери, не отворачиваясь от окна. — Просто поразительно, как можно додуматься до разных вещей. Надо только поразмыслить над этим достаточно долгое время, потом — раз! — происходит вспышка, и тебе уже все ясно С самого начала ответ был у нас перед носом, он лез нам в глаза. Каждый день! Это так просто, что просто смешно. Все как на ладони. Я сам с трудом в это верю.

Наступило долгое молчание. Инспектор Квин вздохнул:

— Судя по этой продолжительной паузе, ты не собираешься мне ничего рассказывать.

— Я еще не составил полную картину. Просто нашел ключ ко всей истории. Он объясняет…

Секретарь инспектора принес конверт. Инспектор снова сел.

— Наш мертвец не Куллинан, — пробурчал инспектор. — Это телеграмма от префекта парижской полиции. Чиаппе говорит, что Куллинан в Париже. Сидит без гроша, но живой и невреди-

мый. Вот так. О чем ты говорил?

— Я говорил, — пробормотал Эллери, — что этот ключ объясняет практически все загадки.

Инспектор скептически улыбнулся:

— Все эти штучки наоборот — одежда, мебель и все такое?

— Все.

— Один маленький ключик?

— Один маленький ключик. — Эллери поднялся с кресла и взял пальто и шляпу. — Но есть моменты, которые меня смущают. И пока я их не проясню, лучше не делать резких движений. Так что сейчас я пойду домой, mon père,[22] надену шлепанцы, устроюсь перед камином и буду копать жилу до тех пор, пока не доберусь до самого дна. Пока у меня есть только часть ответа.

Снова воцарилось молчание, и на этот раз в нем чувствовалась неловкость. Раньше они уже не раз ссорились из-за того, что Эллери хранил упрямое молчание до тех пор, пока дело не доходило до окончательной denouement.[23] Ни просьбами, ни угрозами нельзя было добиться от него ни слова объяснений, пока он сам не чувствовал,

---

[22] ПРИМЕЧАНИЯ: 22
Отец (фр.).

[23] ПРИМЕЧАНИЯ: 23
Развязка (фр.).

что выстроил безупречную и неуязвимую аргументацию. Поэтому задавать вопросы было бессмысленно.

И все-таки инспектор чувствовал себя задетым. Вечно одно и то же!

— Скажи хотя бы, что тебя навело на эту мысль? — попросил он раздраженно. — Я, кажется, и сам не круглый идиот, но будь я проклят, если вижу хоть какую-нибудь…

— Сумка.

— Сумка! — Инспектор в ярости посмотрел на крышку своего стола. — Ты же сказал, что ответ всегда был перед нами. А сумку мы нашли пару часов назад.

— Верно, — согласился Эллери, — но эта сумка сыграла двойную роль — она замкнула цепь ассоциаций и подтвердила то, что случилось раньше, пока дело еще не дошло до открытой конфронтации. — Эллери неторопливо направился к двери.

— Говори со мной по-английски! Как ты догадался? Кто жертва?

Эллери рассмеялся:

— Позволь пока не ослеплять тебя моей ментальной пиротехникой. Я не маг и не волшебник. Его имя — наименее важная часть ответа. С другой стороны, его звание…

— Звание!

— Вот именно. Мне кажется, я даже знаю, почему он был убит, хотя еще недостаточно продумал этот вопрос. Сейчас меня больше беспокоит «как», а не «почему».

Инспектор открыл рот.

— Ты хоть понимаешь, о чем ты… Ради бога, что это значит, Эл? Ты, случаем, не спятил?

— Совсем нет. Тут есть какой-то важный момент, но пока я не понимаю, в чем загвоздка. И я буду заниматься этим, пока не найду ответ.

— Но ты прекрасно знаешь, как он был убит!

— Как ни странно, я этого не знаю.

Инспектор раздраженно покусал ногти, не зная, на что решиться.

— Своими загадками ты сведешь меня в могилу. Можно подумать, тебе наплевать даже на то, что ответит американский консул из Шанхая!

— Наплевать.

— Неужели? Ты хочешь сказать, что для тебя не важно, что он узнает про мертвеца?

— Совершенно не важно, — улыбнулся Эллери и направился далее к двери. — Я могу примерно предугадать его ответ.

— Не знаю, кто из нас спятил, я или ты.

— Мы что, ведем дискуссию о сумасшедших?

Брось, папа, ты знаешь, чего от меня можно ждать. Я еще не твердо стою на ногах.

— Ладно, я вижу, мне придется поджариваться на медленном огне. Но ты уверен, что знаешь, кто совершил убийство? Или тебе просто пришла в голову какая-то бредовая идея?

Эллери надвинул шляпу на глаза.

— Знаю ли я, кто это сделал? Почему ты спрашиваешь? Разумеется, я не знаю, кто это сделал.

Инспектор в полном замешательстве откинулся на стул:

— Хорошо, я сдаюсь. Если уж ты начал мне лгать…

— Но я не лгу, — возмутился Эллери. — Я действительно не знаю. Конечно, я могу строить догадки, но… Однако из этого еще не следует, — продолжал он, поджав губы, — что я не узнаю. У меня был отличный старт, просто замечательный. Теперь я должен найти ответ. Было бы странно, если бы после такого…

— Судя по тому, что ты сказал, — с горечью проговорил инспектор, — ты не знаешь ничего существенного. А я подумал, что у тебя действительно появилось кое-что.

— Конечно появилось, — терпеливо ответил Эллери.

— Ладно, тогда скажи, какого черта делали эти африканские копья под одеждой трупа? — Инспектор даже привстал с места, пораженный выражением, появившимся на лице Эллери. — Ради бога! Что с тобой стряслось?

— Копья, — пробормотал Эллери, невидящим взглядом глядя на отца. — Копья.

— Но…

— Теперь я знаю как.

— Я понимаю, но…

Лицо Эллери снова приобрело подвижность. Его скулы затвердели, глаза засияли, а в губах появилась дрожь. Потом он завопил, как безумный:

— Эврика! Вот и ответ! Да здравствуют копья! — И он с криком вылетел из кабинета, оставив за столом ошарашенного и оцепеневшего инспектора.

* * *

Сочиняя свои предыдущие романы, я по дороге потерял одну блестящую идею. Любезные читатели, некогда узнавшие — кажется, с тех пор прошли целые века — о существовании джентльмена по имени Квин и продолжавшие знакомиться с его новыми работами, должны

помнить, что в каждой своей книге я имею обыкновение выбирать одно стратегически важное место и помещать в него своего рода «вызов» читателю.

Но потом что-то произошло. Я и сам точно не знаю что. Но помню, что, когда я закончил очередной роман, один из корректоров, правивших гранки — чрезвычайно наблюдательный господин, — обратил мое внимание на тот факт, что обязательный «вызов» в нем отсутствует. Похоже, я просто забыл его написать. Несколько смущенный, я поспешил восполнить этот пробел, и в последний момент текст появился на нужном месте. Потом меня стали мучить смутные подозрения, и я провел небольшое расследование. Оказалось, что я забыл вставить «вызов» и в своей предыдущей книге. Longa dies non sedavit vulnera mentis,[24] можете мне поверить.

Теперь мой издатель бдительно следит за целостностью моих книг, поэтому я предлагаю вам… свой новый «вызов». Все очень просто. Я утверждаю, что, если вы дошли до этой страницы «Тайны китайского апельсина», то у вас есть все необходимые сведения для разрешения этой

---

[24] ПРИМЕЧАНИЯ: 24

Время не залечивает раны души (перефразированная цитата из «Писем с Понта» Овидия) (лат).

тайны. Иными словами, в ваших силах, здесь и сейчас, разгадать убийство безымянного коротышки в приемной Дональда Керка. Все в ваших руках; все существенные факты налицо. Сможете ли вы собрать их вместе и — разумеется не заглядывая в конец книги, — с помощью логических умозаключений прийти к одному единственно верному решению?

Глава 16
ЭКСПЕРИМЕНТ

Человеческий мозг — странный инструмент. Он очень похож на море, где есть свои отмели и глубины, темные впадины и солнечные гребни. Его волны то накатывают на берег, то снова уползают обратно. Быстрые подводные течения таятся под его поверхностью, которую колеблет легкий ветерок. В глубине его скрыт вечный пульсирующий ритм, похожий на приливы и отливы. У него тоже бывают периоды спада, когда вся его энергия уходит, растворившись где-то в туманной дали, и моменты высшего взлета, во время которых наша мысль, сильная и бесстрашная, легко преодолевает все препятствия.

Иными словами это выразил Дэниел Уэбстер, как-то сказавший, что разум — это мощный рычаг, переворачивающий любую вещь, а мышление — процесс, в котором все человеческие проблемы поочередно находят свое решение. Но для действия рычага нужно усилие, за которым неизбежно следует реакция; и Уэбстер мимоходом замечает, что весь процесс состоит

из чередований и колебаний между периодом инерции и периодом активности.

Мистер Эллери Квин, для которого умственный труд был единственной работой, на собственном опыте установил этот универсальный закон и пришел к выводу, что для того, чтобы пробиться к интеллектуальному свету, нужно сначала пройти через фазу интеллектуального мрака. Случай с загадочным убийством коротышки только лишний раз подтверждал это правило. До последнего дня его мозг на ощупь пробивался сквозь густой туман в напряженных, но бесплодных поисках путеводной звезды. И вдруг яркий свет сам собой брызнул в его зажмуренные глаза.

Он не стал тратить времени и сил на то, чтобы вознести хвалу Хранителю космического равновесия. Реакция наступила. Свет вспыхнул. Но этот свет был еще затемнен остатками тумана. Их следовало рассеять, и сделать это можно было только одним способом — погрузившись в размышления.

И Эллери, будучи человеком логики, глубоко задумался.

* * *

Остаток этого важного дня Эллери провел, завернувшись в свой любимый халат, крепко пропахший табаком и покрытый в разных местах обугленными дырочками — следами ожогов от сигаретных искр. Он сидел в гостиной у камина, приятно гревшего пальцы ног, и, опершись затылком на спинку кресла, смотрел рассеянным взглядом в потолок, машинально бросая в огонь окурки, когда пепел на сигарете добирался до самых пальцев. В этом не было никакой позы — прежде всего, позировать было не для кого, поскольку инспектор хмуро занимался другими делами в Главном управлении, а Джуна сидел в душном мраке какого-то кинотеатра, наблюдая за невероятными приключениями одного из бесчисленных драчливых героев. Кроме того, Эллери совершенно не думал о себе.

Иногда он прищуривал глаза и окидывал взглядом длинные скрещенные мечи, висящие над камином. Это была старая реликвия его отца — подарок инспектору от немецкого друга, с которым он в студенческие годы учился в Гейдельберге. Разумеется, они не имели никакого отношения к волновавшему его делу. Несмот-

ря на это, он разглядывал их долго и серьезно; возможно, в его затуманенных глазах они приобретали зловещую форму копий племени импи с их широкими и острыми лезвиями.

В конце концов он закончил рассматривать мечи и, поглубже устроившись в кресле, с головой ушел в свои мысли.

* * *

В четыре часа дня он вздохнул, встал, покинув скрипнувшее кресло, швырнул в камин последнюю сигарету и подошел к телефону.

— Папа? — произнес Эллери хриплым голосом, когда инспектор взял трубку. — Это я. Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

— Ты где? — резко спросил инспектор.

— Дома. Я…

— Какого черта ты там делаешь?

— Думаю. Послушай, мне…

— О чем? Кажется, ты и так уже решил все загадки. — В голосе инспектора звучала легкая горечь.

— Ладно-ладно, — устало проворчал сын, — оставь этот тон. Прости, если чем-нибудь тебя обидел, я этого не хотел. Я действительно работал. Кстати, есть что-нибудь новое?

— Ничего существенного. Ну, в чем дело? Я занят. Какую-то шлюху застрелили на Пятьдесят пятой улице, и у меня полно работы.

Эллери рассеянно посмотрел на стену над камином.

— У тебя есть на примете какой-нибудь надежный театральный костюмер, которому можно доверить секретное дело, так, чтобы он не проболтался?

— Костюмер? Это еще зачем?

— Небольшой эксперимент в интересах правосудия. Так есть?

— Найдется, если поискать, — пробормотал инспектор. — Вечно эти эксперименты! Джонни Розенцвейг с Сорок девятой как-то делал для меня одну работенку. Думаю, на него можно положиться. Что тебе нужно?

— Модель.

— Что?

— Модель. Не в смысле манекенщицы, — усмехнулся Эллери. — Подойдет и соломенное чучело. Я шучу, папа. Попроси своего друга Розенцвейга, чтобы он сделал манекен в натуральную величину, такого же роста и размера, как тело жертвы.

— Теперь я вижу, что ты точно спятил, — возмутился инспектор. — Ты уверен, что это для дела?

Или ты просто придумываешь какую-нибудь завиральную детективную историю для своего нового романа? Если это так, Эл, я не могу тратить время…

— Нет-нет, я клянусь тебе, это будет самым достойным приношением на алтарь нью-йоркского правосудия. Ты можешь попросить его поторопиться?

— Попробую. Значит, просто кукла с ростом и размером жертвы? — В голосе старого джентльмена послышался сарказм. — И больше ничего? Может быть, вставить ему крепкую челюсть? Или поработать над формой носа?

— Нет, я серьезно. Мне действительно нужно еще кое-что. У тебя есть сведения о весе убитого?

— Разумеется. В отчете доктора Праути.

— Отлично. Я хочу, чтобы вес манекена совпадал с весом жертвы. Ему придется делать тонкую работу. Надо, чтобы он придал примерно тот же вес его конечностям, туловищу и голове. Особенно голове. Это важнее всего. Как ты думаешь, он сможет это сделать?

— Надеюсь. Возможно, ему потребуется помощь доктора Праути.

— И еще одно — скажи ему, что кукла должна быть гибкой.

— То есть?

— Я хочу сказать, что она не должна состоять из одного цельного куска. Когда он будет использовать грузила — железо или свинец, — пусть разместит их по всему телу, с головы до ног. Вставит их отдельно в ступни, ноги, руки, туловище и голову. Так, чтобы у нас получился манекен, точно воспроизводящий тело мертвеца. Это очень важно, папа.

— Думаю, он сможет соединить их какой-нибудь проволокой, — пробормотал инспектор, — чтобы она сгибалась. Что-нибудь еще?

Эллери пожевал нижнюю губу:

— Да. Куклу надо одеть в костюм мертвеца. Я всегда был склонен к театральности.

— Задом наперед?

— Господи, конечно! Манекен должен выглядеть точной копией трупа.

— Слушай, — спросил инспектор, — надеюсь, ты не собираешься устроить этот старый психологический трюк, когда подозреваемый вдруг видит перед собой восставшего из мертвых? Ради бога, Эл, это…

— Никогда бы не подумал, — с грустью отозвался Эллери, — что ты можешь заподозрить меня в таких вещах. Неужели ты действительно столь

низкого обо мне мнения? Разумеется, у меня и в мыслях не было ничего подобного. Это опыт во имя науки, дорогой отец. Никаких фокусов. Про театр я упомянул по другому поводу. Тебе все понятно?

— Не знаю, что ты задумал, но заказ я принял. Куда тебе доставить эту штуку?

— Пусть пришлет домой. Я над ней поработаю.

Инспектор вздохнул.

— Ладно. Согласен. Но иногда мне кажется, все эти размышления, про которые ты говоришь, вредно сказываются на твоей голове. Ха-ха! — И он с грустной усмешкой повесил трубку.

Эллери улыбнулся, выпрямился, зевнул, поплелся в свою спальню, упал на кровать и секунд через шестьдесят заснул.

* * *

Сержант Вели доставил манекен в тот же вечер, в половине десятого.

— Ого! — воскликнул Эллери, смерив взглядом огромный ящик. — Господи, он тяжелый! Вы что, кирпичи в него положили?

— Инспектор сказал, что он должен весить столько же, сколько и труп, мистер Квин, — пояснил сержант. — Все в порядке, дружище, — обра-

тился он к человеку, который помог ему внести ящик. Человек коснулся фуражки и ушел. — Ну вот. Давайте вытащим его оттуда.

Они принялись за работу и под потрясенным взглядом Джуны достали нечто похожее на человека. Фигура была завернута в коричневую бумагу и смахивала на египетскую мумию. Эллери развернул обертку и в изумлении застыл. Манекен выскользнул из рук и начал падать на ковер, медленно сгибая части тела, точь-в-точь как мертвый человек.

— Господи, это он!

На них с улыбкой смотрело маслянистое лицо толстого коротышки.

— Папье-маше! — воскликнул сержант, с гордостью глядя на манекен. — Этот парень Розенцвейг знает свое дело. Он реконструировал лицо по фотографиям, а потом как следует поработал кистями и красками. Взгляните на его волосы!

— Вижу, — пробормотал остолбеневший Эллери.

Сержант оказался прав — это была работа настоящего мастера. Гладкий розоватый череп с легкой опушкой седых волос выглядел как живой. На месте были даже темная вмятина в том месте, на которое пришелся удар кочерги, и же-

леобразные струйки высохшей крови.

— Смотрите, — прошептал Джуна, вытянув тонкую шею. — Брюки на нем надеты задом наперед. И пиджак, и все остальное!

— Так и должно быть. Ну что ж! — Эллери глубоко вздохнул. — Розенцвейг, друг мой, мне остается только воздать вам должное. Кто бы ни был этим гением, я у него в долгу. Лучшей модели для моего опыта просто не придумаешь. Так. Давайте его перенесем…

— Хотите нагнать на них страху? — полюбопытствовал Вели, нагнувшись и взявшись за плечи манекена.

— Нет-нет, Вели; мы не будем так жестоки. Пока посадим его в кресло у двери в спальню. Вот так… Все в порядке, сержант. — Он выпрямился, немного покраснел и посмотрел в суровые глаза великана.

Сержант поскреб подбородок и бросил на него подозрительный взгляд.

— Вы хотите, чтобы я что-то для вас сделал, — проговорил он обвиняющим тоном. — Что-то такое, о чем никто не должен знать.

— Вот именно. Я…

— Похоже, включая и инспектора.

— Ну да, — беспечно ответил Эллери, — почему

бы не сделать ему сюрприз? В его жизни так мало развлечений.

Он взял великана за руку и провел его в прихожую. Джуна, слегка обиженный, удалился на свою кухню. Однако он держал ухо востро, а поэтому услышал, как Эллери что-то бормотал серьезным тоном и в ответ ему, по крайней мере один раз, прозвучало громкое восклицание монументального сержанта. Из прихожей сержант вышел с ошалевшим видом. Хлопнула входная дверь, и Эллери, улыбаясь и потирая руки, снова появился в комнате.

— Джуна!

Не успело это имя слететь с его уст, как Джуна уже стоял рядом, преисполненный преданности и рвения.

— Что вы хотите делать?

— Всему свое время, мой верный помощник с Бейкер-стрит, — ответил Эллери, задумчиво глядя на улыбающееся лицо манекена. — Вы назначаетесь первым ассистентом нашей секретной лаборатории, молодой человек. Сейчас мы одни, без посторонних глаз… — Он строго посмотрел на Джуну. — Ты даешь мне честное джентльменское слово, что все, что произойдет между нами в этой комнате, останется в глубокой тайне, покрытой

мраком? Обещаешь держать язык за зубами?

Джуна кивнул и зажал обеими руками рот.

— Заметано! Итак, с чего начнем? — Эллери покусал большой палец. — Ах да! Принеси мне маленький коврик из чулана, Джуна.

— Коврик? — У Джуны расширились глаза. — Да, сэр!

Он исчез и через мгновение вернулся с названным ковриком.

— Теперь, — Эллери походил по комнате, глядя на стену над камином, — принеси стремянку.

Джуна притащил стремянку. Эллери взобрался на нее с торжественным видом верховного жреца, исполняющего какой-то священный ритуал, снял с держателей длинные запылившиеся мечи и опустил их вниз. Затем положил их рядом со скатанным ковриком и, посмеиваясь, хлопнул в ладоши.

— Дело пошло, Джуна. Теперь исполни свою миссию.

— Миссию?

— Поручение. Облачись в свои священные одежды, о ассистент.

Джуна на мгновение нахмурился, потом улыбнулся, исчез и вернулся в шляпе и пальто.

— Куда нужно идти?

— В скобяную лавку на Сент-Николас-авеню. На это ужасное торжище.

— Да, сэр.

Эллери протянул ему чек:

— Принеси мне, о ассистент, по маленькому мотку всех видов веревок и шнуров, которые ты найдешь в этом месте.

— Слушаюсь.

— Кроме того, — добавил Эллери, сдвинув брови, — мне нужен кусок тонкой проволоки. В поисках Святого Грааля, которые мы предпримем, чтобы обрести истину, нельзя упустить ни одной детали. Comprends?[25]

Джуна бросился бежать.

— Минутку, мой юный оруженосец! Думаю, нам еще понадобится новая метла.

— Зачем?

— Я мог бы дать тебе самый заурядный ответ — чтобы подметать пол, но это было бы явным искажением фактов. Поэтому, мой друг, предлагаю тебе удовольствоваться простым исполнением приказа.

Джуна упрямо покачал головой:

— Но у нас уже есть новая метла.

---

[25] ПРИМЕЧАНИЯ: 25
Понятно? (фр.)

— Нам понадобится еще одна. Надеюсь, с нашей пилой также все в порядке, Джуна?

— Она лежит в чулане, в ящике с инструментами.

— Великолепно. Мы воспользуемся метлами, если нас подведут мечи. Ну что ж, вперед, деревенщина; покажи, на что способны твои ноги!

Джуна состроил зверскую гримасу, ударил себя в грудь и пулей вылетел из комнаты. Эллери сел в кресло и вытянул ноги.

Голова Джуны снова появилась в двери.

— Вы ничего не будете делать, пока я не вернусь, мистер Эл? — спросил он с тревогой.

— Ну что ты, Джуна, — с упреком ответил Эллери.

Джуна снова исчез, а Эллери откинулся в кресле, закрыл глаза и громко рассмеялся.

* * *

В четверть двенадцатого, вернувшись домой усталый, инспектор обнаружил перед камином Джуну и Эллери, занятых какой-то оживленной дискуссией, которая при его появлении сразу же прервалась. Манекен был уже уложен в свой гроб и стоял посреди комнаты. Коврика, мотков бечевки и обеих метел нигде не было заметно.

Даже длинные мечи вернулись на свое обычное место над камином.

— О чем это вы шепчетесь? — проворчал старый джентльмен, бросив шляпу и плащ и подходя к камину, чтобы погреть руки.

— Мы нашли… — с жаром начал Джуна, но Эллери зажал ему ладонью рот.

— Так-то, о ассистент, — проворчал он сурово, — ты держишь свою священную клятву? Папа, я хочу тебе сообщить — вернее, мы хотим тебе сообщить, — что мы добились успеха. Полного, абсолютного, окончательного успеха.

— Неужели? — сухо отозвался инспектор.

— Кажется, тебя это не очень радует?

— Я устал.

— Извини.

Наступила небольшая пауза. Джуна, почувствовав опасность семейной ссоры, выскользнул из комнаты.

— Я говорю вполне серьезно.

— Рад это слышать. — Инспектор с тяжелым вздохом сел и бросил косой взгляд на ящик с манекеном, стоявший посреди комнаты. — Вижу, ты уже поработал со своей моделью.

— О да. Большое спасибо. — Опять наступило молчание. Настроение у Эллери, судя по всему,

упало; он встал, подошел к камину и нервно потрогал один из стоявших на нем металлических подсвечников. — Как дела у твоей проститутки с Сорок пятой улицы?

— Получила пулю в живот, — буркнул инспектор. — Ничего, выкрутится. Мы взяли парня, который ее подстрелил. Чокнутый Макгуайр, сутенер. Это конец его блестящей карьеры.

Снова молчание.

— Ты не хочешь меня спросить, — произнес наконец Эллери жалобным тоном, — что такое «окончательный» успех по Квину?

— Полагаю, — ответил инспектор, потянувшись к своей табакерке, — что если ты нарушил свой обет молчания, то расскажешь обо всем и без моих расспросов.

— Я решил загадку, — скромно объявил Эллери.

— Поздравляю.

— Теперь я знаю всю историю от начала до конца. Все ключевые моменты. Не считая имени убитого, но это как раз не важно. Зато мне известно, кто его убил, зачем и, главное, каким способом.

Инспектор никак не отреагировал. Он сложил руки за затылком и мрачно уставился на огонь.

Эллери неожиданно улыбнулся, взял стул, переставил его к камину и сел. Затем откинулся на спинку и похлопал отца по колену.

— Ладно, старый ворчун, — рассмеялся он, — хватит на меня дуться. Я вижу, что ты валяешь дурака. Я готов тебе все рассказать, потому что абсолютно убежден… Или, может быть, ты не хочешь?..

— Как тебе угодно, — хмуро буркнул инспектор.

Эллери зажал руки между коленей, наклонился вперед и начал свой рассказ.

Он говорил почти час. Все это время инспектор сидел неподвижно, поджав губы и слегка нахмурив лоб, и пристально смотрел в камин.

В конце концов на его лице появилась широкая улыбка, и он воскликнул:

— Будь я проклят, черт меня дери!

Глава 17
ВЗГЛЯД НАЗАД

За всю свою богатую карьеру мистер Эллери Квин никогда так тщательно не готовился к решающей схватке, как на следующее утро после своего великого эксперимента. На этот раз, в виде исключения, в деле участвовал и инспектор Квин.

Почему они решили принять такие меры предосторожности и проявить такую необыкновенную дотошность, никто из них объяснять не собирался. Единственный человек, который мог бы пролить свет на эту тайну, бесследно пропал. Сержанта Вели, который обычно был душой подобных операций, нигде не могли найти. И инспектор Квин, опять же в виде исключения, совершенно спокойно отнесся к его исчезновению.

Когда подготовка была закончена, дело пошло как по маслу. Рано утром в доме у каждого, кто был так или иначе связан с этим преступлением, появился мрачный детектив из Главного полицейского управления и объявил, что с этой минуты он является их бесплатным телохра-

нителем. Никаких разъяснений и объяснений на этот счет не приводилось. Каждый детектив сухо замечал: «По распоряжению инспектора Квина», — и затем хранил полное молчание.

Немного позже, когда часы уже показывали десять, в приемной Дональда Керка — то есть на месте преступления — стали появляться удивленные и слегка растерянные люди. Доктора Керка — как обычно, в меру раздраженного — под бдительным оком детектива Хэгстрома вкатила подавленная мисс Диверси. Дональд Керк и его сестра Марселла вошли в сопровождении детектива Риттера. Мисс Темпл, одетая во что-то розовато-лиловое, появилась вместе с детективом Хессе. Гленн Макгауэн, недовольный, но не протестующий, шествовал под присмотром детектива Джонсона. Феликсу Берну пришлось прийти в необычно ранний для него час, и его спутником был детектив Пигготт, который, судя по всему, проникся сильной неприязнью к своему подопечному. Инспектор Квин лично составил компанию Ирен Сивел. Осборна привел в приемную плечистый полисмен. Даже Най, менеджер отеля, и Брюммер, местный детектив, оказались под вежливым, но бдительным надзором, так же как миссис Шэйн, дежурная по этажу, и Хаббл,

камердинер и дворецкий Керка.

Когда все собрались, мистер Эллери Квин быстро закрыл дверь, улыбнулся безмолвно рассевшейся компании, бросил профессиональный взгляд на детективов, выстроившихся вдоль стены, кивнул инспектору Квину, который молча занял пост перед дверью в коридор, и вышел на середину комнаты.

В окна проникал бледный утренний свет, тускло сочившийся с хмурого и пасмурного неба. На полу лежал похожий на гроб ящик с неплотно прикрытой крышкой; содержимое этого саркофага было скрыто от глаз, и в его сторону обращалось множество недоуменных взглядов.

— Дамы и господа, — начал мистер Эллери Квин, поставив на край ящика свой аккуратный ботинок. — Думаю, все вы сейчас спрашиваете себя, ради чего мы устроили это маленькое совещание. Не стану томить вас неизвестностью. Мы собрались здесь для того, чтобы разоблачить убийцу человека, который не так давно скончался в этой комнате.

Все застыли на своих местах и смотрели на него как зачарованные. Потом мисс Диверси прошептала: «Значит, вы знаете…» — но тут же прикусила губу и вспыхнула от смущения.

— Замолчите! — рявкнул на нее доктор Керк. — Если я вас правильно понял, Квин, вы хотите устроить одно из тех фантастических представлений по «вынюхиванию» преступника, из-за которых вас считают таким любителем? Должен заметить…

— Не все сразу, пожалуйста, — улыбнулся Эллери. — Да, доктор Керк, именно это я и собираюсь сделать. Назовем это наглядной демонстрацией логического мышления. Или образчиком дедуктивного метода. Или торжеством чистого ума. Что касается вашего вопроса, мисс Диверси, то мы просто обсудим кое-какие интересные моменты и посмотрим, к чему нас это приведет. — Он поднял руку. — Нет-нет, прошу вас, никаких вопросов… Да, пока я не начал. Полагаю, мне не имеет смысла просить убийцу сделать шаг вперед и сэкономить нам массу времени и сил?

Он обвел их серьезным взглядом. Но никто ему не ответил; все с виноватым видом уставились прямо перед собой.

— Хорошо, — произнес Эллери сухим тоном. — Тогда приступим… — Он закурил сигарету и прикрыл глаза. — Ключевым моментом в этом деле был тот удивительный факт, что предметы на месте преступления, включая и одежду

жертвы, были переставлены наоборот или перевернуты вверх дном. Я сказал «удивительный». Действительно, даже мне, человеку, привыкшему к исследованию и решению подобных случаев, это обстоятельство показалось очень необычным. Я думаю, что и сам убийца, задумавший и совершивший это преступление «наоборот», не отдавал себе отчета, насколько замечательной окажется его идея.

После первого шока я стал анализировать факты или, говоря точнее, один факт. Опыт научил меня тому, что преступники редко совершают обдуманные действия — в отличие от тех, которые мы считаем бессознательными, — без определенной цели. Но перед нами был преднамеренный и сознательный акт. Он потребовал от убийцы больших усилий и затраты драгоценного времени. Поэтому я сразу подумал, что за всеми этими действиями стоит конкретная цель и, хотя на первый взгляд поступки преступника выглядят странными, в их основе лежит какой-то разумный план.

Все слушали его с напряженным вниманием.

— Должен признать, — продолжал Эллери, — что до вчерашнего дня суть этого плана от меня ускользала. Сколько я ни пытался проникнуть в

эту тайну, мне не удавалось приблизиться к пониманию того, зачем преступнику понадобился его странный трюк с перестановкой. Я, конечно, понимал, что таким способом он мог намекнуть на какие-то «перевернутые» свойства другого человека, так или иначе связанного с этим делом. Пожалуй, это была единственная зацепка. Но потом я так сильно запутался в филологии, филателии и всякого рода специальных терминах, что уже не раз хотел отказаться от решения этой загадки. Меня занимало множество неразрешимых вопросов. Если все было переставлено наоборот, чтобы указать на другого человека, значит, этот человек должен был быть как-то связан с преступлением. Но что конкретно было в нем наоборот? Кого хотели впутать в это дело? И самое главное — кто переставил все вещи задом наперед? Кто указывал на кого? — Эллери рассмеялся, но остальные хранили гробовое молчание. — Вижу, что вы смущены, и ничуть вас в этом не виню. Я нашел множество всяких ниточек. Каждая из них действительно куда-то вела, но в конце концов приводила в тупик, а не к ясному решению проблемы. Кто переставил вещи — сам убийца или кто-нибудь другой? Может быть, это был случайный свидетель преступления? Если это сделал

сам преступник, значит, он не просто указывал на другого человека, а хотел его подставить. Но такая подстава выглядела слишком туманной и неопределенной, чтобы из нее мог выйти какой-то толк. Если вещи перевернул свидетель, то почему он просто не пришел и не рассказал о том, что знает, а выбрал такой странный и сложный способ указать на настоящего преступника? Эти вопросы осаждали меня со всех сторон. И куда я ни поворачивался, меня ждали только новые загадки.

А потом, — пробормотал Эллери, — я вдруг увидел, как просто обстоит дело и как долго я сам себя водил вокруг пальца. Я совершил одну ошибку. Я неправильно оценил факты. Меня подвела логика. Я не принял во внимание тот поразительный факт, что для перевертывания вещей наоборот существовало два разных объяснения, а не одно!

— Знаете ли, я в не восторге от вашего ораторского мастерства, — неожиданно заговорил Феликс Берн. — Мне кажется, вы толкуете о каких-то чересчур замысловатых вещах или сами не понимаете, что говорите…

— Могу я попросить джентльмена из «Мандарина», — спросил Эллери, — соблюдать спокойствие и тишину? Скоро вы все узнаете, мистер Берн…

Итак, я пришел к выводу, что у загадки есть два возможных решения. О первом я уже упомянул: вещи были переставлены, чтобы указать на какое-то «обратное» свойство человека, замешанного в этом деле. Второе, до сих пор не приходившее мне в голову, — продолжал Эллери, подавшись вперед, — заключалось в том, что кто-то попытался скрыть нечто «обратное» в человеке, замешанном в этом деле!

Он сделал паузу, чтобы закурить новую сигарету. Закрывая ладонями спичку, Эллери бросил пристальный взгляд на своих слушателей. Но на всех лицах было написано только полное замешательство.

— Кажется, это нужно объяснить подробнее, — заявил он, выпустив клуб дыма. — Первая возможность уводила от преступления, вторая — вела к нему. Первая предполагала разоблачение, вторая — сокрытие. Возможно, я лучше проясню дело, задав вам один вопрос: если все на теле жертвы и в комнате было перевернуто вверх дном, то кто мог являться целью этого преднамеренного сокрытия?

— Поскольку одежда на убитом была надета задом наперед, — тихо предположила мисс Темпл, — значит, преступник хотел скрыть ка-

кие-то обстоятельства, касающиеся жертвы.

— Браво, мисс Темпл! Вы попали в самую точку. В этом деле был только один человек, ради которого имело смысл проводить такую маскировку. И этот человек был сам убитый. Иными словами, вместо того чтобы искать «обратные» качества у преступника, совершившего это убийство, или его возможного сообщника, или случайного свидетеля, надо обратить внимание на «перевернутые» свойства самой жертвы.

— Все, что вы говорите, очень мило, — опять вмешался Берн, — но я по-прежнему не вижу…

— Как сказал Гомер, — перебил его Эллери, — «света дневного нам дай, и сразу умолкнет Аякс». Классика для любителя классики, мистер Берн… Само собой напрашивается вопрос: в чем могут заключаться «перевернутые» свойства жертвы, которые имеют такое важное значение? Касаются ли они самого убитого? Если исходить из нашей теории, жертва обладала каким-то признаком, который преступник хотел спрятать, утаить, замаскировать. Иначе говоря, если у жертвы была одна единственная вещь шиворот-навыворот, то преступнику пришлось переставить все предметы, которые находилось на нем или вокруг него, чтобы скрыть эту единственную вещь, — и чтобы

никто не мог догадаться, ради чего он предпринял всю перестановку.

На лице издателя появилось странное выражение, и он откинулся в кресле с поджатыми губами. Потом посмотрел на Эллери каким-то новым, слегка растерянным взглядом.

— Дойдя до этого пункта рассуждений, — невозмутимо продолжал Эллери, — я почувствовал твердую почву под ногами. У меня появился реальный материал, над которым можно было работать, моя первая серьезная зацепка. Она сразу подтвердила все, что случилось прежде, и туман вокруг меня рассеялся, как по волшебству. Оставалось только спросить себя не было ли на теле жертвы какой-то вещи, которая могла бы сойти за эту исходную «перевернутую» деталь и которую преступник намеревался скрыть, перевернув все предметы в комнате задом наперед? За вопросом сразу последовал ответ. Такая вещь была.

— Улика? — пробормотал Макгауэн.

— Но я сам видел тело… — недоуменным тоном начал Дональд Керк.

— Прошу вас, успокойтесь, джентльмены. Всему свое время. Что это была за вещь и что это была за улика? Ответ заключается в том, что ни

на теле жертвы, ни на месте преступления не было галстука!

Если бы Эллери крикнул во весь голос слово «абракадабра!», он не мог бы вызвать большего удивления и замешательства на лицах своих слушателей.

— Не было галстука? — пробормотал Дональд. — Но каким образом…

— Естественно предположить, — терпеливо продолжил Эллери, — что убитый носил галстук, но убийца забрал его с собой, потому что тот каким-то образом мог идентифицировать жертву или навести на ее след. Но теперь для меня стало очевидно, что никакого галстука не было вообще, потому что жертва не носила галстук! Вспомните, что, когда он говорил с миссис Шэйн, а потом с мистером Осборном в присутствии мисс Диверси, на нем был шарф, плотно обмотанный вокруг шеи. Другими словами, убийце не нужно было уносить галстук, потому что его не было!

— В лучшем случае, — возразил доктор Керк, против воли увлеченный разговором, — это не более чем логическое умозаключение, Квин. Гипотеза не всегда оказывается верной.

— Эта гипотеза, мой дорогой доктор, неизбежно вытекает из того факта, что перестановка шиво-

рот-навыворот была предпринята для сокрытия какой-то улики. Впрочем, я согласен с тем, что самой по себе моей теории было недостаточно. К счастью, появилась одна деталь, которая подтвердила мои предположения. — Эллери вкратце передал историю с холщовым саквояжем и перечислил его содержимое. — В саквояже жертвы лежала вся необходимая одежда, от костюма до ботинок, недоставало только одной детали туалета — галстука. После этого я перестал сомневаться в том, что галстука на месте преступления не оказалось просто потому, что убитый не имел обыкновения его носить. Вы меня понимаете?

— Хм, — пробормотал доктор Керк. — Пожалуй, это действительно подтверждает вашу мысль. Человек, который никогда не носит галстуков…

— Дальше все было проще простого. — Эллери пожал плечами и взмахнул своей сигаретой. — Я спросил себя: какой человек никогда не носит галстуков, хотя в остальном одевается как все?

— Священник! — вырвалось у Марселлы. Она смутилась и залилась краской.

— Абсолютно верно, мисс Керк. Католический священник — или, говоря точнее, священник католической или епископальной церкви. А потом я вспомнил кое-что еще. Все три свидетеля,

которые виделись и разговаривали с жертвой, отмечали его странную манеру говорить. Его речь звучала необычно мягко, со слащавой, почти елейной интонацией. И хотя эта деталь ни в коем случае не является решающей — я бы даже не назвал ее серьезной подсказкой, — она вполне соответствует тому образу священника, который я вывел дедуктивным способом. Кроме того, в его саквояже лежали потрепанный требник и религиозные брошюры… У меня не осталось никаких сомнений.

Это было основой моих дальнейших рассуждений, когда я начал разматывать события в обратную сторону. На какое «перевернутое» свойство — которое следовало спрятать, замаскировать под безразличной перевернутостью остальных предметов — указывает отсутствие галстука? И тут меня осенило. Католические и епископальные священники носят свои воротнички задом наперед!

Наступило глубокое молчание. Инспектор Квин, не шелохнувшись, стоял у коридорной двери. Его взгляд был загадочно устремлен на противоположную дверь, которая вела в кабинет Керка и сейчас была закрыта.

— Наконец, я начал понимать, в чем заключал-

ся «перевернутый» смысл этого преступления, — вздохнул Эллери. — Убийца все переставил шиворот-навыворот, чтобы скрыть тот факт, что убитый был священником; или, иначе говоря, тот факт, что он ходил без галстука и носил воротничок задом наперед.

Все, словно по команде, ожили и заговорили разом. Сквозь общий шум пробился голос мисс Темпл:

— Здесь что-то не сходится, мистер Квин. Это был обыкновенный воротничок, не так ли? Тогда почему бы убийце просто не перевернуть его на шее жертвы так, чтобы он оказался в нормальном положении?

— Прекрасное возражение, — улыбнулся Эллери. — Разумеется, оно тоже пришло мне в голову, как и самому убийце. Между прочим, отсутствие галстука у жертвы оказалось для преступника полной неожиданностью. Совершенно очевидно, что никто из здесь присутствующих не видел этого маленького пухленького человечка до того, как он тихо вышел из лифта на этом этаже. Завернутый в шарф по самый подбородок, он был убит раньше, чем убийца понял, что перед ним священник… Но вернемся к нашему вопросу. Если бы преступник просто перевернул

воротничок — вернее, возвратил его в нормальное положение, — тогда этот предмет довольно странно выглядел бы на шее жертвы. А пропажа галстука только заострила бы внимание на той единственной детали одежды, которую убийца хотел скрыть.

— Но какого черта, — спросил Макгауэн, — преступник не решил эту проблему, просто-напросто раздобыв где-нибудь галстук и повесив его на шею жертвы?

— Действительно, почему? — отозвался Эллери с блеском в глазах. — Такой вопрос тоже приходил мне в голову. На самом деле это одно из самых важных звеньев во всей логической конструкции! Сейчас я не могу ответить на ваш вопрос полностью, но позже вы увидите, что убийца не мог найти галстук. Само собой, если он был мужчиной, — Эллери улыбнулся, — то не стал бы использовать собственный галстук, потому что потом ему пришлось встречаться с другими людьми. А если он, фигурально выражаясь, был женщиной, то у него вообще не могло быть собственного галстука. Но важнее всего то, что убийца не мог выйти из приемной, как я покажу вам позже. Во всяком случае, можете поверить мне на слово, что лучшим выходом для него было

оставить воротничок на месте — то есть перевернутым наоборот, — а затем, чтобы запутать след, перевернуть все предметы на теле убитого и в комнате, скрыв, таким образом, значение перевернутого воротничка и отсутствующего галстука и сбив с толку полицию. — Эллери сделал паузу, потом спокойно продолжил: — К тому моменту, как я дошел до этого пункта рассуждений, мне стало ясно, что мы имеем дело с человеком блестящего ума и богатого воображения, который, помимо всего прочего, обладает большими способностями к логике и внутренней дисциплиной. Нужно быть своего рода гением, чтобы придумать идею с перевернутой одеждой; и нужно обладать недюжинными мозгами и незаурядным даром рассуждения, чтобы предвидеть, что переворачивания одной только одежды будет недостаточно, поскольку сама странность ее вида привлечет к себе опасное внимание. Вот почему он переставил заодно и мебель, и все передвигаемые предметы, завуалировав тем самым состояние одежды, а значит, и воротничка, что являет прекрасный образец мышления и логики. Я не говорю уже о том, что он отлично справился с самой работой.

— Но даже если вы знаете, что убитый был

священником… — начал Дональд.

— Вы хотите сказать — к чему нас это ведет? — Эллери нахмурил брови. — Конечно, само по себе знание того, что убитый был священником, не является чем-то существенно важным, хотя и сужает область поисков. Однако потом случилась история с саквояжем.

— С саквояжем?

— Да. Я не смог найти багаж убитого; это заслуга инспектора Квина. Преступник тоже знал о его существовании. Обыскав карманы жертвы, он нашел багажный номерок из гостиничного гардероба в «Чэнселоре». Поскольку его главной целью было помешать опознанию жертвы, он должен был взять багаж у гардеробщика, чтобы вещи не попали в руки полиции. Но он боялся. Весь отель находился под наблюдением. Убийца колебался, медлил, откладывал и думал, пока не стало слишком поздно. Потом он разработал план, как получить саквояж с помощью фальшивой записки, пятидолларового банкнота и посыльного из «Пост телеграф». Но мы сразу вышли на его след; тогда, убедившись, что его затея провалилась, он не явился за сумкой в Гранд-Сентрал, и саквояж оказался в наших руках.

Теперь посмотрим, к чему привела фатальная

нерешительность убийцы. Открыв саквояж, мы обнаружили одежду убитого с ярлычками шанхайских магазинов. Большая часть одежды была абсолютно новой, значит, ее недавно приобрели в Китае. Я сопоставил это с тем фактом, что, несмотря на тщательные поиски, мы не обнаружили никаких следов этого человека. Если бы он постоянно жил в Соединенных Штатах и просто возвратился из поездки в Китай, здесь наверняка нашелся бы какой-нибудь друг или родственник, который смог бы его опознать. Так что вполне вероятно, что он был жителем Востока. Но если перед нами католический священник из Китая, что из этого следует? Есть только один большой класс христианских служителей в стране даосизма и буддизма.

— Миссионер, — медленно подсказала мисс Темпл.

Эллери улыбнулся:

— Вы снова правы, мисс Темпл. Я убежден, что наш благожелательный мертвец с мягкой речью и религиозными брошюрками в сумке был католическим миссионером из Китая!

Кто-то громко стукнул в дверь, у которой стоял инспектор Квин, и старый джентльмен, проворно обернувшись, впустил нового посетителя. Им

оказался сержант Вели, как всегда суровый и неприступный на вид.

Эллери пробормотал:

— Прошу прощения, — и поспешил к двери.

Все смотрели, как трое мужчин стали о чем-то оживленно совещаться, не скрывая волнения и возбуждения. Сержант что-то глухо бормотал, у инспектора был торжествующий вид, а Эллери энергично кивал на каждое сказанное слово. Потом из мясистой руки Вели что-то перекочевало в ладонь Эллери, который, повернувшись ко всем спиной, внимательно рассмотрел этот предмет, улыбнулся и спрятал его в карман. Сержант тяжело привалился к двери, возвышаясь, как гора, рядом с инспектором Квином.

— Простите, что прервал нашу беседу, — невозмутимо заметил Эллери, — но сержант Вели только что сделал эпохальное открытие. На чем я остановился? Ах да. Итак, в общих чертах я уже знал, кто был посетителем Дональда Керка. После недолгих размышлений я нашел и ключ — назовем его causus belli[26] — к тому, что подвигло преступника на убийство. Совершенно ясно, что священник не был лично знаком ни с кем из

---

[26] ПРИМЕЧАНИЯ: 26
Повод к войне (лат.).

сидящих в этой комнате. Однако он пришел к Дональду Керку и назвал его по имени. Только три класса людей часто бывают у мистера Керка в этом офисе: собиратели марок, коллекционеры драгоценностей и персоны, связанные с издательским бизнесом, главным образом авторы. Но священник отказался разговаривать о делах с мистером Осборном, доверенным лицом Керка, и даже не назвал своего имени. Это не очень похоже на издательский бизнес, и я подумал, что, скорее всего, причина, которая привела священника к Керку, была связана с одним из его хобби: марками или драгоценностями.

Раз так, миссионер мог явиться либо для того, чтобы продать марки или драгоценности, либо для того, чтобы их купить, — одно из двух. Непритязательность его одежды, род его деятельности и проделанное им долгое путешествие убедили меня в том, что он не был покупателем. Значит, был продавцом. Недаром он напустил на себя такой таинственный вид. У него была марка или драгоценность, которую он хотел продать Дональду Керку — что-то очень ценное, судя по тому, как таинственно посетитель себя вел. Следовательно, его могли убить из-за марки или драгоценности, которую он привез продавать из

Китая. Я прикинул, что, поскольку Керк является специалистом по китайским маркам, в руках миссионера находилась скорее марка, а не драгоценность. Конечно, я ничего не знал наверняка, но это было самым вероятным предположением. Поэтому, утвердившись в своих мыслях, я попросил сержанта Вели обыскать дом убийцы и постараться найти китайскую марку; разумеется, заодно я попросил его обратить внимание и на драгоценности. — Эллери замолчал, чтобы закурить новую сигарету. — Я оказался прав: сержант только что сообщил мне об успехе. Он нашел эту марку.

Кто-то судорожно вздохнул. Но когда Эллери поднял голову, на всех лицах было одинаково непроницаемое выражение.

Он улыбнулся и достал из кармана длинный конверт из манильской бумаги. Из этого конверта он вынул другой, странновато-заграничный на вид и поменьше размером, на котором, очевидно по-китайски, был написан адрес, а в уголке приклеена погашенная марка.

— Мистер Керк и мистер Макгауэн. — Оба мужчины неуверенно встали. — Нам понадобится консультация филателистов. Что вы скажете об этом экземпляре?

Они подошли со смешанным выражением недовольства и любопытства. Керк медленно взял конверт, Макгауэн заглянул через его плечо. Неожиданно оба вскрикнули и тихо заговорили между собой возбужденным тоном.

— Ну как, джентльмены? — спросил Эллери. — Мы ждем вашего приговора. Что это такое?

Марка на конверте представляла собой маленький прямоугольник из тонкой, но плотной бумаги с одноцветной печатью ярко-оранжевого тона. Рисунок в прямоугольной рамке стилизованно изображал свернувшегося дракона. Деноминация марки составляла пять кандаринов. Печать была сделана довольно грубо, а конверт выглядел обтрепанным и пожелтевшим от времени. Само письмо — несколько китайских иероглифов — было написано на внутренней стороне конверта, в старой манере, которой пользовались в Европе и других странах, когда употребляли один и тот же листок для адреса и для письма и аккуратно складывали его так, чтобы адрес оказался сверху.

— Это, — пробормотал Керк, — самая замечательная вещь, которую я когда-либо видел. Потрясающая находка для любого специалиста по Китаю. Это самая ранняя почтовая марка Китая, появившаяся за много лет до первого официаль-

ного выпуска, зафиксированного в стандартном каталоге. Она относится к экспериментальной серии, выпущенной очень малым тиражом и вышедшей из употребления всего через несколько дней. До сих пор не было найдено ни одного экземпляра ни на «обложке», как мы говорим, — то есть на конверте, — ни без нее. Господи, какая красота!

— Ее нет даже в специальных китайских каталогах, — хрипло добавил Макгауэн, пожирая конверт глазами. — О ней смутно упоминается в одном старом трактате о почтовых марках, который ссылается на нее так же, как английские филателисты ссылаются на первую национальную серию в Великобритании, известную как «однопенсовая черная». Боже мой, она прекрасна!

— Вы хотите сказать, — спросил Эллери, — что это очень ценный экземпляр?

— Ценный! — воскликнул Дональд. — Господи, да она ценнее, чем «Британская Гвиана»! Конечно, если это подлинник… Надо провести экспертизу.

— Я думаю, это подлинник. — Макгауэн нахмурил брови. — Тот факт, что она находится на «обложке», отчетливое погашение и текст с

внутренней стороны…

— Сколько она может стоить?

— О, сколько угодно. Любую цену. Обычно все зависит от того, сколько заплатил последний коллекционер. «Гвиана» оценивается в пятьдесят тысяч долларов. — Лицо Керка потемнело. — Если бы у меня было более стабильное финансовое положение, возможно, я отдал бы за нее столько же. Конечно, это огромная цена для любой марки; но, черт возьми, во всем мире нет больше ничего подобного!

— Понятно. Благодарю вас, джентльмены.

Эллери убрал конверт в чехол из манильской бумаги и снова спрятал его в карман. Керк и Макгауэн медленно вернулись на свои места. Долгое время в комнате стояла тишина.

— Будем считать, что эта китайская марка, — подытожил Эллери, — явилась чем-то вроде deux ex machina. Она заставила нашего миссионера проделать долгий путь из Китая; возможно, он нашел ее в каком-то глухом месте, сообразил, что она может обеспечить его роскошью и комфортом на весь остаток дней, распрощался со своим духовным призванием и покинул миссию. Расспросы в Шанхае снабдили его сведениями о крупных коллекционерах китайских почтовых

марок, которые могли бы приобрести подобный раритет; вероятно, что именно там, а может быть, и в Пекине, — но, скорее всего, все-таки в Шанхае, — он узнал о мистере Дональде Керке… и отправился навстречу своей смерти, потому что его убило то самое сокровище, которое он привез с собой. — Эллери замолчал и бросил задумчивый взгляд на могильного вида ящик, стоявший у него в ногах. — Установив личность жертвы — за исключением имени, которое не имело особого значения, — и удовлетворительно решив вопрос о мотивах преступления (хотя и это с логической точки зрения было не так уж важно), я начал думать, причем весьма интенсивно, о личности убийцы.

Долгое время — говоря относительно, конечно, — от меня ускользало решение этого важнейшего вопроса. Я знал, что ответ лежит передо мной, надо только его заметить. Потом вспомнил несколько странных и на первый взгляд необъяснимых деталей преступления, которые никто, включая и меня, так и не смог истолковать. Толчком к решению проблемы стал один случайный вопрос, заданный инспектором. Поставленный эксперимент подтвердил мои догадки. — Эллери неожиданно наклонился и

откинул крышку саркофага.

Сержант Вели молча выступил вперед; вдвоем они подняли манекен и усадили на дне ящика.

Марселла Керк слабо вскрикнула и прижалась к стоявшему рядом с ней Макгауэну. Мисс Диверси шумно проглотила слюну. Мисс Темпл опустила глаза. Миссис Шэйн пробормотала молитву, а мисс Левис слегка покачнулась. Даже мужчины заметно побледнели.

— Не бойтесь, — сказал Эллери, вставая с места. — Это всего лишь моя фантазия плюс довольно интересный образец кукольного искусства. А теперь прошу вас смотреть очень внимательно.

Он подошел к двери, открывающейся в соседний офис, распахнул ее, вышел из комнаты и через мгновение вернулся с тонким, как бумага, индийским ковриком, который лежал перед дверью со стороны офиса. Он аккуратно расстелил коврик на пороге, так, чтобы одна треть оказалась в приемной, а две трети — в кабинете. Затем выпрямился, вынул из правого кармана моток тонкой, но крепкой на вид веревки и показал его всем присутствующим. Кивнув и улыбнувшись, он отмерил одну треть от всей длины мотка. В этом месте он обернул веревку вокруг выступающей металлической ручки на щеколде, которая

торчала на двери со стороны приемной. Веревка теперь свисала с выступа двумя концами, длинным и коротким, держась на нем одним только витком. Он жестами продемонстрировал, что узла на веревке нет. Взяв короткий конец, Эллери просунул его через щель под дверью и повыше коврика в соседний кабинет. Затем затворил дверь, не прикасаясь к защелке. Теперь она была закрыта, но не заперта.

Все следили за его действиями, как дети на кукольном спектакле, — широко открыв глаза и с глубоким интересом. Никто не говорил ни слова; слышались только мягкие звуки от движений Эллери и тяжелое неровное дыхание.

Эллери продолжал свою демонстрацию посреди мертвой тишины. Он отступил назад и посмотрел на две секции книжного шкафа, стоящие по обеим сторонам дверного проема. Некоторое время изучал их взглядом, потом шагнул вперед и стал двигать правую часть шкафа, повернувшись лицом к двери. Отодвинув ее примерно на четыре фута вдоль правой стены, вернулся обратно и начал точно так же толкать вторую часть шкафа, стоящую слева от проема. Он толкал и тянул ее до тех пор, пока не развернул всю секцию в глубину комнаты, так что ее левый

конец уперся в дверные петли, а правый отошел на небольшое расстояние от стены и образовал острый угол с дверью. После этого отступил назад и с удовлетворением кивнул.

— Как видите, — произнес он среди общего молчания, — полки сейчас стоят именно так, как мы нашли их в день убийства.

Сержант Вели, словно услышав какую-то команду, наклонился и вытащил манекен из ящика. Несмотря на его тяжесть, он нес его так, словно держал на руках ребенка. Теперь все заметили, что на манекене одежда мертвеца и костюм на нем надет задом наперед. Эллери что-то тихо шепнул сержанту, и Вели поставил манекен на ноги. Он сбалансировал его в стоячем положении, после чего кукла застыла в гротескной позе, нелепо вывернув один палец.

— Отпустите его, сержант, — велел Эллери.

Все уставились на манекен. Вели убрал руки, и манекен начало плавно оседать, вертикально опускаясь на пол, пока не лег бесформенной кучей на том месте, где только что стоял в полный рост.

— Безмускульная инерция мертвого тела, — весело объяснил Эллери. — Хорошая работа, сержант. Мы исходим из предположения, что

rigor mortis еще не наступило. Демонстрация нам это показала. Теперь следующая сцена.

Вели поднял манекен, а Эллери подошел к ящику и вернулся с двумя африканскими копьями, найденными на теле жертвы. Он засунул их под брючины куклы и протянул под пиджаком, пока они не вылезли позади головы, блеснув острыми лезвиями над черепом из папье-маше. Сержант снова перенес манекен и поставил его вертикально в тесном углу между дверью и левой частью шкафа, повернув лицом вправо. Кукла стояла твердо и прямо, наконечники копий, словно рога, торчали у нее за спиной. Ногами она опиралась на край индийского коврика.

Сержант Вели отступил назад с жесткой усмешкой на губах.

Потом Эллери начал делать что-то странное. Он взял один из свисающих концов веревки — это был ее длинный конец — и стал осторожно обматывать им древко ближнего копья, чуть пониже лезвия. Он обмотал его вокруг копья два раза. Все увидели, что веревка, протянутая от копья к щеколде, немного провисла, образовав между ними что-то вроде изящной впадины.

— Прошу заметить, что на веревке вокруг копья нет ни узлов, ни петель, — объявил Эллери.

Затем он наклонился и протолкнул оставшийся конец веревки, свисающий теперь с копья, через щель между лежавшим на пороге ковриком и нижним краем двери, — точно так же, как прежде сделал это с коротким концом, — пока тот не исчез в кабинете.

— Никому не двигаться, — распорядился Эллери, вскочив на ноги. — Просто следите за манекеном и дверью.

Он протянул руку, взялся за ручку на щеколде и мягко потянул к себе дверь. Веревка при этом провисла еще ниже. Когда щель стала достаточно широкой, Эллери наклонился, осторожно пролез под веревкой и, проскользнув в проем двери, исчез в соседней комнате. Дверь за ним аккуратно затворилась, оставшись закрытой, но не запертой.

Все смотрели и ждали.

Секунд тридцать ничего не происходило.

А потом коврик под дверью начал двигаться. Его втягивали из приемной в кабинет через щель под дверью.

Все случившееся дальше застало их врасплох. Они раскрыли рты и забыли их закрыть. Их глаза не верили тому, что казалось настоящим чудом. Все происходило так быстро, что демонстрация

была почти закончена, пока они поняли, в чем заключался ее смысл.

При первом же толчке коврика случилось одновременно несколько вещей. Манекен задрожал и начал падать, причем его насаженное на пики тело заскользило вдоль верхнего края отодвинутого шкафа по направлению к двери и немного в сторону. Но через долю секунды произошло нечто такое, что исправило это боковое скольжение. Веревка, протянутая между пикой и щеколдой, натянулась и потащила манекен к себе, задержав его падение. Какое-то мгновение он покачивался, потом начал валиться лицом вниз, но уже параллельно двери. Веревка между копьем и защелкой натягивалась все туже, пока голова куклы не оказалась в футе от пола. В этот момент веревка сильно напряглась и случилось чудо. Манекен, продолжая падать, потянул за собой веревку, щеколда скользнула в том же направлении, то есть слева направо, и вошла в железную скобу на косяке! Дверь закрылась на щеколду.

Пока они смотрели разинув рты, произошла еще одна вещь, не меньше первой похожая на чудо. Они увидели, как короткий конец веревки начал двигаться, словно кто-то тянул ее с другой стороны двери. На секунду тонкая веревка

напряглась вокруг ручки на щеколде, потом ее резко дернули, и она оборвалась. Поскольку узла на ручке не было, оторванный конец — все еще привязанный к копью — упал между дверью и манекеном. Другой обрывок продолжали тянуть под дверь, пока он не исчез с той стороны.

А потом они увидели, как длинный конец — составляющий две трети от длины веревки и обернутый вокруг копья — сначала натянулся на древке, а потом начал плавно скользить вокруг него, так что лежащий на полу конец, только что упавший со щеколды, становился все короче и короче по мере того, как невидимая рука продолжала тянуть длинную часть веревки в кабинет по ту сторону двери. Наконец, оторванный конец достиг древка, скользнул вокруг на него, упал на пол, и его тут же утянули через щель перед дверью. Секунду спустя коврик, заставивший свалиться манекен, тоже исчез за дверью.

Манекен лежал на полу так же, как тело мертвеца, дверь была закрыта, в приемной не осталось ничего, кроме сдвинутых шкафов и пик, а положение куклы указывало, каким образом можно было закрыть дверь с обратной стороны.

* * *

Эллери быстро прошел по коридору и вернулся в приемную через другую дверь. Все еще молча сидели, глядя на дверь и манекен.

Детективы наготове стояли вдоль стены. Инспектор Квин держал руку возле бокового кармана.

Кто-то поднялся, бледный, как мрачное утреннее небо за окном, и прошептал надтреснутым голосом:

— Но я не понимаю… как… как вы догадались?

— Все дело в копьях, — пояснил Эллери посреди глубоко молчания. — В копьях и в положении двух книжных секций, стоящих по бокам двери. Связав вместе эти факты, я узнал правду. Миссионер был убит не там, где мы его нашли, а в другой части комнаты, — об этом ясно говорили следы крови на полу. Возник вопрос: почему преступник передвинул тело к двери? Очевидно, потому, что оно было ему нужно в этом месте. Следующий вопрос: зачем убийца отодвинул подальше от двери книжные полки, стоявшие с правой стороны? Ответ мог быть только один: чтобы освободить место у стены правее двери. Третий вопрос: почему убийца передвинул полки

с левой стороны так, чтобы они уперлись левым концом в петли двери, а правым смотрели в комнату, образовав острый угол с дверью? Этот вопрос сбивал меня с толку, пока я не вспомнил о копьях…

Копья были протянуты через одежду жертвы с ног до головы. Они сделаны из крепкого дерева и держат тело примерно так же, как тушу животного, которую несут на двух жердях. Они придают телу жесткость и образуют что-то вроде искусственного rigor mortis. Если поставить мертвеца вертикально, он просто сложится на несколько частей и образует на полу бесформенную груду. Но если с помощью копий сделать его твердым и негибким, тогда он упадет сразу и целиком, одной массой. Правые полки были сдвинуты для того, чтобы расчистить место справа от двери. Понятно, что, упав перед дверью, мертвец должен был хотя бы частично оказаться на этом месте. При этом он должен был падать параллельно двери, иначе не имело смысла освобождать пространство рядом с ней. Зачем были сдвинуты левые полки? Почему их решили поставить под таким углом? Я понял, что если поставить мертвеца на ноги возле полок, повернутых таким образом, то при падении он попадет приблизительно на то

самое расчищенное место справа от двери!

Но почему убийца хотел, чтобы тело не только упало, но и упало именно в этом направлении? — Эллери перевел дыхание. — Хотя это и казалось невозможным, я мог дать только один логический ответ: убийца, который передвинул тело из другой части комнаты к двери, хотел, чтобы мертвец при падении что-то сделал с этой дверью… Дальше оставалось только рассмотреть все варианты и провести эксперимент. Единственная вещь, которую можно сделать с дверью и которая может иметь важное значение для преступника, — это ее закрыть; в данном случае запереть на щеколду. Но зачем заставлять мертвеца запирать дверь, если сам убийца мог бы преспокойно закрыть ее изнутри и потом удалиться из приемной через другую — ту, что выходит в коридор?

Тот же надтреснутый голос произнес.

— Я… никогда не думал…

Эллери медленно проговорил:

— Единственный возможный ответ заключался в том, что преступник не мог или не хотел выйти из приемной в коридор. Убийца должен был выйти из комнаты через дверь в кабинет. Он хотел, чтобы все подумали, что он вышел через дверь в коридор, поскольку дверь в кабинет все

это время была заперта, и что, следовательно, человек, который находился в кабинете и не выходил из кабинета в коридор, никак не мог быть преступником!

Джеймс Осборн закрыл лицо руками и простонал:

— Да, я это сделал. Я его убил.

* * *

— Как видите, — спустя мгновение продолжил Эллери, с сожалением глядя на съежившегося человека, в то время как все остальные, оцепенев от ужаса, уставились на Осборна, — загадка была решена с помощью чисто логического анализа. Африканские копья, сдвинутые полки и передвинутое тело говорили о том, что убийца должен был выйти из приемной через дверь в кабинет. Значит, сразу после убийства преступник находился в офисе. Однако, по его собственному признанию, Осборн был единственным человеком, который находился в кабинете в момент убийства! Все посетители — Макгауэн, мисс Сивел, мисс Темпл, мисс Диверси — должны быть исключены, потому что, если бы убийцей был кто-то из них, ему, или ей, пришлось бы покинуть место преступления через дверь в коридор,

причем этот человек мог без труда закрыть дверь приемной, не прибегая к тому сложному механизму, который придумал Осборн. Иначе говоря, всякий, кто мог выйти из приемной через дверь в коридор, мог запереть дверь офиса изнутри без механических приспособлений; поэтому любой, у кого была возможность выйти в коридор, не только не является подозреваемым в убийстве, как мы думали раньше, но, наоборот, признается невиновным.

Единственным человеком, который не мог воспользоваться дверью в коридор — так, чтобы миссис Шэйн не увидела его потом возвращающимся в офис, — был Осборн. Вот почему вы, Осборн, оказались единственным подозреваемым: только для вас имело смысл устраивать трюк с копьями и дверью, и только вам было выгодно создать иллюзию, что преступник вышел из приемной в коридор. Скажите, почему вы просто не ушли из этой комнаты, почему не оставили дверь открытой?

— Потому что, — выдохнул Осборн, — я знал, что буду первым подозреваемым. Но если дверь окажется запертой с другой стороны, они… то есть никогда меня не заподозрите. Я до сих пор не понимаю, как вам…

— Я так и думал, — пробормотал Эллери. — Вы все слишком усложнили, Осборн. Что касается «как», то я действовал методом проб и ошибок, пока не натолкнулся на выигрышную комбинацию; я просто поставил себя на ваше место и представил, что вы могли бы сделать… Теперь вы видите, дамы и господа, почему Осборну не удалось сделать самой простой вещи и раздобыть галстук для мертвого миссионера. Свой он, разумеется, использовать не мог, а другого взять было негде, потому что ему нельзя было выйти из кабинета на глазах миссис Шэйн, даже на минуту. Он мог бы проскользнуть из приемной в коридор, но тогда возникал риск, что он зря потратит драгоценное время и что кто-нибудь заметит его по дороге — если, скажем, он решит купить галстук внизу. В апартаменты Керка он тоже пойти не мог, по той же причине. Сам он живет не в «Чэнселоре» — Керк как-то сказал ему в моем присутствии, чтобы он «шел домой», — поэтому у него не было возможности взять один из своих галстуков… Я думаю, Осборн, что вы сняли с мертвеца его черную фуфайку и спрятали ее где-то в кабинете, а потом сожгли в безопасном месте заодно с другими вещами, найденными у убитого, не так ли?

— Да, — признался Осборн с каким-то странным, почти спокойным вздохом.

Эллери заметил, что мисс Диверси побледнела как полотно и почти готова упасть в обморок.

— Дело в том, — заметил он, — что, если убитый был священником, он должен был не только носить перевернутый воротничок и обходиться без галстука, но и надевать специальное облачение — черную фуфайку, которая доставала ему до горла. Я понял, что преступник унес ее с собой, иначе правда сразу вышла бы наружу; но я догадался об этом, когда было уже слишком поздно. Возможность провести обыск была давно упущена… Осборн, почему вы убили этого ни в чем не повинного человека — вы, который совсем не похож на убийцу? Вряд ли вы получили бы с этого большую прибыль, Осборн; вам пришлось бы продавать марку подпольно. Но даже если бы она стоила пятьдесят тысяч долларов…

— Оззи… Осборн, ради бога, — прошептал Дональд Керк. — Я и представить себе не мог…

— Я сделал это для нее, — ответил Осборн все тем же странно тихим голосом. — Я неудачник. Она была первой женщиной, которая обратила на меня внимание. А я совсем беден. Как-то она сказала, что никогда не выйдет замуж за того, кто

не сможет обеспечить ей… комфорт. Когда подвернулся этот случай… — Он облизал губы. — Это было искушение. Несколько месяцев назад этот человек написал мистеру Керку письмо из Китая. Я прочитал его, поскольку читал всю почту мистера Керка. Он писал об этой марке, о том, что уходит из миссии и возвращается в Нью-Йорк — по происхождению он был американец, — и о том, что собирается продать марку и уйти на покой. Я… я сразу понял, какая это возможность. Если марка была подлинной, она… — Осборн пожал плечами. Все молчали. — Тогда я спланировал все от начала до конца. Я вступил с ним в переписку от имени мистера Керка. Самому мистеру Керку я ничего не сказал. Я даже ей ничего не сказал… Мы довольно долго переписывались. Из его писем я узнал, что в этой стране у него нет ни родственников, ни друзей, которые могли бы начать розыски в случае его исчезновения. Я выяснил, когда он приедет, сказал, в какое время лучше прийти, дал ему несколько советов. Пока он не появился здесь и пока я не убил его… в тот момент, когда с него упал шарф… я понятия не имел, что он священник, без галстука, с перевернутым воротничком. Я думал, что он просто миссионер — обычный миссионер. Какой-нибудь

методист или баптист.

— И что дальше? — мягко поинтересовался Эллери, когда Осборн замолчал.

— Проводив его в эту комнату, я через некоторое время вернулся и сказал, что не сразу догадался, но, похоже, он тот самый человек из Китая. Объяснил, что знаю про эту марку, что мистер Керк говорил мне о ней и все в таком роде. В конце концов, он стал вести себя более дружелюбно, расслабился, сказал, что его братья в китайской миссии тоже знают об этой марке и что он приехал в Америку, чтобы продать ее мистеру Керку. Поэтому, когда я его убил, мне пришлось позаботиться о том, чтобы никто не мог выяснить, кто он такой.

— Почему? — спросил Эллери.

— Потому что если бы полиция смогла проследить его до этой китайской миссии — а это было бы вполне вероятно, если бы они знали, что он священник и только что приехал, — то другие священники рассказали бы об этой марке и о том, зачем он отправился в Америку. Тогда полиция стала бы допрашивать мистера Керка и меня, тут бы открылось, что мистер Керк о марке ничего не знает, и меня бы арестовали… Возможно, они нашли бы несколько моих писем и, сравнив по-

черки, получили бы в руки доказательства… Я не мог этого допустить. Из меня плохой актер. Я бы наверняка себя выдал… Поэтому мне пришлось проделать эту перестановку «задом наперед». Но насчет двери, веревки, тела и всего прочего я придумал еще раньше и заранее все приготовил. Когда дело было кончено и мертвец лежал передо мной, я попытался выполнить свой план, но сначала он не сработал — с веревкой было что-то не так, — поэтому я повторял все снова и снова, пока у меня не получилось. Галстук я не смог достать… — Его голос становился все слабее и слабее, пока не умолк совсем. На его лице застыло какое-то тупое выражение; казалось, он не мог осознать весь ужас того, что с ним произошло.

Эллери невольно отвел глаза.

— Полагаю, женщина — это мисс Диверси, — пробормотал он. — Раз вы ничего ей не сказали, она не замешана в этом деле.

— О! — простонала мисс Диверси и упала в обморок.

Все случилось раньше, чем они сообразили, что Осборн собирается сделать. Он выглядел таким тихим, спокойным, присмиревшим. Только потом они догадались, что это была последняя разыгранная им отчаянная сцена… Эллери

повернулся к нему спиной. Инспектор Квин с сержантом Вели стояли у двери. Детективы…

Осборн одним прыжком бросился вперед и проскочил мимо Эллери прежде, чем он успел обернуться. Инспектор Квин и сержант Вели закричали и мгновенно кинулись за ним, но им не хватило всего нескольких дюймов. Осборн впрыгнул на открытое окно, вскрикнул и исчез внизу.

* * *

— Прежде чем уйти, — проговорил Эллери в почти опустевшей комнате полчаса спустя, — я хочу сказать кое-что вам наедине, Керк.

Дональд Керк все еще сидел на прежнем месте, с безнадежным видом свесив руки между коленей и глядя в открытое окно. Мисс Темпл тихо ждала рядом. Все остальные уже ушли.

— Да? — Дональд тяжело поднял голову. — Квин, я не могу в это поверить. Старина Оззи… Он всегда был самым преданным, самым честным парнем. И вот что с ним стало из-за женщины. — Он передернул плечами.

— Не вините мисс Диверси, Керк. Ее надо скорее жалеть, чем обвинять. Осборн стал жертвой обстоятельств. Ему было тяжело, на него давил возраст. Его сильное воображение воспламени-

лось… Несомненно, эта женщина имела в его глазах большую привлекательность. Слабость, таившаяся в глубине его натуры, вышла на поверхность… Мисс Темпл, если позволите… Вы не могли бы оставить меня на минутку с вашим fiancè?

Она молча встала и направилась к двери.

Но Дональд схватил ее за руку, усадил рядом и заявил:

— Нет-нет, Квин. Я принял решение. Это единственная женщина, которая может принести мужчине только счастье. Я не хочу ничего скрывать от Джози. Кажется, я догадываюсь, о чем вы…

— Разумное решение. — Эллери подошел к своему пальто, перекинутому через спинку стула, и порылся в одном из карманов. Потом вернулся с маленьким пакетом.

— Не так давно, — улыбнулся он, — я поздравил вас с помолвкой. Теперь позвольте поднести вам свадебный подарок.

Керк облизнул губы.

— Письма? — Он с трудом сглотнул, бросил взгляд на мисс Темпл, решился и сказал: — Письма Марселлы?

— Да.

— Квин… — Он взял пакет и крепко сжал его в руках. — Никогда не думал, что смогу их вернуть. Квин, я перед вами в таком долгу…

— Ну что вы, бросьте. Думаю, будет не лишним устроить небольшое аутодафе, — улыбнулся Эллери. — Не сомневаюсь, что у вас есть все основания доверять вашей будущей жене, но на вашем месте я бы немедленно предал их огню. — Он вздохнул и, взяв пальто, добавил: — Ну что ж, все закончилось. Как говорится, нет худа без добра. Надеюсь, что вы оба будете счастливы, хотя сам я в этом сомневаюсь.

— Сомневаетесь, мистер Квин? — пробормотала мисс Темпл.

— О нет, — поспешно поправился Эллери, — не принимайте на свой счет. Это еще одно женоненавистническое замечание закоренелого холостяка.

— Вы очаровательны, мистер Квин. — Мисс Темпл неожиданно посмотрела ему в глаза. — Вы были просто неподражаемы во всем этом деле, и, полагаю, мне не следует задавать вам слишком много вопросов, учитывая, как удачно все повернулось в конечном счете. Но мне любопытно…

— При вашем интеллекте, моя дорогая, это неудивительно. Разве я не все уже объяснил?

— Не совсем. — Мисс Темпл взяла руку Дональда и прижала ее к себе. — Вы очень много говорили о том мандарине, мистер Квин. А теперь вы даже ни разу о нем не упомянули!

По лицу Эллери прошла тень; он покачал головой.

— Странное дело. Вы сами видите, какую ужасную трагедию ошибок нагромоздил Осборн при всей своей изобретательности. Я уверен, что, устраивая этот трюк с перестановкой, он ни на кого не хотел бросить подозрений. Возможно, просто не видел в этом смысла. Осборн перевернул все вещи только для того, чтобы скрыть отсутствие галстука и положение воротничка, и никаких других целей у него не было.

Но судьба оказалась к нему сурова. Она собрала несколько не связанных друг с другом фактов и бросила их мне. Я искал смысла в каждой детали. Но, как уже объяснил, я искал не тот смысл. Мне казалось, что надо внимательно присмотреться к каждому человеку, в котором есть что-то «шиворот-навыворот». И тут появляетесь вы, мисс Темпл, — его серые глаза блеснули, — только что из Китая, живое воплощение принципа «наоборот». Неужели вы станете винить меня за то, что я попытался увидеть значение в том факте, что

жертва съела мандарин — то есть китайский апельсин — незадолго до своей смерти?

— О, — пробормотала она с разочарованным видом. — Значит, на самом деле этот мандарин ничего не значил? А я надеялась, что в нем заключен какой-то тайный смысл.

— Он не значил ничего, — протянул Эллери, — кроме того, что убитый был голоден; но об этом мы знали и без мандарина. Я не мог извлечь ничего важного из того факта, что из всех фруктов, лежавших в вазе, он выбрал именно китайский апельсин, а не яблоки или персики. Я и сам их люблю, хотя никогда не ездил в сторону Китая дальше, чем в Чикаго… Но с этим китайским апельсином связано еще одно обстоятельство, которое кажется мне… хм, довольно интересным.

— И что это такое? — заинтересовался Керк. Он все еще крепко держал в руках пакет.

— Он символизирует, — улыбнулся Эллери, — причуды и капризы судьбы. Потому что хотя съеденный китайский апельсин и не имел никакого отношения к преступлению, зато тот «китайский апельсин», который он привез с собой, сыграл в нем ключевую роль, послужив мотивом для убийства!

— Апельсин, который он привез с собой?! —

удивленно переспросила мисс Темпл.

— Только в кавычках, — ответил Эллери. — Я имею в виду марку — китайскую и апельсинового цвета. Честно говоря, это совпадение кажется мне настолько забавным, что если я когда-нибудь решусь описать замечательное дело бедняги Осборна и улыбающегося китайского миссионера, то не удержусь от искушения и назову его «Тайной китайского апельсина»!